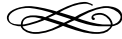

***«Дела их идут
вслед за ними»****

*Откр. 14:13.

Саломея

ГЛАВА 1

Ювелир Захарий и не думал искать тропинку к Пещерам Философа, он был полностью погружен в свои мысли, а ноги его, как будто эта тропинка ими и была протоптана, уверенно вели своего хозяина.

Слухи о распятии на кресте невинного человека, которого народ звал Иисусом Христом и принимал как Бога в человеческом облике, сильно потрясли его. Ему не довелось увидеть Христа, убедиться в Его всемогуществе. Но молва, которая шла о Нём по всей Иудее, вызывала глубокое почтение к Мессии и почитание Его мыслей и идей. Самым впечатляющим для Захария был рассказ маленького чудо-мальчика Амон-Ра, который вместе с друзьями поехал к Горе Оливковых Деревьев, чтобы послушать проповедь Иисуса Христа. Он и рассказал старому ювелиру о заповедях Христа, о Царстве Небесном. Амон-Ра рассказал ему ещё о притчах Иисуса и о том, свидетелем каких событий стал сам: о чудесах исцеления слепых и прокажённых, калек и одержимых.

Старый ювелир, обречённый судьбою на одинокую жизнь, любил Амон-Ра как сына и опору своего духа.

Услышав его убеждённый рассказ о Христе, он проникся великой любовью к Богочеловеку, а радостную весть принял как давно искомую веру.

Но вот до него дошли слухи, что на днях по приказу наместника кесаря Римской империи Иисус Христос был распят на кресте. «Где Амон-Ра, почему его так долго не видно, он бы рассказал мне обо всем!» — думал Захарий с грустью.

Вчера он стал свидетелем события, которое тоже сильно повлияло на ювелира. На площадь Города вышли фарисеи и книжники, чтобы торжествовать распятие Христа.

— Богом себя возомнил... Царем хотел стать! — кричали они и всячески поносили мысли и дела Мессии.

Народ, который собрался на площади, вначале терпеливо слушал их. Но один человек не выдержал столько лжи, ибо сам был свидетелем чуда Христа — Он снял с него проказу.

— Ах вы, клеветники и завистники, безбожники и невежды... — закричал он возмущённо. — Разве не вы видели меня — прокажённого — и обходили стороной, плевали на меня? А Он, Мессия, взял мои грехи на себя и исцелил меня! Как вы смеете хулить Святого, когда каждый из вас тонет в грехах своих?! — потом он обратился к толпе, — неужели среди вас не найдётся тот, кто тоже слушал живое Слово Сына небес, или же был Им исцелён?.. Чего и кого вы боитесь! Скажите этим гнусным клеветникам правду, защитите Сына Бога!

Действительно, среди собравшихся оказались много о тех, которые на себе испытали Благое Божественное могущество Иисуса, хоть раз слышали Его Слово. На площади завязалась драка. Книжники и фарисеи ору-

довали палками и безжалостно били ими людей. Но народ не побоялся, тоже вооружился кулаками, камнями и палками, и вскоре богоубийцам пришлось покинуть площадь и уходить восвояси.

Со вчерашнего дня, то есть, после этого события в душе Захария стёрлось всякое доверие к книжникам и фарисеям: как может человек, тем более, если он служителю Бога, говорить неправду, клеветать, доносить и губить праведного? И хотя Захарий об Учении Христа знал очень мало и не понимал в полной мере даже того, о чём рассказывал ему Амон-Ра, тем не менее, одинокий старый ювелир вдруг обрёл в себе чувствознание сердца, что и подарило ему искреннюю веру в Иисуса. Он почувствовал в себе необычайный прилив силы Духа и, чтобы объяснить происходящее, устремился к поиску своего маленького учителя Амон-Ра.

Сегодня он решительным шагом направился к дому Саломеи: кто-кто, а она должна была знать, где сейчас этот чудо-мальчик. Ведь прошло с тех пор полгода, как он последний раз видел его. Саломеи дома не оказалось. Мама девочки грустно сообщила ювелиру, что Саломея ушла в Пещеры Философа неделю тому назад и там ждёт возвращения Амон-Ра.

Вот и идёт он сейчас в Пещеры, где ни разу не был и дорогу тоже не знал. Идёт медленно, погруженный в мысли и переживания.

Скорбно на сердце у старого ювелира.

Скорбно из-за Христа, которого уже нет в живых.

Что значит — нет в живых? Он — Сын Бога, значит, Он вечно живая Сущность. Бог-Отец послал Своего Сына к людям, чтобы Тот дал им праведный путь. Он свершил

на Земле богоугодные дела. Говорят, что Он знал, как завершится Его жизнь: что один из учеников предаст Его, и Он будет распят на кресте.

Нужно ли скорбеть об Иисусе Христе, если Он победоносно вернулся к Отцу?

Нет! Жалеть и скорбеть надо о людях, которые не приняли Его. Жалеть нужно каждого грешного, который губит душу свою и не стремится к святому источнику для очищения.

Эти мысли облегчили Захарию боль души.

Он почувствовал сильное желание углубиться в Учение Христа, но как это сделать и кто ему в этом может помочь? «Амон-Ра, сынок, где ты? Не бросай старика ювелира!» — прошептал он про себя. А кто поможет другим, которые тоже хотят знать Учение Христа? Кто расскажет о Нём будущим поколениям? И мысли Захария расширились, как небо, возвысились, как звезды. «Надо, чтобы Его ученики написали о Нём: о том, к чему Он призывал людей, какие Он давал им знания, какие свершал дела... — подумал Захарий, — Философ, которого звали Андрей и который был дядей Амон-Ра, был призван Христом и стал Его учеником. Может быть, он напишет о своём Учителе? Лучше, если напишут все ученики, каждый о том, как он сам познал Сына Бога, как он Его понял... Пусть напишут не только ближайшие ученики, но и те, которые слышаны о Нём... Ни одна весточка о Нём и Его Словах не должна пропасть, ибо в них жизнь, они Духовная пища... Надо заняться этим собиранием вестей о Христе и от Христа немедленно, на свежую память... Может быть, будущее поколение поймёт Мессию лучше и глубже, чем поняли и приняли Его сегодняшние...»

На этом вдруг мысли Захария, словно повинуюсь чьей-то воле, приостановились. Они как бы расступились и застыли в благоговейном восхищении, давая возможность Вести, летевшей из Высших Божественных Пространств, незамедлительно проникнуть в самый сокровенный уголок души старого ювелира. Мгновение... И Весть, как огненный шар, как Солнце, озарила всю душу старого ювелира, сжигая в ней всё лишнее, и эхом издавая небесные колокольные звуки. Сердце Захария затрепетало блаженно, а сознание его усердно и с точностью ювелира начало складывать каждый звенящий звук в слова и разгадывать их смысл и тайну.

Захарий не понял, что с ним происходит. Он пошатнулся, прислонился к дереву и закрыл глаза. Внутри него Высшая Весть излучалась и звучала, и по мере того, как он приходил в себя, он все ярче воспринимал смысл Высшего Звона:

«Сотвори... Сотвори... Сотвори... Символ... Символ... Символ... Вечность... Вечность... Вечность... Христос... Христос... Христос... Сотвори... Сотвори... Сотвори... Символ... Символ... Символ...»

Такое недоумение Захарий испытывал впервые.

Все произошло в мгновение ока, но Захарию казалось, что медленно и спокойно. Вначале он не мог понять, откуда этот Свет и Звон, и правда ли всё это. Потом, когда он убедился, что Свет и Звон находятся внутри него, и понял их смысл, то с удивлением воскликнул в душе: «Мне ли это сказано?!»

И тут же услышал эхом звенящий ответ: «Да, ювелир Захарий... Захарий... Сотвори... Сотвори... Сотвори...»

«Символ Вечности Христа?!» — опять взмолилась душа Захария.

А эхо звенело: «Вечность... Вечность... Вечность... Христос... Христос... Христос...»

Наконец Захарий успокоился, утихли в нём и колокольные звуки. Он открыл глаза, и первое, что увидел, это была красивая птичка, сидевшая у него на правой руке, она рассматривала его пальцы и тихо чирикала. Захарий левой рукой нежно погладил птичку по крылышкам. Та поддавалась его ласкам.

— Ты единственный свидетель того, что со мной произошло, верно? — спросил Захарий птичку. Она затрепетала, села ему на плечо, спела ему прямо в ухо и улетела прочь.

Мысли Захария направились на осмысление пережитого и понятого, а ноги двинулись по тропинке к Пещерам.

Символ Вечности Христа!

Что это за Символ, каким он может быть?

Может быть, это голубь Ноя с пальмовой веткой?

Из Библии Захарий вспомнил: чтобы узнать, утихли всемирный потоп, Ной выпустил из ковчега голубя, и спустя некоторое время тот вернулся к нему с пальмовой веткой в клюве и так принёс весть о том, что земля расцветает. Голубь с пальмовой веткой может стать символом... чего? Радости, мира, возрождения, процветания.

Но мысли ювелира отошли от такого символа вечности Христа. Пусть голубь с пальмовой веткой в клюве напоминает людям о всемирном потопе и о том, что людям нужно жить в мире и согласии.

Мысли кипели в голове Захария в поиске Символа Вечности Христа.

А шестиконечная звезда? Она знак мудрости и вечности.

Но мысли опять восстали: это же звезда Соломона, нельзя её отнять у него.

Может быть, тогда свастика, знак вечного движения?..

Опять нет, ибо дело не в вечности движения, а в долге и жертвенности.

Каким же может быть этот Символ Вечности Христа? Он останется людям и будет направлять их, делать их путь правильным. Путь Христа... Символ Вечности Христа... Тебе, Захарий, велено сотворить этот Символ...

Захарий сразу и не заметил, что тропинка кончилась, и он уже стоит перед Пещерами Философа.

Саломея услышала незнакомые шаги и с испугом оглянулась в сторону Бунгло.

— Это не шаги Амон-Ра, Бунгло! Кто же тогда к нам идёт?

Бунгло успокоил девочку: «Свой».

И Саломея при лунном свете уловила черты дяди Захария. Она удивилась его приходу, но обрадовалась.

— Дядя Захарий! — воскликнула она и повисла у него на шее.

Дядя Захарий прижал её к груди, поцеловал в лоб, погладил по голове.

— Скучно без тебя в городе, Саломея! — сказал он, — город gloхнет без жителей Пещер Философа... Почему ты здесь, доченька, как же твоя школа?

— Жду здесь прихода Амон-Ра, дядя Захарий! — с грустью ответила она.

— А вестей от него нет?

— Нет... никаких... — она заплакала.

Дяде Захарию тоже стало больно от какого-то предчувствия.

— Успокойся, дочка моя... — он хотел сказать что-либо ласковое и обнадеживающее, но Саломея перебила его.

— Дядя Захарий, с ним что-то произошло, но не могу понять, что именно...

Девочка плакала, уткнувшись в грудь дяди Захария, а он не знал, как её успокоить.

В это время Бунгло испустил, как бы шёпотом, звук «Оооооо», и Саломея улыбнулась. Бунгло поднялся на задние лапы и сразу стал огромным; он обнял Саломею и Захария и ласково прижал их к себе. Дядя Захарий в объятиях Бунгло почувствовал себя маленьким и слабым.

— Бунгло приветствует тебя, дядя Захарий! — сказала Саломея весело.

Захарий тоже проявил нежность к Бунгло, улыбнулся ему и пощекотал брюхо.

— Чем тебя угостить? — засуетилась Саломея и тут же добавила: — Хотя есть чем. Сегодня в лесу я собрала ягоды и орешки...

И пока девочка выносила из Пещеры орехи и ягоды и клала их на большой плоский камень, Захарий успел оглядеться. «Вот и Пещеры Философа, — подумал он, — а небо отсюда какое красивое, и как близки звезды...»

Потом они присели у большого камня для трапезы. Саломея обняла Бунгло, так ей было спокойнее и теплее.

— Саломея, доченька моя, расскажи мне о Христе что-нибудь... Расскажи всё, что знаешь о Нём, о Его Слове... Ты же видела Его, слушала Его!

— Хорошо, дядя Захарий! — охотно согласилась Саломея.

«Видно, она ещё не знает о распятии Иисуса Христа. Лучше, если я пока не скажу ей об этом, она и так расстроена», — подумал Захарий.

— А ты знаешь, дядя Захарий, Он мне на голову руку положил, благословил, поцеловал в лоб...

И девочка с увлечением начала вспоминать каждую мелочь, связанную с живыми воспоминаниями о встрече с Мессией. Вспоминала она каждое слово, которое услышала от Него. Вспоминала всё, что говорил о Нём, о Его заповедях Амон-Ра. Рассказывала она обо всём этом дяде Захарию самозабвенно. Она как бы погрузилась сама в жизнь и мысли Иисуса Христа, увлекая туда же и Захария, и Бунгло, и Звёздное Небо, которое опустилось над Пещерами Философа так близко, что до звёзд можно было дотянуться рукой. Саломея заговорила ещё о тех вещах, свидетельницей которых сама не могла быть и ни от кого о них не слышала. Она черпала новые сведения об Иисусе Христе как бы из ниоткуда, но говорила о них увлечённо и с убеждением.

В объятиях огромного мохнатого существа перед Захарием сиял Божий ангел, который наполнял его душу и сердце жемчужинами и бриллиантами Божьего Слова. Саломея как бы забыла, где находится, говорила о том, что видели её глаза и переживало её сердце... «Бери свой крест и следуй за мной», — говорит Иисус молодому человеку... И Он сам взял свой Крест и идёт... Его сопровождает толпа, озлобленная толпа... Крест деревянный, большой, тяжёлый... Он замедляет шаг... Легионер ударяет Его хлыстом, «шагай», кричит... Он уже на голго-

ГЛАВА 2

— Вижу, ты очень устал, — сказал Иорам Филиппу, — нам теперь предстоит подниматься в гору, тропинка сложная...

— Да, устал, — признался Филипп, — но мне не терпится скорее увидеть Пещеры, войти в них!

— Может быть, отдохнём немного и дождемся восхода Утренней Звезды?

— Как знаешь! — сказал Филипп.

Они улеглись на траве под деревом.

Три дня они добирались до Города и только один раз устроили передышку на полпути, чуть вздремнули. От попутчиков узнали о распятии Иисуса Христа, и их тяжёлые мысли стали ещё тяжелее. Так шли они со своими ношами-мыслями, редко обмениваясь ими, оберегая друг друга.

Вот и пришли, наконец, в окрестности Города, туда, где начинается тайная тропинка к Пещерам Философа.

Была уже полночь.

Филипп мигом уснул.

Но Иорам одолевала мысли, которые были сильнее, чем усталость. Он потянулся на мягкой и прохладной

траве, воззрел на звёздное небо и отдался воле мыслей. Его мучила предстоящая встреча с Саломеей. Как ей рассказать об Амон-Ра, как ей объяснить, что его уже нет в этом мире, что он улетел в Мир Высший? Как примет она сообщение о том, что Большой Мальчик и его разбойничья банда забросали камнями Амон-Ра? Конечно, он не забудет рассказать Саломее, как Амон-Ра превратился в фиолетово-голубой огонь, не оставив никакого пепла. Только ладони его берегли птенца, упавшего из гнезда. И как только Филипп раскрыл их, а Илья, взяв птенца, вернул его в своё гнездо на верхушке дерева, ладони тоже сгорели в голубовато-фиолетовом огне. Что ещё скажет Иорам Саломее? Расскажет о мужестве Амон-Ра, о прекрасной огненной тропинке, по которой устремился ввысь светлый дух и которую видел Иорам. Расскажет ещё, как они вдвоём исцелили Филиппу раздавленную ногу. Весь этот рассказ должен облегчить горе, которое будет переживать Саломея, узнав о том, что Амон-Ра...

Мысли эти измучили Иорама.

Да, он стал свидетелем великого преобразования и вознесения и, разумеется, надо радоваться за Амон-Ра, надо гордиться, что Амон-Ра был его учителем и другом, был учителем и любимым человеком для Саломеи. Да разве только для них? Но как быть, если земная жизнь продолжается, а учителя-друга не будет больше рядом? Нужно ли этому тоже радоваться? Могут ли в одной чаше сердца смешиваться друг с другом горе и радость? И какой становится радость, когда рядом горе?

Мысли Иорама вроде бы нашли выход: радость-горе или горе-радость — это одно целое. Мысли упорно твердили о том, что там, где торжествует радость, где-то

скал Филиппа, которого видел впервые, а потом сказал шёпотом:

Иорам, сынок, Саломея ждёт прихода Амон-Ра в Пещеры. Ею овладевают сомнения, что с ним происходит что-то неладное. Заснула она поздно и во сне начала плакать... Так плачет она всю ночь, а Бунгло бережёт её плач во сне, не даёт мне будить её... Наверное, он прав...

Иорам молчал, не зная, что сказать.

И Захарий молчал, боясь спросить его об Амон-Ра.

Молчание, напряжённое молчание само заговорило. И Захарий понял. Его вдруг что-то кольнуло в сердце. Там, внутри сердца, что-то оборвалось, оборвалась какая-то нить, которая соединяла сердце старого одинокого ювелира с маленьким любимым чудо-мальчиком.

— Да, дядя Захарий, — произнёс после долгого молчания Иорам, — Амон-Ра улетел в Высший Мир, он сгорел в фиолетовом огне духа... Ценою жизни спас он птенчика...

Захарий тихо зарыдал.

Первые лучи солнца осветили площадку перед Пещерами, они обласкали лицо, длинные волосы, маленькую фигурку прекрасной девочки в слезах и разбудили её.

Саломея с трудом открыла распухшие глаза. Бунгло высвободил её из своих лап. Его огромная медвежья морда ласково улыбнулась девочке. Саломея тоже улыбнулась ему в ответ.

— Люблю тебя, Бунгло!.. Спасибо тебе! — прошептала она.

«Ты узнала правду? Ты все видела?»

В ответ на мысленный вопрос Бунгло Саломея сказала:

— Да, Бунгло, Амон-Ра в Пещеры не поднимется... Он улетел в Дальние Миры, но всегда будет рядом с нами... Я видела, как распяли Мессию... Видела, как забросали камнями Амон-Ра... Видела ещё, как дух Амон-Ра, улетающая в Дальние Миры, оставлял за собой огненный след... Прекрасное было зрелище, Бунгло...

Саломея заметила стоявшего в сторонке и рыдавшего дядю Захария, а рядом с ним — Иорама и незнакомого мальчика. Она подбежала к Иораму и обняла его, а потом прижалась к дяде Захарию.

— Иорам, не мучайся, я все знаю... — сказала она спокойно. — Не плачь, дядя Захарий, Амон-Ра победил земную жизнь, он сделал то, что надо было ему сделать, и дух его теперь обитает в Царстве Небесном... Не плачь, дядя Захарий... — Саломея поднялась на цыпочки и нежно поцеловала в щеку добродушного старика.

Саломея посмотрела на Филиппа.

— Как тебя звать?

— Филипп... А ты Саломея, я знаю тебя: Амон-Ра рассказывал нам о тебе, о твоей школе... какая ты красивая! — ответил Филипп дружелюбно.

Порам добавил:

— Амон-Ра поручил мне заботиться о Филиппе.

Филипп тут же уточнил:

— Он поручил тебе быть моим учителем и воспитать меня, сделать из меня хорошего человека... Я буду твоим послушным учеником!

В это время он увидел, как приподнялся огромный медведь, встал на задние лапы и подошёл к ним. Филипп знал о Бунгло, ждал встречи с ним, но он не ожидал, что тот такой огромный, как гора. Потому испугался и соб-

рался спрятаться за спиной Иорама. Но Бунгло мирно протянул передние лапы, поднял нового члена жителей Пещер Философа, прижал к груди как младенца, заглянул ему в глаза, пробубнил что-то доброе и лизнул его в щеку.

— Бунгло говорит, что принимает тебя как друга, — пояснила Саломея Филиппу.

Филиппу действия Бунгло понравились. Он смело обнял медведя и поцеловал его в ответ.

Тем временем Захарий вытер слезы, успокоился, но оборванная в сердце нить так и осталась оборванной.

— Вернусь в город, — сказал он Саломее и, как бы извиняясь перед ней, что не может остаться, добавил: — есть дела...

— Хорошо, дядя Захарий, но до того, как уйдёшь, хочу кое-что показать тебе. Думаю, я выполняю желание Амон-Ра. Пойдём со мной! — и Саломея повела его в Пещеру Господа.

Пещера была освещена семью свечами.

Захарий оглянулся вокруг, и глаза его остановились на необычном человеческом образе, нарисованном на стене.

— Ты узнаешь Его? — спросила Саломея.

— Да, это Иисус Христос! — уверенно сказал Захарий.

— Его нарисовал дядя Андрей и десять лет ждал в этой Пещере Его появления. Амон-Ра рассказал мне, как однажды, когда Андрей и он помолились здесь, вдруг Иисус Христос сошёл со стены, подошёл к Андрею, положил ему руку на голову и сказал: «Мир вам! Андрей, не задерживайся, поспеши к своему брату...» С того дня прошло два года... — после минутного молчания Саломея добавила, — Дядя Захарий, чувствую, что нужно оставить тебя наедине с образом Иисуса Христа...

Саломея вышла из Пещеры.

Зачарованный Захарий вначале долго смотрел на Образ. Всё внутри его впитывало свет, исходящий от Образа. Свет этот ему уже знаком со вчерашнего вечера, когда он шёл по тропинке к Пещерам Философа.

Тело его задрожало.

Потом он опустился на колени.

Ему захотелось помолиться, но молитв он не знал. Тем не менее, уста его зашевелились. Не думая, зачем он это делает, старый ювелир начал нашёптывать таинства, которыми он пользовался, когда готовил какое-либо изделие. Слова этих таинств, сочинённые им же в течение своей долгой жизни и таинства, заложенные им же в них, произносили его уста как молитвы. Они исходили из глубин его сущности, из самого центра сердца.

Мысли о распятом Христе, о побитом камнями Амон-Ра, чувство страдания от утрат, отвлечённость от внешнего мира и всё большее погружение в некую бездну Света складывались в его душе как молитва, устремлённость. Напряжение струн духа уловило слова, которыми была пропитана Пещера. Слезы умиления и страдания омывали сердце Захария, и он прошептал самозабвенно:

Владыка Всемогущий!

Преклоняюсь перед Твоим Святым Именем!

Взвали на плечи мои ношу Твою,

И дай мне нести её по тернистой тропинке

К вершине горы,

Откуда смогу постигнуть

безграничность Любви Твоей

И осознать глубину Мудрости Твоей. Аминь!

Уста его повторяли эту молитву вновь и вновь, душа Захария возвышалась в иные пространства Света. Там чьи-то заботливые руки опять вернули Захария в Пещеру Господа. «Где я был и где я сейчас?» — подумал старый ювелир. Он встал и как будто на крыльях покинул Пещеру.

Мальчики оживлённо рассказывали Саломее об Иакове и Илье, о строительстве дворца Юстиниана.

Захарий посмотрел на солнце и удивился: оно клонилось к закату. Он провёл в Пещере Господа весь день!

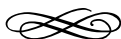
Саломея, увидев его, улыбнулась.

— Дядя Захарий, тебя не узнать, ты весь светишься...

— Спасибо тебе, доченька... — только и сказал Захарий. Сильные переживания не давали ему говорить о чём-либо. Он поцеловал Саломею, помахал рукой мальчикам в знак прощания и шагнул в сторону тропинки. В это время Бунгло успел хлопнуть его по плечу, мол, «ты хороший, не забывай наши Пещеры».

— Мы навестим тебя, дядя Захарий! — догнал его голос Саломеи.

Шагал Захарий вниз по горной тропинке и уносил с собой более тяжёлую ношу, чем когда поднимался в Пещеры Философа.

ГЛАВА 3

Сегодня Илье исполняется пятнадцать лет.

О его дне рождения никто не знает, кроме него самого. Он и сегодня, когда прекрасный дворец будет торжественно передан Августе и Юстиниану, никому об этом не скажет, даже Иакову.

С помощью своего дня рождения Илья измеряет точность расчётов. Два года тому назад, в этот же самый день, было начато строительство дворца. Тогда ему исполнилось тринадцать. Опираясь на свои расчёты, он предполагал завершение строительства ровно через два года, день в день. В прошлом году, отмечая своё четырнадцатилетие, он убедился, что не ошибся. А сегодня ему пятнадцать, и строительство великолепнейшего во всей Иудее дворца завершено полностью.

Да, дворец действительно прекрасен, и стоит он в окружении цветущих садов и тенистых деревьев. Перед ним раскинуто озеро, в котором горделиво плавают лебеди; посередине озера бьют фонтаны из изящных скульптур. Днём в озере отражаются редкие облака, а ночью в нём собираются все звезды неба.

Мраморные скульптуры римских и греческих мастеров, размещённые по всей территории дворца, заставляют приостановиться, задуматься и восхититься. Олени, павлины... И откуда только прилетели целые стаи певчих птиц...

Илья встал сегодня ранним утром, чтобы ещё раз взглянуть на завершённое чудо и принять меры для незамедлительного исправления изъянов, если, конечно, обнаружит их.

Ходит Илья вокруг дворца, смотрит на него то с восточной, то с западной стороны и сам восхищается сказочным видом огромного здания, купола которого гармонично сочетаются с небом.

«Купола... — Илья задумался над этими формами дворца, — как мог выглядеть дворец без этих трёх куполов? Ну, конечно, потерял бы он величественность и связь с Небом... Купола возвышают дворец, делают его лёгким... Особенно средний купол, который выше других... И почему только я их поставил над зданием?» И вдруг он вспомнил, что сделал это в самом конце, когда почти закончил работу над проектом. Тогда ему показалось, что дворец имеет какой-то незавершённый вид и требует чего-то. Но чего? Илья в мыслях продолжал искать решение задачи и не заметил, как рука, без ведома своего хозяина, взяла грифель и на проекте дворца обозначила купола. Вот так загадочно они возникли.

Теперь он смотрит на них, восхищается, а в воображении всплывает образ доброго старого ювелира Захария. Он научил его создавать из золота идеальные сферические формы и при этом нашёптывал ему на ухо: «Сфера, если она безукоризненна, выражает суть Света Высшего... Сфера суть и форма Света... Запомни это,

мальчик...» В мыслях Ильи промелькнула догадка, что созданные им купола над дворцом могут притягивать к себе этот Свет Высший, Свет Творца и наполнять им весь дворец. Что же это принесёт обитателям дворца, какие блага? Но если купола над дворцом несовершенны, что же тогда будет? И Илье стало не по себе от этой мысли.

Он прищурил глаза и стал рассматривать пядь за пядью каждый купол. Вдруг глаза его стали как-то странно себя вести: они приблизили к нему купол так, как будто тот находился рядом, и можно было дотронуться до него рукою. «Что это такое?!» — удивился Илья. Он с огромным вниманием осмотрел весь купол, повернул его другой стороной, поднял над головой и посмотрел снизу. Нигде никакого изъяна не обнаружил. Так он проверил и другие купола, да ещё убедился в своей необычайной способности — приближать отдалённые предметы и рассматривать их со всех сторон.

«Что это со мной происходит?!» — мысленно повторял он вопрос, но объяснения произошедшему не находил.

Он встал рано утром ещё и потому, чтобы встретить восход Солнца, которое вот-вот должно было взойти. Он повернулся лицом к восходу и стал ждать. Это было не в первый раз. Каждый день он встречал восход Солнца с благоговением и восхищением. Сегодня у него радостное состояние духа: то, что сегодня увидит Солнце на берегу реки Иордан, два года тому назад было только в голове маленького архитектора и на его чертежах. Он хочет порадовать Солнце красотой своей воплощённой мысли. В конце концов, его творчество и мысли, труд и устремлённость многих сотен людей, которые стали участника-

ми осуществления его мыслей, также есть частица Солнца, есть земные лучики Солнца.

Илья в трепетном ожидании смотрел в ту укромную точку горизонта, откуда вставало Солнце. Вокруг этой части горизонта небо торжествовало и тоже трепетало в ожидании Жизнедателя: оно играло, как огромное знамя на ветру, в алых, багровых, фиолетовых языках пламени.

Вот и первые лучи Солнца.

Они мигом проникли в широко раскрытые глаза Ильи и поселились в них, привнеся небесный огонь в душу мальчика.

Солнце всходило медленно и спокойно, таинственно и величественно. За первыми лучами последовали другие, также устремляясь в зрачки Ильи, и тоже создавали там свои «гнездышки».

Илья ликовал.

*«О, Всемогущий Огонь Жизни!
О, Всемогущая Мудрость Доброты!
О, Всевышнее Таинство Вселенной!..»*

Так шептал Илья и вбирал в себя диск Солнца, который становился всё более полным и полным.

Лучи перестали гнездиться только в глазах, они теперь обнимали всё пространство, в котором находился юный архитектор.

Он продолжал нашёптывать:

*«Пропитывай каждую частицу мою
Светом Твоим! Войди в меня
И дай мне войти в Тебя!»*

Диск Солнца стал полным и начал приближаться к Илье, будто с намерением вобрать мальчика в свой испепеляющий огонь.

Илья утратил все слова мольбы, восхищения и молитвы. Вся его сущность превратилась в благоговение, для выражения которого слова беспомощны, потому их и нет.

Илья протянул руки и дотронулся до диска, который, как ему показалось, состоял из огромного количества трепещущих и расширяющихся дисков размером от ослепительной белой точки до беспредельности. Каждый диск имел свою окраску, и все они вместе создавали Вселенскую Розу.

Илья чувствовал своё единство с солнечными дисками, в которых он утопал, и сам превращался в расширяющуюся световую точку. Вокруг него исчезло всё: исчезло небо, исчезла земля, исчез дворец, исчезло само Солнце. Но он обретал смысл Бытия, суть Света, обретал Истину. Илья растворился в Солнце; он не сторел, не испепелился, а растворился, а точнее, расширился. Но сущность его, сознание его, его дух оставались целостными.

О, блаженство!

Человек становится Солнцем!

Человек превращается в пучок лучей, несущих жизнь!

«Я есть Солнце, и я есть Земля... И Солнце, и Земля... И Вселенная...» — шептал Илья и был рад, что горит и излучает...

Иаков стоял поодаль и терпеливо ждал, пока юный архитектор сойдёт с Солнца на землю. Но произошло наоборот: солнечный диск начал постепенно уменьшаться, высвобождая из себя зачарованного мальчика.

«Что это со мной сегодня происходит?!» — Илья оглянулся, увидел Иакова и улыбнулся ему.

— Пошли на площадь, — сказал Иаков, — люди уже собираются!

Там уже стояли по группам рабочие и мастера, которые в течение двух лет строили дворец. Они пришли на площадь со своими жёнами и детьми.

Пришли Пётр с женой Анной и их мальчики Александр и Михаил. После того события, когда Амон-Ра забросали камнями, их приютил Юстиниан и обещал укрыть Петра от преследований римских легионеров. Вся семья тоже славно потрудились на строительстве дворца.

Народу становилось всё больше. Всех интересовало, что будет дальше — распустит их Юстиниан или предложит другую работу. Они задавали этот вопрос Иакову.

— Скоро узнаете, — успокаивал их Иаков, — вот придёт наш добрый господин и объявит о своих намерениях.

Рабочим не хотелось разъезжаться. За два года совместного труда они сдружились, многие породнились друг с другом, создали семьи, родили детей.

Иакову удалось установить между рабочими мир и взаимопонимание. Люди, не думая об этом, образовали свою общину, в которой как бы сами по себе сложились добрые правила совместной жизни.

В ожидании хозяина рабочие вспоминали, что было на этом месте два года тому назад и каким оно стало теперь. Смотрели на дворец и сами восхищались, какую красоту создал их труд.

Кто-то говорил о новом способе строительства, о новых машинах, без которых было бы невозможно построить такой дворец, да ещё за два года.

Говорили о том, как многому научились они друг у друга, у Иакова.

Вспомнили Амон-Ра. Женщины прослезились, дети погрустнели.

Говорили об Иисусе Христе и возмущались жестокостью тех, кто Его распял.

Радовались тому, что их дети научились чтению и счету в школе, которую устроил Иаков.

Говорили, какой Иаков хороший руководитель, как он всем помогал.

Заговорили они и о неизвестном великом архитекторе.

— Он, наверное, большой учёный и очень старый...

— Почему старый?

— А как же, шутка ли такой дворец придумать...

— Иаков, скажи хоть, сколько ему лет? Правда, что он уже очень старый?

— Как он внешне выглядит?

— Он, наверное, высокого роста, крупный, сильный, с седыми волосами...

— Это почему?

А как же, все великие люди и внешне тоже как великаны!

— Иаков, скажи что-нибудь об архитекторе!

— Неужели не придёт сегодня, не посмотрит, какой получился дворец?

— Почему он скрывает своё имя? Разве не хочет прославиться?

— Он и так прославится.

— Как может человек прославиться, если люди не знают его имени, и никто его в глаза не видел?

— Дела прославят...

Иаков улыбался рабочим и не отвечал на их вопросы. «Поверят ли они, — подумал он, — если скажу, что они каждый день видели великого архитектора и сейчас тоже он находится среди них? Догадаются ли они, кто этот архитектор?»

Было ещё утро, когда приехали Юстиниан и Августа. Их сопровождала свита.

Юстиниан поднялся по ступенькам парадной постницы дворца. Рядом стояла Августа. Юстиниан пригласил к себе Иакова и Илью. Илью он поставил перед собой.

Собравшиеся внимательно наблюдали за всем происходящим.

— Люди! — начал Юстиниан.

Наступила полная тишина. Только певчие птицы не подчинились обращению Юстиниана.

— Люди! Вы построили этот прекрасный дворец, сад вокруг него, создали озеро и фонтаны. Равного всему этому нет ни в Иудее, ни в Риме, ни в Афинах. Я благодарю вас! Дворец я дарю своей жене Августе, которая использует его по Божьему начертанию. Пусть она скажет вам об этом сама!

Собравшиеся с удивлением переглянулись.

— Люди! — произнесла Августа. Она волновалась: — дворец этот отныне будет называться Дворцом Света. Здесь могут найти убежище все: и дети, и взрослые, которые нуждаются в утешении и просветлении ума!

Рабочие не совсем все поняли, но в словах Августы почувствовали добрую весть.

— Пусть славится имя Августы! — закричал кто-то, и все его поддержали.

Юстиниан поднял руку и призвал к вниманию. Люди притихли.

— Слушайте теперь, что я вам скажу. На другом берегу Иордана, где разбойники забили камнями Амон-Ра, с сегодняшнего дня начнём строить Храм Христа. Он должен прославить Имя и Учение Иисуса Христа, Сына Бога! Строительством будет руководить Иаков. Хотите увековечить свой труд?

Раздалось восторженное «ура!». Народ возликовал. Радовались все — рабочие, их жены, дети.

Юстиниан вновь поднял руку. Радостные возгласы стихли не сразу.

— Слушайте внимательно, что я хочу вам сообщить!

Люди поняли, что Юстиниан собирается сказать им о чем-то очень важном.

— Я собираюсь обосновать вокруг Дворца Света новый город и назвать его городом Солнца... — Юстиниан сделал паузу. — Предлагаю вам стать вместе со мной основателями города Солнца и первыми его гражданами. И пусть восторжествуют в городе Солнца законы свободы, доброты и долга...

Собравшиеся не поверили своим ушам. «Что он сказал?.. Наш город?.. Первые граждане?..» — переспрашивали они друг друга.

Юстиниан опять выдержал паузу, чтобы дать людям осмыслить сообщение. Потом он снова призвал всех к вниманию.

— Кто хочет стать основателем и первым гражданином города Солнца, пусть поднимет руку!

На площади вдруг зазвенела всеобщая радость, люди — и взрослые, и дети — поднимали обе руки и кричали:

«Слава Юстиниану... Слава городу Солнца... слава доброму господину...»

На этот раз Юстиниану пришлось долго держать поднятую руку. Люди не утихали. Юстиниан видел, как в толпе прыгали и танцевали дети, а взрослые обнимались и целовались.

Наконец, опять воцарилась тишина.

— Этот день будем считать днём рождения города Солнца... Теперь же мы отправимся на другой берег Иордана, чтобы заложить фундамент Храма Христа. Строительство, по расчётам великого неизвестного архитектора, будет закончено ровно через год! А возглавлять строительство будет Иаков!

Юстиниан сжал плечо мальчика, который стоял перед ним, и которому до будущего дня рождения предстояло много трудиться, чтобы подтвердить точность своих расчётов.

Народ радостно направился к месту нового строительства.

ГЛАВА 4

Вокруг Дворца Света и на правом берегу реки Иордан развернулась кипучая жизнь: люди строили Храм Христа и свой город Солнца. Слух о грандиозном строительстве разнёсся по всей Иудее, а также по разным странам, и потому приезжали всё новые рабочие и прекрасные мастера разных ремёсел. Все они просили принять их гражданами нового города.

Юстиниан ещё раз собрал всех — и мужчин, и женщин, и детей — и объявил:

— Пора выбрать главу города Солнца. Назовите...

Он не успел договорить, как люди хором, единодушно закричали:

— Иакова... Иакова...

Так Иаков был избран главой города Солнца, который строился тоже под его руководством. Выбрали также девять членов городской управы, которые должны были советовать и помогать Иакову мудро вести дела. Так как полноправными гражданами города Солнца были признаны не только взрослые мужчины и женщины, но и дети, которым уже исполнилось шесть лет, то членами управы были избраны и они. Одним из них стал Сафар,

шестилетний сын каменщика Давида. Другим был десятилетний Александр, сын легионера Петра. Третья была одиннадцатилетняя девочка София, дочка вдовы Магдалины, которая готовила рабочим еду.

Посоветовавшись со своими девятью помощниками — членами городской управы, Иаков предложил всем гражданам города Солнца утвердить три самых важных закона жизни в городе:

«Любить ближнего.

Жить по совести.

Трудиться на благо всех».

— Нарушитель хоть одного из этих законов, или тот, который их не признает, покинет город Солнца! — объявил Иаков, а народ согласился с ним.

Спустя несколько дней на площади и на двух главных улицах установили три огромные каменные глыбы, и искусный каменщик Давид месяц трудился, высекая на каждом из них законы жизни в городе.

Дети постоянно окружали его, наблюдали, как дядя Давид высекает на камне каждую букву закона — красиво, с любовью.

Дядя Давид делал и другое: он рассказывал детям, что означают эти законы, почему нужно по ним жить и каким станет город в ближайшем будущем, если его жители будут верны им.

— Ну, как? — то и дело спрашивал он у детей, — будете достойными гражданами города Солнца?

— Да... — отвечали дети хором.

И когда Давид закончил работу, на площади опять собрались люди, чтобы посмотреть на высеченные в камне законы.

Но Давид объявил:

— Пусть каждый подойдёт к камню и скажет: «Я гражданин города Солнца и законы эти есть моя воля!»

И так как народу было много, то такая церемония «присяги» длилась три дня.

Делали это и взрослые, и дети.

Каменщик Давид выслушивал и жал каждому руку, поздравляя с полноправным гражданством города Солнца.

Такое принятие присяги было обязательным для каждого, кто хотел стать гражданином нового города.

Тем временем Иаков взялся за организацию трудовой жизни рабочих. Он поступил мудро: разделил всех рабочих, а их количество возросло до тысячи, на четыре группы и дал каждой своё задание. Одна группа была занята строительством Храма Христа. Другая — строила город Солнца. Третья — дороги и мост через реку Иордан, а четвертая группа, в которой были женщины, старики и дети, заботилась о благоустройстве и украшении города и окрестностей Храма Христа.

Город Солнца каждый день приобретал какую-нибудь прекрасную черту — строились дома, мастерские, улицы, устанавливались скульптуры, сажались деревья, устраивались газоны с цветами.

Однажды к Иакову пришёл Пётр. Он был взволнован.

— В чем дело, Пётр? — спросил Иаков.

— То, что здесь строится Храм Христа и такой прекрасный город, это вовсе не понравится римским правителям, прокуратору и царю Иудеи. Иудейским жрецам тоже не понравится. Но есть ещё банды разбойников, которые только грабят и убивают... — с жаром говорил Пётр.

Иаков тоже думал о защите города, но почему-то не придавал этому особого значения. Теперь же, после слов Петра, убедился, что будущее города может оказаться в опасности.

— И что ты предлагаешь? — спросил он Петра.

— Нужно создать защитные отряды, а вокруг города построить крепостную стену. Я могу взять на себя подготовку бойцов.

— Я подумаю, — сказал Иаков.

Опасениями Петра и своими намерениями он поделился с Ильёй.

«Как можно сделать наш город неприступным для врагов?» — спросил он Илью.

Спустя месяц у Ильи уже были готовы проекты новых орудий и оборонных сооружений вокруг города. Надо было согласовать их с Юстинианом.

Ознакомившись с проектами, Юстиниан не мог скрыть своего удивления.

— Илья, мальчик, как тебе пришли в голову такие мирные способы защиты города?

— Господин, — сказал Илья, — Иисус Христос говорил людям: «Любите врагов своих и молитесь за проклиняющих вас». Будет лучше, если мы из врагов своих сделаем друзей наших.

— Да, это мудро... — сказал Юстиниан задумчиво, — но если враг не захочет стать нашим другом? Как быть с таким врагом? Нам тоже придётся проливать кровь, разве не так?

Видно было, что Юстиниана мучила мысль о возможных кровопролитиях, но, предвидя некоего врага, он не находил другого выхода.

Иаков протянул ему другой свиток.

— Господин, — сказал он, — вот вам проект для таких врагов!

Юстиниан развернул свиток и долго его изучал.

— Поясни мне, Илья! — обратился он к мальчику. Лицо его выражало искреннее удивление.

Илье было неловко говорить с господином свободно. Пришёл на помощь Иаков.

— Господин, — сказал он уверенно, — это новые военные машины. Они могут наводить страх, и враги убегут в панике. Но если они всё же будут вредить нам, то с помощью тех же машин мы сможем разгромить их...

— И это будет по-христиански? — спросил Юстиниан.

Иаков взглянул на Илью.

— Отвечай, ты лучше знаешь.

— Да, господин, — сказал Илья, — это тоже будет по-христиански...

— Поясни, пожалуйста, точнее, — попросил Юстиниан.

— Господин, расскажу вам притчу Иисуса Христа... О ней говорил нам Амон-Ра...

Илья покраснел, ему было неловко учить господина чему-либо, он замешкался.

Юстиниан заметил замешательство мальчика. После того, как он узнал от Иакова, что тот есть неизвестный архитектор, он полюбил Илью и хотел приблизить к себе, но чувствовал, как изумительный талант был наделён такой же изумительной скромностью и застенчивостью.

— Илья, мальчик мой, будь свободным и смелым... Я учился у Амон-Ра и буду учиться у тебя. Ты талант и тебе нечего стесняться меня, почитателя твоего таланта!

Юстиниан обнял мальчика за плечи и заглянул ему в глаза. И вдруг на его лице застыло удивление.

— Что за глаза у тебя, Илья! — воскликнул он. Илья не знал, что сказать. — Зелёные глаза, глубокие, загадочные... Испускающие какие-то лучи... Иаков, ты всматривался когда-нибудь в его глаза?

Илья совсем растерялся.

Иаков тоже подошёл поближе и заглянул Илье в глаза.

— Господин, — произнёс он, как бы извиняясь, — я каждый день общаюсь с ним с глазу на глаз, но только сейчас заметил, что у него глаза зелёного цвета... и излучают...

И пока оба пристально всматривались в глаза Ильи, произошло нечто невероятное: зелёный цвет глаз мальчика перешёл в голубой, а лучики стали более яркими.

И Юстиниан, и Иаков были поражены.

— Иаков, цвет глаз изменился... Это мне кажется, или ты тоже это видел?

— Да, господин, видел... — пролепетал Иаков.

Тем временем Илья увидел, как Юстиниан вырос до гигантских размеров. И тогда мальчик свободно вошёл в его сердце. Там он был окутан чистой любовью, которая доставила ему радость и блаженство. И длилось это всего несколько мгновений. А когда эти мгновения прошли и Юстиниан стал прежним, Илья увидел ещё более изумлённые лица Юстиниана и Иакова.

— Иаков, цвет глаз вновь поменялся... глаза снова стали зелёными... Так ли, Иаков?! — Юстиниан был возбуждён.

— Да, господин, это так... — подтвердил растерянный Иаков.

— Как ты это делаешь, Илья? — спросил Юстиниан.

— Не знаю, о чём вы говорите, господин, но я только что познал, как сердце ваше полно любви... — ответил Илья.

— Что?! — растерялся Юстиниан.

— Да, господин, любовь ваша чиста! — уверенно повторил Илья, а когда Юстиниан успокоился, смело добавил: — так рассказать вам притчу Иисуса Христа?

— Да-да, я тебя слушаю! — произнёс Юстиниан.

— Вот слушайте. Некий хозяин посадил виноградник и отдал его виноградарям. Когда приблизилось время урожая, он послал своих слуг к виноградарям, чтобы получить свои плоды. Но те схватили слуг и убили их... Хозяин послал других слуг. Но жадные виноградары поступили с ними так же. Тогда послал хозяин своего сына. «Постыдятся сына моего», — подумал он. Но виноградары, увидев сына, сказали друг другу: «Убьём наследника и завладеем наследством». Они так и сделали — схватили сына хозяина, вывели вон из виноградника и убили... Как вы думаете, господин, что сделает с этими виноградарями хозяин?

— Они злые люди, хозяин убьёт их... — ответил Юстиниан, не задумываясь.

Илья умолк.

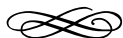
Юстиниан спохватился.

— Значит, против злостных врагов мы будем действовать так же, как хозяин виноградника... Твои машины созданы с этой целью?

— Да, господин... Мои машины не приспособлены для нападения на других, они годятся только для защиты города Солнца! — ответил Илья.

Юстиниан обернулся к Иакову.

«Вот тебе мой совет, — сказал он, — набери человек сто из самых преданных и приступи к осуществлению проектов Ильи. Пусть Пётр возглавит подготовку воинов, создаст хороший воинский отряд для охраны города. Начни строить вокруг города крепостную стену... И не забудь о строжайшей воинской тайне...»

ГЛАВА 5

Мысль о Вечном Символе Христа не давала покоя ювелиру Захарию. Он перестал работать. Ему трудно было думать о каком-либо другом изделии. Не принимал заказы ни от кого. Днём он сидел озабоченный перед своей мастерской, полузакрытыми глазами глядел на Солнце и думал. А ночью приходили сны, которые только усиливали его муки поиска.

Так было и вчера во сне: он, как замороженный, слушал какую-то песню, а потом, когда песня кончилась, им овладела непонятная грусть.

А теперь сидит он вновь перед своей мастерской на камне. Солнце уже село, оно забирает свои последние лучи. Смотрит Захарий вглубь неба, на котором медленно и изящно разгуливают багрово-красные и золотистые облака. Они меняют свои формы, преобразуясь в разные причудливые облики.

«Почему мучает меня эта мысль — создать Символ... И каким должен быть этот Символ?» — мучительно размышляет Захарий и ищет в облаках знамение. Где же ещё можно искать Символ Вечности, если не на небе?

А может быть, нужно искать Символ в слухах, которые витают по всей Иудее?

Но тут пришёл к нему сосед пекарь и говорит:

— Можешь ли представить такое: Христос, который воскрес из мёртвых и вознёсся на Небеса, говорят, опять вернулся на Землю, но не в том же теле, в каком он был как человек, а в небесном теле... Можешь представить?

Конечно, представить небесное тело Захарий не мог, потому посмотрел на соседа вопросительно: что дальше?

— Говорят, что Он несколько дней учил Своих учеников тайнам Бога, вдохнул в них Божью милость, дал Свою власть и опять вознёсся на Небеса... Говорят, Его ученики своими глазами видели, как Он вдруг начал излучать ослепительно яркий свет и возвышаться... Ты можешь в это поверить? Я не верю... Как такое может быть?!

Но Захарий поверил.

«Сын Бога всё может, — размышлял он, созерцая облака на небе, — но смогу ли я сотворить Символ Его Вечности?.. И как найду Символ, если толком не знаю Его Учение?»

Облака на небе перестраиваются, а Захарий удивляется: «Что они делают?»

И было чему удивляться.

Захарию кажется, что облака образуют облик человека.

«Может быть, он и есть Иисус Христос?» — думает Захарий.

Человек на небе широко простирает руки. Он огромен. Руками охватывает все небо. Опускается вниз медленно-медленно, как будто с намерением взять в руки свои всю Землю с Захарием вместе. И Захарий ждёт,

когда это произойдёт. Ему хочется, чтобы этот облачный человек, которого он нарекает Иисусом Христом, забрал его в небо. Но облако продолжает преобразовываться и небесный человек с распостёртыми руками уподобляется огромному кресту, а далее растворяется в сумерках.

— Как прекрасно! — шепчет Захарий.

В это время до его слуха донеслись звуки песни.

Ювелир насторожился.

Не из вчерашнего ли сна эта песня?

Песня приближается к нему и в опустившихся сумерках Захарий различает мальчика, который вышел из-за поворота улицы.

Захарий привстал, чтобы разглядеть его.

— Мальчик, подойди ко мне! — позвал он его. Но звать не надо было, он и так шёл в его сторону и остановился перед ним.

— Здравствуй, дядя Захарий! — поприветствовал он старого ювелира.

— Здравствуй... Какую ты пел песню, сынок?

— Спеть тебе? — спросил мальчик.

— Да-да, пожалуйста... приятная песня! — попросил Захарий.

— Хорошо! — охотно согласился мальчик и запел:

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце — Щит Мира.
Начертая на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Звонкий голос мальчика и загадочные слова песни задели душу ювелира. Он ушам своим не верил: да, это была та самая песня, которую он слышал во сне, и голос мальчика был тот же самый голос.

— Спой ещё, мальчик! — умоляюще произнёс он.

— Хорошо, дядя Захарий! — и мальчик опять запел.

— Ещё раз, прошу тебя, сынок... — взмолился Захарий, когда тот закончил петь.

Мальчик запел.

Видно было, попроси Захарий спеть песню хоть тысячу раз, мальчик охотно бы повиновался.

— Мальчик, ты чей сын?

— Не знаю... ничей... — ответил мальчик без тени грусти.

— Как это ничей? — удивился Захарий.

— Не знаю... Нет у меня никого...

Захарий внимательно посмотрел на мальчика, попытался узнать в нём кого-либо из детей Города. «Странно знакомые черты», — подумал он.

— Ты не знаешь своих родителей?

— Нет...

— Ты совсем один?

— Да... Ты ведь тоже один, дядя Захарий?

— Да, тоже один... — с грустью произнёс Захарий.

— Но мечтал же ты иметь сына?

— Иметь сына... эх... мечтал... мечтаю...

— Хочешь, стану твоим сыном?

— Станешь моим сыном?! — не понял Захарий.

— Да, и ты будешь моим отцом... Буду жить у тебя и буду у тебя учиться. Хочешь? — мальчик смотрел старику в глаза и добродушно улыбался.

— Буду твоим отцом?! — Захарий расчувствовался. Не разыгрывает ли его мальчик? — Буду твоим отцом? — повторил Захарий.

— Да... а я буду твоим сыном... хочешь?

Нет! Он не смеётся над его чувствами, голос у него ангельский, и лицо ангельское и как будто знакомое.

— Господи, Ты ли посылаешь мне этого мальчика? — произнёс Захарий, взирая на небо, где только что наблюдал странные преобразования облаков, и радостный крик вырвался у него: — Хочу... хочу... хочу...

Нет в живых Амон-Ра, но вот приходит мальчик, чтобы стать его сыном.

— Хочу! Будь моим сыном, мальчик... Будь моим сыном... Хочу сына... — Захарий уже не кричал, он рыдал, ибо из пережитого и не утихшего ещё в нём горя утраты выростала радость надежды. Мальчик сочувственно приласкал старика, провёл руками по голове, по бороде, прижал к себе. Но не говорил ему «не плачь», а только:

— Есть у тебя сын... буду твоим сыном... спасибо, что берёшь меня в сыновья...

— Скажи, откуда ты? — рыдая спросил Захарий.

— Не знаю...

— Откуда ты идёшь? — переспросил Захарий.

— Ниоткуда... — ответил мальчик и улыбнулся улыбкой правды.

— Значит, ты мальчик из Ниоткуда?

— Да, это так...

— Куда же ты тогда направлялся, к кому?

— Никуда и ни к кому... — сказал мальчик и чуть погодя добавил: — к тебе, наверное, к кому же ещё?

— Значит, ты не уйдёшь от меня, не бросишь?

— Нет, никогда... я же твой сын?

Старый, одинокий ювелир обнял мальчика и прижал к себе крепко.

— Мой сын... как я ждал тебя... как я тебя любил... ты мой сын... у меня есть сын... — и рыдание его перешло в радость.

— А я искал тебя... — сказал мальчик.

— Как тебя звать? Скажи мне твоё имя!

— Не знаю, — ответил мальчик, — нет у меня имени.

— Как это, нет имени! — удивился Захарий.

— Кто же мог назвать меня именем? — ответил мальчик. — Назови, как хочешь, ты же мой отец.

Совсем уж растроганный Захарий опустил на свой камень, а мальчик сел на корточки и посмотрел ему в глаза.

— Ты мой отец, назови меня именем... — повторил мальчик.

— Значит, у тебя нет имени... идёшь из Ниоткуда... ты мой сын... могу назвать тебя именем... но как тебя назвать... каким именем... — бормотал Захарий и опять заплакал.

Мальчик сказал ласково:

— Не плачь, отец... Я люблю тебя и буду всегда любить... Отныне я твой родной сын... Если кто спросит меня, чей я сын, я гордо отвечу: ювелира Захария. Назови меня именем, каким захочешь...

Захарий поднял голову, вытер слёзы, и мальчик при лунном свете увидел улыбку сердца старого одинокого человека.

— Ну, назовёшь меня?

И Захарий, заворожённый какой-то таинственной силой, проговорил с чувством веры:

— Воистину воскрес Иисус Христос... А ты мой Ра, мой сын!

— Ра... Я Ра... Какое красивое имя! — порадовался мальчик. — Отец, я спрячусь за углом, а ты позови меня этим именем!

— Нет-нет... — обеспокоился старик. — Не надо куда прятаться... Я давно зову тебя... Вот так зову: «Ра-а-а... сынок!...»

Захарий был счастлив.

И в это время в голове промелькнули слова: «Сон... песня... символ...»

— Сынок, Ра, спой мне песню твою, с которой Господь привёл тебя ко мне!

— Хорошо, отец! — охотно согласился мальчик, теперь уже по имени Ра.

Он запел своим звонким голосом. Песня его обвиняла всё пространство и уходила в небо, а Захарию казалось, что она объединяла землю с небом.

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце — Щит Мира.
Начертаю на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Ра пел, а Захарий распластался на земле, раскинув руки, и душа его торжествовала, ибо обрела она просветление: внутренний взор его созерцал Огненный Крест на небе.

ГЛАВА 6

Они зашли в крохотную мастерскую, которая была и жилищем, чтобы переночевать, а утром опять порадоваться Солнцу.

Но на другое утро дверь мастерской не отворилась. Она не отворилась и в следующие дни, недели, месяцы.

Вокруг маленькой мастерской жизнь шла своим чередом: всходило и садилось Солнце, люди трудились в поте лица, добывая свой кусок хлеба, играли дети, пели птицы, менялась погода, цвели и увядали цветы.

Вокруг маленькой мастерской старого ювелира разгуливало Его Величество Время, неумолимо разрушая и созидая видимое и невидимое. Люди гнались за временем или убегали от него. У кого его не хватало, а для кого-то его было в избытке. Кто старел и грустил об ушедшем времени, а кто выросел и стремился перепрыгнуть через него. Люди взирали на время с надеждой и тревогой, с радостью и грустью. И всем казалось, что причиной их судеб было время, которое несло им благие дары или роковые удары. В песке мелких дел и забот люди теряют связь с Вечностью, и мало

кто думает, что можно жить вне Времени, можно выйти из-под власти Времени.

Кто мог представить, что в пространстве маленькой мастерской воля отца и сына притянула Вечность и вытеснила Время.

Мимо мастерской проходили люди, останавливались, звали Захария, кричали, стучали в дверь. Но эти звуки не проникали внутрь, где царил Вечность.

После многократных усилий люди подумали, что ювелир или уехал куда-то, или никого не хочет видеть, потому что создаёт что-то необычное для какого-либо вельможи. Так они перестали стучать в дверь и звать ювелира.

Захарий полностью отключился от внешнего мира. И что для него был внешний мир, когда в душу его вселилась Вселенная, и Свет с небес переплелся с любовью к сыну. То и дело он опускался на колени, чтобы дать волю чувствам благоговения, и из сердца его, как из вулкана, извергался мощный огонь: «Спасибо Тебе, Господи... Спасибо Тебе... Спасибо...» А слёзы умиления, которыми сопровождалась такие извержения, ещё больше воспламеняли и утончали чувства старика.

Символ, который предстояло ему сотворить, ещё зрел в его внутренней вселенной. И помогал ему в этом мальчик из Ниоткуда, который стал его сыном и которого назвал Захарий именем Ра. «Я буду твоим учеником, буду учиться у тебя», — сказал Ра.

Но и сын стал для отца учителем, сам Захарий принял его своим учителем, ибо знал он так же много, как Амон-Ра.

В тот вечер, когда они вошли в мастерскую и Захарий закрыл за собой дверь, Ра радостно улыбнулся и сказал:

— Теперь я дома!

Захарий обнял его, усадил на тахту и спросил:

— Ра, сынок, скажи мне, ты слышал об Иисусе Христе?

— Что ты хочешь знать о Нём, отец?

— Хотел бы узнать, каким Символом можно выразить Суть и Вечность Его.

— Конечно Крестом, отец, чем же ещё! — ответил мальчик просто и естественно, не задумываясь.

Захарий был поражён тем, как он поставил печать на знамение, которое уже теплилось в его душе по воле Небес.

— Откуда ты знаешь? — спросил Захарий.

— Не знаю, откуда, отец, но это правда! — и мальчик добродушно улыбнулся.

Но почему именно крест? Для Захария это оставалось загадкой.

И вообще, что такое Крест, кто его придумал, как он может олицетворять суть Иисуса Христа, суть Его Учения? Ювелиру вся эта наука была неизвестна. А создать Символ Вечности без этих знаний он не мог.

— Ра, сынок, ты знаешь что-нибудь о Кресте? — спросил Захарий.

— Скажу, что придёт мне в голову, но ты, отец, не сомневайся, все будет правда! — ответил Ра.

И с этого мгновения из крохотного пространства мастерской старого ювелира исчезло время, в нем воцарилась Вечность.

Ра рассказывал, а Захарий впитывал.

Захарий узнал, что символ Креста люди получили из Космоса, из Высших Миров. Пришёл он в сознание чело-

вечества с незапамятных времён. Символ этот является универсальным, и каждое его значение имеет таинственный и глубокий смысл.

Захарий узнал ещё, что Крест есть символ Центра Мироздания. В нём пересекаются Дух и Материя, потому он означает Духоматерию, а Иисус Христос был Богом в человеческом обличи. Пересекаются в нём Пространство и Время, потому он отражает в себе Беспредельность, откуда и пришёл к людям Иисус Христос. В нём заключена суть неба и земли, потому он есть знак жизни, а Иисус Христос принёс людям Учение о жизни Вечной. Крест соединяет в себе противоположные начала, потому что он есть зов к единению, а основа Учения Иисуса Христа есть Любовь к ближнему, даже к врагам.

Захарию стало известно также, что в Кресте мыслятся Огонь и Древо Жизни, судьба человечества и судьба каждого человека... Счастье мира — на Кресте.

— Всё это — значения Креста, да ещё многое другое, что нам неизвестно, ибо это есть тайна, заключенная в Символе Креста, — пояснил сын отцу.

Он помог Захарию разобраться в том, почему Иисус Христос был распят на Кресте. Люди отошли от Бога, озлобились их сердца, они забыли о высшем значении Креста и сделали из него символ жесточайшей жизни и мучительной смерти. Иисус Христос принял самую мучительную смерть от людей через распятие Его на Кресте, который есть высший символ Божественной Любви.

И Захарий понял самое главное: Иисус Христос восстанавливает в сознании людей истинный смысл Креста.

— Отец, — сказал Ра, — Христос призывает каждого: «Возьми свой крест и следуй за мной». Давай разберёмся, что это может значить.

Перед старым ювелиром открылись последующие врата истины.

Вначале они согласились, что Крест есть Духовное понятие, а не деревянное сооружение, на котором распяли Иисуса Христа. В нём мыслится Божественная Любовь, которая на земном пути человека и человечества неизбежно влечёт страдания и самопожертвования. В нём также мыслится преданное служение человека Богу, он зовёт каждого утвердить на Земле мыслями и делами своими добро.

Потом они попытались разобраться в словах «Возьми свой крест...».

— Что значит «свой крест»? — спросил отец сына.

Ра помог ему выяснить, что каждый человек, пришедший в мир земной, имеет своё Божественное предназначение, оно и есть «свой крест». Человек должен следовать своему предназначению, что и будет служением Богу. Он может узнать о своём предназначении через познание себя, через слушание своего сердца, через добродетельность и любовь к людям.

— Свой крест... — задумчиво и грустно произнёс Захарий. — Взял ли я свой крест и иду ли я по пути Христа? Я уже стар, значит, уйду из жизни без своего креста, и что будет со мной в Божьем Царстве?..

— Отец, не терзай себя, — сказал Ра, — ты давно уже несёшь свой крест. А если создашь Символ Вечности Христа, то достойно донесёшь свой крест до конца.

— А почему именно я?

— Тебя же мучает, отец, эта мысль? Значит, с тобой говорит твоё сердце. Вся твоя жизнь была путём к тому, чтобы ты сотворил Крест Иисуса Христа. Ты сберёг в себе духовную чистоту, утончил чувство прекрасного, сделал свои руки золотыми... Вот и наступает время, когда нужно сотворить самое главное в жизни... Кроме того, тебе было сказано свыше, верно?

Захарий в изумлении уставился на Ра, не понимая, как он мог узнать о том, что с ним произошло.

— Ра, сынок, откуда тебе все это известно? — спросил озадаченный Захарий.

— Не знаю, отец... Только ты не сомневайся, ибо говорю я правду!

— Конечно, говоришь правду... Скажи мне ещё, что сделает Крест Христа в жизни людей?

И Захарий услышал от Ра об исторической судьбе Креста Христа в жизни будущих поколений людей.

Пройдут тысячелетия и Крест, как символ жизни Христа и Его Учения, преобразит мир.

Люди поймут, что у того, кто не возьмёт свой крест и не последует за своим предназначением, земная жизнь пройдёт впустую, даже во вред его душе.

Они поймут, что каждый, принявший участие в несении Креста Христа, станет спасителем Мира, ибо нет ни дня, ни часа, когда бы Мир не находился в опасности.

Люди построят храмы Христа, которые будут иметь форму Креста, а купола их будут увенчаны Крестом.

В храмах этих Крестом Христа будут крестить детей, будут молиться Богу и креститься в знак верности.

От имени Креста Христа и Его Учения народы станут объединяться, создавать государства, защищать веру.

Крест Христа станет источником расцвета сердца, разума и духа людей, они создадут величайшие творения прекрасного.

Крест Христа проявит таинственную силу в защиту Света и в поражение тьмы.

Люди поймут, что проявление мощи Креста Христа будет зависеть от искренности их веры, от чистоты их помыслов и устремлений.

Люди постигнут мудрость: истинный Храм есть их сердце, отмеченное Крестом Христа.

На людей то и дело будет набрасываться тьма, и народы захотят разделить Христа, присвоить Христа, сделать Его своей собственностью, принеся вред Единому Храму Христа, переименовывают Его по-своему, от имени Креста Христа будет твориться зло. Но мощь единства людей во Христе восторжествует, хотя уйдут на это тысячелетия.

Старый ювелир слушал эти откровения, и им овладевало чувство великой ответственности перед Будущим.

— А мой Крест Христа? Что он принесёт людям?

— Отец, — сказал Ра, — твой Крест Христа есть духовный Крест, он источник всех крестов, которые когда-либо будут созданы. Жизнь Креста Христа в поколениях начнётся через твой Крест, который ты сотворишь... Но, кроме того, сотворённый тобою Крест Христа будет первым чудотворным... Ибо ты сотворишь его вначале в духе своём, а потом пусть действуют твои золотые руки...

— Чудотворным?! — насторожился ювелир.

Ра продолжал:

— Со временем твой Крест Христа обретёт славу и таинственность, и судьба его будет особенной...

— Какой? — спросил ювелир.

— Особенной, отец... Дальше не знаю...

И вдруг... Захарий не успел дослушать последние слова сына-учителя, как вдруг всё тело его вздрогнуло, в душе сверкнула ослепительная молния, и воспламенилось фиолетовое пламя. Ювелир превратился в огонь. Он бросился в угол мастерской, где лежало несколько поленьев вербного дерева. Лихорадочно схватил один из них и подбежал к станку с инструментами. Свечи на столе зажглись сами и начали светить ювелиру так, чтобы он ясно видел и беспрепятственно выполнял свои ювелирные тонкости.

Прижимая к груди полено вербного дерева, он опустился на колени и начал шептать слова, известные только ему.

Он уже не видел вокруг себя ничего. В его воображении рисовался Огненный Крест Христа, и ему надо было воплотить его в куске дерева.

Он забыл и о Ра, который, увидев творческую отрёшённость отца, тоже последовал его примеру: так же прижал к груди свой кусок дерева, так же встал на колени рядом с отцом и повторял слова, которые улавливал в молитве отца.

Захарий теперь становился учителем для сына, хотя об этом он и не думал.

Долго длилась медитация двоих.

Произносили они таинственные слова, ласкали и прижимали к груди свои части вербного дерева, склонялись к земле и целовали её. Потом вдвоём тихо запели Божественную песню, с которой мальчик из Ниоткуда явился к старому ювелиру.

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце — Щит Мира.
Начертаю на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Каждое слово песни тут же превращалось в некий духовный свет, который сгущался вокруг куска вербного дерева и погружался внутрь него.

Рука ювелира взяла острый нож из набора инструментов.

Из того же набора взял нож Ра.

Сын-ученик пристально следил за каждым движением руки мастера, вслушивался в слова, которые он нашёптывал, и повторял всё в точности.

Кончики их острых ножей осторожно и ласково снимали всю кору с поверхности крепких и белых, как слоновая кость, кусков дерева и высвобождали Красоту Вечности, которая была заточена там, внутри. Они то и дело отдаляли их от своих глаз, чтобы с расстояния увидеть в них то, что искали. Потом молились, потом пели Божественную песню. Потом опять осторожно и ласково отделяли от дерева лишние части.

И когда старый ювелир сделал последнее движение ножом и сдул с дерева последнюю пылинку, в его руках засверкала белизна Креста.

В тот же миг заиграл Крест в руках ученика.

Оба внимательно и нежно обвели пальцами каждый уголок своих Крестов.

Вновь помолились, перекрестились и спели Божественную песню.

Далее ювелир начал украшать Крест жемчужинами, алмазами и другими драгоценными камнями. Делал он это так, как будто созерцал звёздное небо, ибо проговаривал имена звёзд.

Сын-ученик не отставал от отца-учителя, тоже украшал Крест, тоже шептал имена звёзд, и видел, как на Кресте возникало звёздное небо и солнечное утро.

Наконец старый ювелир позолотил кончик Креста.

После этого поставил он своё творение перед собой, долго-долго смотрел на него, мысленно одухотворяя каждую его частицу.

Ученик сделал то же самое.

— Все... — прошептал Захарий, — вот Крест Христа... Это есть Символ Христа...

— Все... — прошептал Ра, — вот Крест Христа... Это есть Символ Христа...

Они спели Божественную песню, помолились и перекрестились.

Из их глаз тихо потекли слёзы радости, умиления, счастья.

Слезы капали на сотворённые ими Кресты и тут же проникали внутрь их.

Прижав к груди Крест Христа, Захарий улёгся на земляном полу и заснул.

Рядом с ним заснул Ра, тоже прижав к груди созданный им Крест.

Им приснился один и тот же сон: вдвоём стояли они на коленях перед Иисусом Христом, каждый, держа в руках Крест, и Он благословлял их.

Проснувшись, ювелир Захарий как-то рассеянно оглянулся вокруг, думая, что спал долго, и удивился, когда в руках своих обнаружил необычное творение. Ему показалось, что вынес он Крест Иисуса Христа из только что увиденного сна.

Он взглянул на Ра, который тоже проснулся и тоже держал в руках такое же необычное творение.

— Ра, сынок, откуда в наших руках такие творения?!

— Отец, — ответил Ра, — ты был в огне творчества и сам сотворил Крест Христа, который держишь в своих руках...

— Это сделал я?! — искренне удивился Захарий. Он начал рассматривать Крест Христа, восхищаясь в душе каждому узору, каждому изгибу, каждому искусно вставленному камню. — Разве я способен на такое?! — проговорил он.

— Да, отец, ты выполнил свой долг, создал Символ Вечности Жизни — Крест Христа, и тебя во сне благословил Иисус Христос... Крест твой, отец, чудотворный...

— Чудотворный... — повторил Захарий.

Он не мог вспомнить, как создавал этот удивительный Крест, который действительно был образцом высшего искусства, хотя после слов Ра в нём ожил прекрасный сон: стоял он перед Иисусом Христом на коленях и протягивал Ему именно этот Крест. Христос взял Крест из его рук, вознёсся с ним в Небеса, перекрестил сим всё человечество с его прошлым, настоящим и будущим, и произнёс: «Да будет жизнь вечная». Потом Крестом перекрестил мастера и сказал ему: «Благословен твой труд...» Вот такой чудесный сон с чудотворным Крестом Христа.

— А Крест, что ты держишь в руках, тоже сделал я? — спросил Захарий.

— Отец, — ответил Ра, улыбаясь, — я смотрел, как ты творил Крест, и повторял все твои движения, и получился у меня точно такой же Крест Христа, какой держишь ты в своих руках. Но есть одно отличие между этими Крестами...

— Они совсем одинаковые! — сказал Захарий, удивляясь старательности и способностям сына.

— Внешне они действительно одинаковые и друг от друга неотличимы, но тот, который у тебя в руках, уже чудотворный, а этот чудотворным станет спустя века...

— Как же тогда их можно отличить друг от друга?

— Рукой, отец... Держи в одной руке один, а в другой — второй Крест...

Захарий так и сделал. И он почувствовал, что от Креста, который сотворил он, через ладонь правой руки проходили какие-то приятные волны и распространялись они по всему телу.

— Да, действительно... — прошептал Захарий.

— Вот какая Божественная сила в тебе, отец! — сказал Ра.

Он подошёл к нему, наклонился к его рукам, которые создали чудотворный Крест, и трепетно поцеловал их.

Захарий был тронут нежностью Ра, тоже поцеловал его в лоб и сказал задумчиво:

— Не стал бы мой Крест чудотворным, не будь тебя рядом со мной... Спасибо Тебе, Господи, что не оставляешь мою старость в одиночестве... — его глаза наполнились слезами.

— Пора открыть двери и посмотреть на Солнце, отец! — сказал Ра.

Он подошёл к двери, снял тяжёлую щеколду и впустил в маленькую мастерскую старого ювелира земное Время и земной Внешний мир.

ГЛАВА 7

Выглянув из мастерской, Захарий увидел идущего мимо соседа-пекаря с мешком муки за спиной. Старый человек, согнувшись, с трудом волочил ноги.

— Здравствуй, сосед! — закричал Захарий, зная, что он плохо слышит. Захарий любил соседа-пекаря, доброго бедняка.

Тот остановился, с трудом повернулся в его сторону и радостно ответил:

— Здравствуй, Захарий!.. Наконец-то ты показался... Никто не верил, что ты там... Только я верил... Сколько помню тебя, так надолго ты никогда не запирался в своей коморке...

— А как долго, сосед? — спросил Захарий. Он действительно потерял счёт времени. Так бывало с ним и раньше.

— Сам разве не знаешь?.. Ровно на год ты заточил себя...

— Год?! — удивился Захарий. — Ты не ошибаешься?

— Не-е-ет... Я это точно знаю... А знаешь, какие в Городе пошли слухи?

— Обо мне, что ли?

— О ком же ещё? Вначале говорили, что ты делаешь что-то необычное, выполняешь заказ какого-то большого человека... Потом начали говорить, что ты куда-то уехал и больше не вернёшься... Болтали ещё, что ты умер в своей мастерской... Я-то знал, что ты не умер и никуда не уехал, но никому об этом не говорил. А когда собрались взломать дверь твоей мастерской, я не дал им этого сделать, сказав, что ты мне поручил присматривать за ней... Вот что произошло за этот год...

Сосед-пекарь, тащил на спине тяжелый мешок, а плечи его были опущены, как ветви плакучей ивы. Он говорил ещё о многом: как легионеры притесняют бедных, кто ушёл из жизни, кто женился, кто... что... Но Захарий не слушал, потому что был сильно озадачен: ему казалось, что они с Ра зашли в мастерскую и заперлись в ней вчера или, в крайнем случае, два—три дня тому назад, а сосед твердит что-то странное: год, говорит, ты не выходил из своей мастерской.

— Захарий, ты слышишь меня, или тоже оглох, как я... — повысил голос сосед-пекарь. Он так и стоял с мешком муки на спине. — Захарий, ты не покажешь мне, что ты на этот раз сотворил... А, Захарий? Добрый сосед!

В голосе его звучала мольба. Он всегда оберегал одинокого ювелира, заботился о нём, приносил ему горячие лепёшки, иногда присаживался рядом с ним перед мастерской, и они вместе молча созерцали звёздное небо.

— А, Захарий, ты не покажешь?.. Покажи, а? — упрашивал сосед-пекарь.

«Пусть посмотрит», — подумал Захарий.

— Заходи, сосед, в мастерскую...

Тот сразу сбросил с плеч свою тяжёлую ношу, радостно улыбнулся и пошёл за Захарием. И только сейчас увидел незнакомого мальчика.

— Кто он?

— Мой сын, — гордо сказал Захарий, — звать его Ра, и не спрашивай о нём больше ничего!.. — он подвёл соседа к столику, на котором лежали Кресты Христа. — Вот, посмотри!

Сосед-пекарь, плечи которого были опущены, как ветви плакучей ивы, посмотрел на Кресты и оторопел. Он стоял как немой и замороженный. Он многое видел в этой мастерской, ювелир всегда показывал ему вещи, которые он делал для богатых вельмож и купцов. Но то, что видели сейчас его глаза, ни с чем нельзя было сравнить. И не только потому, что перед ним лежало совершенное искусство, а скорее потому, что в душе и сердце его Кресты Христа вызвали непонятный, необъяснимый трепет и блаженство. Он невольно опустился на колени, начал целовать то один, то другой Крест и что-то благоговейно шептать, рыдая и приговаривая:

— Господи, узнаю Тебя... Ты есть Иисус Христос, Сын Бога... Помилуй меня, Господи, грешного... Иисус, я верю в Тебя... Ты есть мой Крест...

Потом он успокоился, встал и вышел из мастерской. Подошёл к своему мешку с мукой и с удивительной лёгкостью взвалил его на плечи. Прошёл несколько шагов и приостановился. Так стоял он спиной к Захарию и Ра, наблюдающим за ним.

— Что с ним? — беспокоился Захарий. — Не плохо ли ему стало?

Но сосед-пекарь вдруг сбросил на землю мешок с мукой, обернулся и подбежал к Захарию.

— Что ты со мной сделал, Захарий?.. Что сотворил со мной твой Крест, Захарий?.. Я молодею, становлюсь другим... У меня очищаются мысли... Помнишь, была на шее язва, она исчезла... Я выпрямился, Захарий, во мне сила, смотри... — он подпрыгнул несколько раз. Потом он начал целовать руки ювелира. Не спрашивая разрешения, забежал он в мастерскую, опять опустился на колени перед Крестом Христа: — Спасибо Тебе, Господи... Слава Тебе, Господи... Я узнаю Тебя, Иисус... — и поцеловал вначале один, а затем другой Крест. Потом, выпрямившись в плечах, он с лёгкостью молодого человека побежал к своему мешку. Поднял его как подушку и, удерживая вытянутыми руками над головой, закричал: «Захарий, видишь, что сотворил твой Крест, Крест Господа!.. Он чудотворный!»

Сосед запел весёлую песню и, держа мешок над головой и пританцовывая, направился к своей пекарне.

Захарий не ожидал такого чуда.

— Что с ним? — произнёс он в недоумении.

— Отец, это произойдёт с каждым, кто приблизится к Кресту Христа, сотворённому тобой, с чистым сердцем...

В это время Захарий увидел Бунгло, который с конца улицы направлялся в их сторону. На нем восседала Саломея, а рядом шли Иорам и Филипп.

Саломея кричала издалека:

— Дядя Захарий, мы к тебе!

— Это Саломея... Иорам... Филипп... — сказал Захарий Ра. — Они станут твоими друзьями... А медведь Бунгло — их защитник...

Захарий был явно обрадован появлению ребят.

Иорам и Филипп тоже подружились с Ра.

— Дядя Захарий, — сказала Саломея, — мы знаем, что ты весь год творил Крест Христа, и знаем ещё, что ты закончил его. Покажи, пожалуйста, нам своё творение!

— Откуда ты знаешь о Кресте?

— Сон видела... Можно посмотреть?

— Да, Саломея, доченька моя!

Захарий и Ра вынесли из мастерской свои творения.

Саломея тут же опустилась на колени, трепетно поцеловала Крест Христа, который держал ювелир, затем поцеловала Крест Христа, который был в руках Ра, и перекрестилась. Её примеру последовали Иорам и Филипп.

При дневном свете Кресты ещё больше засверкали, и трудно было оторвать от них глаза.

— Дядя Захарий, — сказала Саломея, — нам всем надо ехать в Иерусалим!

— Всем?.. Мне тоже, что ли? — переспросил Захарий.

— Да, именно тебе тоже, дядя Захарий... Нам надо представить эти Кресты Матери Иисуса Христа Марии... Так мне было сказано во сне... Дорога длинная, на пять дней... И нам надо немедленно отправиться!

— Хорошо, доченька! — сразу согласился Захарий, — Ра, сынок, давай закроем двери мастерской!

Когда все они во главе с Бунгло проходили мимо соседа-пекаря, тот перегородил им путь и каждому вложил в руки горячие хлебцы. Он угостил Бунгло, потрепал его по мохнатой голове и всем радостно объявил:

— Крест Христа исцелил и омолодил сегодня меня... Я верую во Христа... Он был Бог, пришедший к людям... Смотрите, каким сильным сделал меня Крест Христа, который сотворил Захарий!

Он оглянулся, подошёл к огромному камню, который испокон веков лежал на одном и том же месте.

— Я подниму его... — сказал он и действительно поднял.

Положив камень обратно, пекарь поинтересовался:

— Куда же вы все направляетесь? Будете вручать Крест заказчику?

Саломея поспешно ответила:

— Да, мы сопровождаем дядю Захария...

— И правильно делаете... Кто этот счастливчик?

— Мы его не знаем! — опять поспешила с ответом Саломея и обратилась к Бунгло: — Веди нас...

Захарий обратился к соседу-пекарю и сказал громко, чтобы тот услышал:

— Присмотри, пожалуйста, за мастерской!

— Конечно, Захарий, не волнуйся! Но я разве не говорил тебе, что ко мне вернулся слух?

Сосед-пекарь долго смотрел им вслед и улыбался.

ГЛАВА 8

Слух о необычном кресте разнёсся по Городу молниеносно.

Да разве могла быть в этом какая-либо трудность?

Всем, кто только приходил в тот день в пекарню, чтобы купить хлеб, пекарь возбуждённо рассказывал, какое с ним произошло чудо.

— Как только увидел я этот удивительный Крест Христа, во мне сразу всё изменилось: и мысли, и чувства, и тело, и возраст...

Ему не было необходимости кому-либо что-то доказывать, всё и так было наглядно: старый пекарь не был уже стар, сгорбившийся пекарь не был уже сгорбившимся, пекарь с язвами на шее не страдал уже от них, а пекарь глухой слышал теперь даже шёпот. Кроме этого он охотно демонстрировал свою силу: с лёгкостью поднимал над головой огромный камень, который лежал перед пекарней, и который не в состоянии были сдвинуть с места даже пять крепких парней.

Что же ещё можно было назвать чудом, если не преобразования, произошедшие с пекарем! А причиной

тому был Крест Христа, который сотворил ювелир Захарий.

— Вы понимаете, целый год он не выходил из своей мастерской, создавая этот чудодейственный Крест Христа... Никто не верил, что он заперся в своей мастерской, а думали, что он умер... А я верил, что Захарий там... — гордо рассказывал пекарь людям, которые слушали его с удивлением.

— А Крест-то какой? — спрашивали его.

— Удивительный... Лучшей красоты и драгоценности я не видел... Но главное — увидишь и исцеляешься... Я уверовал в Иисуса Христа, Он был Сыном Бога...

Многим хотелось тоже увидеть Крест, исцелиться, помолодеть. И какая их охватывала обида, узнав от пекаря, что Захарий уехал.

— Он уехал вот в том направлении, — указывал он рукой, — уехал вместе с ребятами и медведем, чтобы вручить заказ хозяину — чудотворный Крест.

Слух о Кресте Христа сразу облетел всю Иудею, и одной из первых, кто узнал о Кресте, была жена прокуратора Понтия Пилата. Она в душе верила во Христа, и когда узнала, что есть такой необычный и чудотворный Крест Христа, обратилась к мужу с настоятельным требованием выкупить его, чего бы он ни стоил.

Прокуратор тоже заинтересовался Крестом. Точнее, он был обеспокоен тем, что после распятия Иисуса из Назарета слава Его всё больше возрастала и последователей становилось больше, чем при Его жизни. И если такой Крест действительно существует, он ещё больше укрепит величие Христа. «Значит, — подумал прокуратор, — нужно овладеть им и, тем самым, помешать рас-

пространению влияния так называемых христиан. Кроме того, будет довольна жена, которая, может быть, простит меня за распятие Христа».

Прокуратор дал секретное задание достать Крест любым способом одному из верных своих сотников по имени Юлиус.

Узнал о Кресте Христа и царь Иудеи Ирод Агриппа. Он и без того был озлоблен на последователей этого «Пророка» и всячески их преследовал. Если Крест действительно чудотворный, его нельзя отдавать последователям Христа, ибо они привлекут к себе ещё больше людей. А почему бы самому ни воспользоваться чудодейственной силой Креста? Надо завладеть Крестом. Так думал царь Ирод Агриппа и потому вызвал своего военачальника.

— Вот тебе секретное задание, — сказал он ему, — завладей этим Крестом!

И так как приказ был отдан с намёком «отвечаешь головой», военачальник тут же приступил к делу.

О чудотворном Кресте гонцы донесли и Героду Антипе, четвертовластнику Иудеи, правителю Галилеи. Герод Антипа был озлоблен на Христа. Накануне распятия Он был у него, и в его воле было освободить Иисуса. Но Герод Антипа поставил условие: покажи чудо. Христос же не показал ему никакого чуда и, вообще, говорить с ним не стал. А теперь, видите ли, некий умалишённый ювелир создал Крест Христа, который, якобы, чудотворный. Что будет, если в эту чушь поверят наивные? Ой-Ой! Надо обязательно отнять у них этот Крест Христа, разломать на куски и доказать, что он никакой не чудотворный.

Герод Антипа вызвал одного десятника и дал строгий наказ:

— Достань мне этот Крест и держи приказ в секрете!

А когда десятник уходил, он остановил его и ещё раз предупредил:

— Без Креста не возвращайся, понял?!

Тем временем носители Креста Христа шествовали в сторону Иерусалима. Они и не подозревали, что за ними ведут слежку доносчики могущественных правителей Иудеи. Доносчики вели себя как путники.

Первым попытался выполнить приказ десятник четвертовластника Герода Антипы.

Его легионеры подкараулили носителей Креста в окрестностях города Салима, через который лежал путь в Иерусалим. Доносчики сообщили десятнику, что носители Креста обязательно пройдут по этому пути, ибо другой обходной дороги не было. Десятник рассчитал время, когда они должны пройти тот отрезок пути, где было бы наиболее удобно окружить их и отвести к Героду Антипе. И пусть он сам отнимет у них этот Крест. Он и своим легионерам не открыл тайну, кого и зачем нужно было захватить.

Десятник расположил своих бойцов по обеим сторонам дороги, упрятал их в кусты. По его приказу они должны были неожиданно наброситься на путников и захватить их. «Это те, — сказал десятник, — которые провинились перед римской властью, и их разыскивает четвертовластник».

Так сидели легионеры в кустах в течение двух дней. На третий день утром десятнику донесли, что приближается медведь со своей группой. Десятник проверил готовность своих легионеров.

И вот видит: идёт огромный медведь, на нем сидит девочка. Рядом идут старик и трое мальчиков. О медведе десятник был наслышан, но вовсе не думал, что может возникнуть какая-либо проблема в задержании детей и старика. Один легионер, который уже был предупреждён, должен вонзить медведю в брюхо копьё. А детей и старика свяжут остальные. Вот и вся тайная операция.

Носители Креста приближались. Ещё чуть-чуть, и десятник отдаст приказ.

Но приказ не последовал.

Со всеми легионерами случилась какая-то беда: всем сразу захотелось спать. И, не думая ни о чём, они улеглись под своими кустами и мирно заснули. Первым же заснул сам десятник: именно тогда, когда нужно было отдать приказ, он потянулся, протяжно зевнул и развалился под кустом.

Бунгло гордо прошёл этот участок дороги, и никто из носителей Креста так и не узнал, какая их здесь поджидала опасность.

Четвертовластник гневался, что десятник запаздывает. Но легионеры со своим десятником проспали в кустах ещё три дня. Некий случайный прохожий, который по нужде отошёл в кусты, увидел лежащих там легионеров. Вначале он подумал, что все они мертвы. Но когда собрался забрать у десятника саблю, тот открыл глаз и заорал на него. Крик начальника разбудил всех. И от прохожего они узнали, что проспали три дня. Мог ли десятник после этого вернуться к четвертовластнику? Он прекрасно знал, как тот поступит. Потому объявил своим подчинённым:

— Я больше не десятник... Спасайтесь, как можете...

Военачальник царя Иудеи построил коварный план овладения Крестом. Он приказал закрыть все ворота Иерусалима, оставив открытыми только главные ворота, которые назывались Геннафа. Они были рядом с дворцом царя. Военачальник сделал так, чтобы каждый, входящий в Иерусалим через эти ворота, был вынужден пройти через замкнутый дворик. Любого, оказавшегося там, запросто можно было задержать.

Военачальник выстроил своих солдат у ворот и приказал завлечь в этот дворик детей со стариком и медведем.

— В Иерусалим их пропускать нельзя, надо арестовать всех! — о Кресте он солдатам ничего не сказал.

Так солдаты со своим военачальником вместе с нетерпением ждали необычных посетителей Иерусалима. Доносчики время от времени сообщали военачальнику местонахождение медведя и его сопровождающих. Солдаты тем временем играли в кости, веселились, ибо задача им вовсе не казалась сложной.

Наконец, с наблюдательной вышки доложили, что на дороге показался медведь. Пятьдесят воинов заняли свои места.

Вскоре медведь подошёл к воротам Геннафа.

И с солдатами случилось нечто непонятное: каждый из них обнаружил, что не видит ничего, кроме ослепительного света. То же самое произошло с военачальником, который вот-вот собирался отдать приказ о захвате.

— Что это со мной? — закричал он в ужасе.

До медведя и его спутников никому уже не было дела. Солдаты тоже в панике кричали:

— Что это со мной? Помогите, ничего не вижу...

— Ослеп от яркого света... Ничего не вижу...

Носители Креста мирно прошли через ворота Геннафа и направились к южной части Иерусалима. Они и не заметили, что миновали ловушку, приготовленную для них, хотя их и удивил общий переполох.

Солдаты, находясь в замешательстве и кружась в поиске какой-то опоры, в конце концов, сами оказались в том внутреннем дворике, куда собирались заманить медведя и его сопровождающих.

— Помогите, помогите! — кричали они.

Но другие опустились на колени, возведя руки к небу — они молились и просили у Бога прощения.

Носители Креста Христа некоторое время с удивлением наблюдали за переполохом. Собравшиеся на крики и вопли солдат люди так были встревожены происходящим, что не замечали рядом стоящего огромного медведя. Потом Саломея сказала:

— У нас дела поважнее, нам надо спешить!

В это же самое время произошло и другое событие.

Сотник легионеров ведь тоже имел тайный приказ от прокуратора Понтия Пилата раздобыть Крест. Он разработал свой коварный план и приказал всем своим легионерам переодеться в обычную одежду горожан Иерусалима. Некоторых заставил облачиться в женскую одежду. В таком «незаметном» виде они должны были тайно проследить за медведем и его сопровождающих и установить, в каком доме они останутся. Далее он намеревался окружить этот дом ночью, чтобы никто в городе не узнал об этом, взять всех в плен и заточить в

тюрьму. Ну и, конечно, он отнял бы у них этот непонятный Крест, чем и порадовал бы прокуратора.

Сотник распределил своих легионеров: часть из них следила за городскими воротами Геннафа, другая же часть была разбросана по улицам города.

Но сотнику не повезло.

В то время, когда солдаты царя завопили, что ничего не видят, именно в тот момент, когда Бунгло и следовавшие за ним вошли в город, и переодетые в женские одежды легионеры, увидев медведя, собрались немедленно сообщить об этом сотнику, точно в это же самое мгновение произошла никем не замеченная беда. Её не заметили даже те, с кем она стряслась: каждый из ста легионеров, шатающихся по улицам Иерусалима или ожидающих у ворот, и сам сотник тоже вместе с ними, — а он в это время находился в бане, — вдруг забыли, что им отдан приказ. Забыли, зачем они разгуливают по улицам, и вообще забыли, кто они такие. Ими овладело глупое веселье: кто пустился плясать, кто запел песни.

Народ, собравшийся у ворот Геннафа и в ужасе созерцающий, как кричат солдаты: «Помогите, ничего не вижу!», возмутился поведением «женщин», которые именно в это время решили веселиться.

— Что они вытворяют?! Прогоните этих беспутниц... — возмущалась толпа.

А тем временем по улицам Иерусалима шёл медведь, ведя за собой носителей Креста Христа. Но до них никому не было дела, ибо если кто не танцевал и не пел песен, то смотрел, как другие танцуют и поют.

— Что происходит в этом городе? То разом зрение теряют, то разом страсть веселья на них нападает... — проговорил с удивлением Захарий.

— Странно все это! — подтвердил Филипп.

Но Саломея и Ра молчали.

Бунгло тоже видел, как ведут себя люди, но не обращал никакого внимания и не издавал никаких звуков. Он спокойно вёл носителей Креста к дому на окраине Иерусалима.

ГЛАВА 9

Когда Бунгло улёгся перед маленьким домом из глины, все поняли, что уже пришли. Во дворе, который был огорожен низким забором, были видны подсобные строения и небольшой огород с виноградником. В огороде работала женщина в белом одеянии. Голова у неё тоже была завязана белым платком.

При взгляде на неё в мыслях Саломеи само собой родилось слово «Богородица». «Она Богородица... Она родила Сына Бога Иисуса Христа!» — подумала Саломея и душа её затрепетала.

Все стояли у открытой калитки и смотрели на женщину. Никто не осмеливался позвать её или войти во двор без разрешения.

Но им и не пришлось долго ждать. Женщина сама обернулась к пришедшим и радостно им улыбнулась. Невидимые лучики осветили сердце каждого.

Она распростёрла руки, показывая тем самым, что рада приходу путников. Так, вся сияющая, она направилась к ним.

И с каждым произошло нечто необычное.

Филиппу захотелось побежать навстречу женщине и очутиться в её объятиях. «Это моя мама... Моя мама... Мама!» — шептало его сердце.

Ра и Саломея почувствовали присутствие Святого Духа и опустились на колени.

Иорам наполнялся Светом и Звонком Колоколов, нисходящих с небес, и его охватило блаженство.

Бунгло ползком приближался к калитке и готовился облизнуть ноги приближающейся женщины.

С ювелиром Захарием тоже происходило чудо.

Женщина в белом, с широко раскрытыми руками, сияющая и устремившаяся к ним!

«Она же живой Крест, Она Матерь Земли! — воскликнул ювелир в душе. — И как могло произойти, — удивился он, — что мой Крест Христа, который я целый год творил в своей каморке-мастерской, так похож на Этот Божественный Образ?!»

Сознание Захария сразу извлекло из огня его творческого горения один единственный миг, когда он чуть было не поддался своему земному воображению и вместо Креста Христа собрался вырезать из вербного дерева распятого на Кресте Человека. Острием ножа он даже провёл на дереве первую линию. Но вот только теперь, заглянув в этот, приостановленный для разгадки, миг, Захарий увидел, как из его огня творческого самозабвения вдруг появляется женщина в белом, с распростёртыми руками, пересекает небосклон его внутреннего мира и исчезает за горизонтом. И видит Захарий ещё, как его рука, не останавливаясь, тут же отсекает острием ножа первую линию, возникшую из земного воображения, и вырезает другую, рождённую вдохновением с Небес.

Познание загадки мига, незамеченного тогда и сохранный в глубине души, дало ему ответ на вопрос: почему его Крест Христа, который он так нежно прижимает к груди, похож на эту женщину. «Потому, что Она и есть Живой Крест Христа, Она Матерь Земли! Она вдохновила меня сотворить Живой Крест, а не распятого на Кресте Человека!» — подумал Захарий.

Женщина — Мария — Богородица — Матерь Земли приблизилась к ним.

— Дети мои, как я рада вас видеть! — произнесла она необыкновенно ласково прекрасным звучным голосом и обняла Филиппа.

— Мама... Мама... Мама! — зарыдал Филипп от радости и уткнулся ей в грудь.

— Сынок мой... Мой любимый мальчик! — сердечно приласкала она его и поцеловала в лоб.

Мария подняла с колен Саломею и Ра.

— Дочь моя... Сын мой! — обняла их и тоже поцеловала в лоб.

Потом она обняла Захария.

— Ты мастер от Бога. Так говорят ангелы, брат мой! — сказала Она ему. — Скоро увидим твой Крест!

Наконец Мария наклонилась и приласкала Бунгло, а он пробубнил что-то радостное.

— Хватит облизывать мои ноги... Спасибо тебе, что привёл путников невредимыми!

В это время к ним подошёл высокий мужчина с бородой.

Мария обрадовалась ему тоже.

— Вот Иоанн пришёл, Апостол Иисуса!

Иоанн всем улыбнулся. Было видно, что он знал о них.

— Проходите, милые мои, проходите во двор! — радушно пригласила Мария.

И все они уселись в тени яблочного дерева.

— Саломея, дочка моя, помоги мне! — обратилась Мария к девочке.

Вскоре они вынесли из дома тёплые лепёшки, вкусно пахнущую похлёбку из фасоли в глиняном горшке и фрукты.

— Ешьте, дети мои! — говорила она заботливо, наливая похлёбку в глиняные чашки.

Филипп всё время стремился быть рядом с Марией, «своей мамой», и зачарованно смотрел ей в глаза.

Ели молча. Впервые за последние дни, во время преодоления трудной и длинной дороги, они насытились.

Во двор вошёл ещё один среднего роста мужчина и тоже с бородой.

Мария обрадовалась.

— Ещё один Апостол... Он Иаков, мой сын и брат Иисуса...

Иаков нежно обнял мать и улыбнулся всем.

— Мир вам! — сказал он и присел рядом с ними: — Вы ещё не смотрели Крест Христа? — спросил он у Матери и Иоанна.

— Нет, — ответила Мария, — сейчас мы все вместе его посмотрим.

С трапезой было покончено, и Мария с Саломеей убрали посуду.

— Захарий, брат мой, достань, пожалуйста, своё творение!

Ювелир осторожно извлёк из-за пазухи свёрток из мягкого платка, развернул его и положил перед Марией на

большой камень, который только что служил всем местом трапезы. На солнечном свете Крест Христа засверкал, заблестел, заискрился. Белизна вербного дерева передавала очертания Матери Земли. Лежал Крест на платке, как таинственная магическая Сила Света, как сгусток Высшей Воли.

Мария, Иаков, Иоанн смотрели на Крест задумчиво и долго.

Дети смотрели на них.

Захарий был в тревожном ожидании.

Наконец, Мария взяла Крест в руки и поцеловала его в то средоточие, где слились Небо и Земля, Вечность и Мгновение, Начало и Путь, Дух и Материя, Бессмертие и Смерть. Потом она перекрестилась и сказала:

— Брат мой, Захарий, ты Божий человек и создал чудотворный Крест Христа. Он утвердит в людях Веру в Бога и Любовь к ближнему... спасёт народы от бедствий и гибели... предотвратит войны и кровопролития... исцелит каждого, кто придёт к нему с чистым сердцем... Он прослужит народам Земли многие тысячи лет и победно встретит Новое Явление Мессии...

Говорила это Мария медленно, как будто читая будущее Креста Христа на самом Кресте.

Она передала Крест Иоанну. Тот тоже поцеловал его и перекрестился.

— Пусть прославит Крест Христа Волю Бога! — сказал он и передал Крест Иакову.

Иаков долго держал его, всматривался в резьбу узоров и расположение благородных камней. «Великое искусство!» — проговорил он как бы для себя. Потом поцеловал Крест, перекрестился и положил его перед Марией на платок.

До захода солнца пришли и другие Апостолы: Симон Пётр, Матфей, Варфоломей и Симон Кананит. Они с глубоким почтением преклонились перед Марией и ласково всем улыгнулись.

— Вот наш Крест! — сказала Мария.

Каждый из них поочерёдно взял Крест Христа в свои руки, внимательно посмотрел, поцеловал его и перекрестился. Они были восхищены им.

— Крест этот чудотворный... — подтвердил Матфей.

— Мария, Матерь Христа, — робко произнёс Захарий, — мой сын Ра тоже сотворил Крест...

— Покажи, сынок, твой Крест! — попросила Мария.

Из-за пазухи Ра достал свой Крест и положил его рядом с Крестом отца.

Мария и Апостолы долго рассматривали его, восхищались способностями молодого ювелира и удивлялись внешнему сходству двух Крестов.

— Со временем Крест твой, сынок, тоже станет чудотворным. Пускай люди, искренне верующие в Бога и полные любви к ближнему, мощью своего духа наделят его чудотворной силой! — сказала Мария.

Солнце село.

Мария пригласила всех войти в дом и помолиться.

Они встали в круг на колени, Кресты положили в середину, и Апостол Матфей приступил к молитве. Все повторяли его слова. Каждое слово, звучащее из уст молящихся, было наполнено горячей любовью к Богу-Отцу и Сыну Бога Иисусу Христу. Молились они за людей Земли, за больных и калек, за бедных и голодных, за невежд и глупцов, за грешных и глухих сердцем. Горячая молитва длилась долго.

Вдруг сверху на Кресты опустился Живой Столб Света, который ярко освещал лицо каждого.

Захарий и дети смотрели на него зачарованные, переживая радость и блаженство.

К полуночи Матфей прекратил молитву.

— Аминь! — сказали молящиеся и перекрестились.

Каждый нагнулся к подножию Живого Столба Света и поцеловал оба Креста.

Все встали.

— Как быть с Крестами? — обратился Матфей к Марии.

Мария задумалась.

— Чудотворная Сила Креста Христа, который создал Захарий, велика. О нём, конечно, уже знают тёмные силы, которые пытаются овладеть им, чтобы уничтожить. Поэтому его надо держать в надёжном месте. Таким местом, я полагаю, являются Пещеры Философа, где есть и Пещера Господа.

— Сейчас царь Ирод Агриппа и римские власти ведут жестокие гонения на последователей Господа нашего Иисуса, — сказал Апостол Иоанн, — потому верующие создают свои Пещерные храмы, в глубокой тайне собираются там и молятся. Полагаю, что таким Пещерным храмом может стать и Пещера Господа, которую обосновал Апостол Андрей. Хранить там чудотворный Крест Христа будет уместно...

— Да, это мудро, — согласилась Мария, — чудотворную силу Креста Христа молящиеся волею своего духа, слитого с Волею Бога, могут направить туда, где в ней нуждаются, а также тем, кто нуждается в исцелении и спасении.

— Кроме того, — добавил Апостол Иаков, — в Пещере Господа Крест будет защищён надёжнее...

— Но Крест Христа должен иметь своего вечного хранителя... Пройдут годы, а потом столетия и тысячелетия... Что станет с Крестом в будущем? Чтобы сбылось предназначение чудотворного Креста, его необходимо охранять... Иначе он может оказаться в руках извергов и брошен в костёр...

— Ты права, Мария, — сказал Апостол Матфей, — Пещера Господа может надёжно хранить Крест сегодня, но времена будут меняться... Значит, нужен Дух-Покровитель...

— Этот Дух присутствует среди нас... — сказала Мария.

— Да? И кто он? — спросил Иаков.

— Дух этой маленькой девочки, которую звать Саломея. Дух её чист, силен и просветлён. В девочке открываются особые дарования — она может видеть будущее и уже на Земле готовить себя стать Небесным Покровителем Креста Христа... Но на такое мученическое служение необходимо её согласие...

Все обернулись к Саломее.

Пытливые взгляды Апостолов смутили её, и она покраснела. Но слова Богоматери вызвали в ней безграничное чувство радости и ответственности за столь великое доверие.

— Верно, — произнёс Иоанн несколько мгновений спустя, — в ней сильный и светлый Дух!

— Дочь моя, — обратилась Мария к Саломее, — тебе решать, согласна ли ты стать Вечным Хранителем Чудотворного Креста Христа? Крест этот единственный, дру-

гого такого не будет. А ему суждено подготовить человечество для последующего Явления Мессии... Он возьмёт из рук твоих в Свои Священные Руки Крест Свой и поведёт людей дальше по пути Света!

Мария заглянула в глаза девочки.

— Да, Святая Богородица! — ответила Саломея, чувствуя, что в ней говорит сам Дух её: убеждённо, с верою, с трепетом перед величайшим Зовом.

— Хорошо! — сказала Мария. Она положила руку на голову девочки и произнесла: — Я благословляю тебя, дочь моя, на Великое Святое Служение. Да будет Воля Господа нашего Иисуса Христа в сердце твоём! — Мария взяла Крест Христа, поцеловала его в точке средоточия всего, перекрестила им девочку и обняла её.

То же самое сделали Апостолы.

Саломея не знала, что сказать в ответ на всё происходящее, она только промолвила:

— Я счастлива!

В глазах Захария блеснули слёзы.

Иорам и Филипп были под сильным впечатлением от прошедшей церемонии,

— А как быть с Крестом, который сделал Ра? — спросила Мария.

— До меня дошли достоверные слухи, что на берегу Иордана один знатный римский вельможа по имени Юстиниан строит Храм Христа! — сказал Апостол Варфоломей.

— Это правда... — подтвердил Апостол Симон Кананит.

— Я предлагаю, — продолжил Апостол Варфоломей, — сделать обителью Креста этот Храм Христа. Дух

верующих, как ты сказала нам, Мария, со временем делает его чудотворным.

— А кто настоятель Храма Христа? — заинтересовалась Мария.

— Насколько я знаю, у них нет пока настоятеля...

— Как это? — заволновалась Мария. — А если придёт туда человек случайный и нечистый, не знающий Учения, куда он поведёт народ?.. Надо позаботиться об этом!

— Вот что ещё я знаю, — сказал Апостол Варфоломей, — полтора года тому назад рабочим, которые строили там дворец, принёс Учение Христа один маленький мальчик, племянник и ученик Апостола Андрея. Звали этого чудо-мальчика...

— Амон-Ра! — радостно воскликнул Филипп.

— Да, Амон-Ра... Ты знаешь его? — спросил Апостол Варфоломей Филиппа.

— Мы все его знаем... Мы его ученики, мы его друзья...

— Прекрасно... У Горы Оливковых Деревьев он слушал проповедь Иисуса Христа, потом Иисус благословил его и друзей, которые были вместе с ним...

— Но это же вы — Иорам и Саломея! — улыбнулась Мария.

— Да? — обрадовался Апостол Варфоломей, — значит, у меня есть свидетели? — пошутил он и продолжил: — Спустя некоторое время этого мальчика — Амон-Ра — злодеи забросали камнями... На строительстве остался его ученик, хотя он взрослый, пожилой мужчина. Звать его...

— Иаков!.. — опять не стерпел возбуждённый Филипп.

— Да, Иаков... Ты его тоже знаешь?

— Он отец Иорама...

Апостол Варфоломей взглянул на Иорама.

— У твоего отца прекрасный сын... — сказал он,

— Так вот, Иаков этот — мудрый божий человек. Он руководил строительством дворца римского вельможи, а теперь руководит строительством нового города и Храма Христа... Он же мог бы стать хорошим настоятелем...

— Иаков там как отец для всех! — воскликнул Филипп.

Мария явно была довольна.

— Замечательно! Только будет хорошо, если кто из Апостолов даст ему наставления и благословит на служение, — сказала она.

— Сделаю это я, Мария! — с готовностью отозвался Апостол Симон Кананит.

— Тогда мы благословляем тебя! — сказала Мария с согласия Апостолов.

— Дядя, возьми меня с собой! — не удержался Филипп. — Я дорогу знаю... Ещё отца повидаю, и Иакова повидаю... Возьми меня с собой, дядя... — и Филипп вдруг спохватился и обернулся к Иораму: — Отпустишь, Иорам?

Апостол Симон Кананит улыбнулся мальчику, а Иорам дал согласие.

Было уже за полночь, когда Апостолы, кроме Иакова, покинули дом Марии. Симон Кананит взял с собой Филиппа.

Когда оставшиеся улеглись спать, Живой Столб Света, как будто желая всем спокойной ночи, погас.

ГЛАВА 10

Утром, до восхода Солнца, Мария провожала своих гостей.

Она вручила Иораму маленький свёрток, в который уложила лепёшки, орехи, яблоки и гроздья винограда на дорогу, и дала каждому напутствие.

— Брат мой, — сказала она Захарию, — твои изделия есть дары твоего светлого духа, и даришь ты их миру на вечные времена. Береги их. Иисус говорил, что не надо давать святыни наши псам и метать жемчуга наши перед свиньями, ибо они попрут их ногами своими, а потом, обернувшись, растерзают нас самих... Силы тьмы не дремлют, они подстерегают каждого соратника Бога... Часто повторяй слова, которые любил говорить Иисус: «Пока Я в мире, Я свет мира».

Потом она обернулась к Иораму:

«Иорам, сын мой, ты прекрасный целитель, совершенствуй и дальше своё мастерство. Научись исцелять душу страдающего до того, как наложишь мазь на больное место. Это есть высший закон истинного целителя. Пока тело человека превратится в тело прокажённого,

веселились, глядя на это зрелище, что снова не заметили огромного медведя и тех, кто следовал за ним.

Они-то веселились, но гневался в своём дворце прокуратор Понтий Пилат. Он был озадачен: не мог понять, какая сила заставила его легионеров переодеться в женские одежды и уже второй день устраивать клоунаду на улицах. Когда он вчера вызвал сотника, которого доставили прямо из бани, тот не узнал своего военачальника, показывал ему язык и, вообще, вёл себя дерзко и отвратительно. Станным было ещё и то, что, как ни мучился прокуратор, не мог вспомнить, какой он отдал секретный приказ сотнику.

Бунгло не оглядывался по сторонам, а остальные следовали за ним молча.

У ворот Геннафа тоже продолжалась вчерашняя история. Опять огромное количество людей окружило маленький дворик, выглядевший как клетка для зверей, внутри которого толпились солдаты со своим военачальником и кричали: «Помогите... Свет ослепляет меня!»

Опять никто не заинтересовался, что это за медведь такой и кто они, которые сопровождают его. Бунгло спокойно вывел своих друзей через главные ворота и пошёл по большой дороге.

Вначале они шли молча. Каждый вспоминал события встречи с Богородицей и Апостолами, думал о напутствии Марии.

«Мои изделия есть мои дары духа, так сказала Мария, — размышлял Захарий, — но не для псов и свиней, а для истинных христиан... Она ещё сказала о силах тьмы, которые подстерегают каждого соратника Бога... Значит, силы тьмы... Кто же они?.. Могу ли я сотворить ещё

какой-либо дар духа своего людям на вечные времена? — и старого ювелира вдруг осенило. — Создам Икону с обликом Иисуса Христа... Мне же представился Он и благословил Крест, я ярко помню Его облик...»

Иорам думал о высшем значении целителя: исцелять душу страдающего до того, как наложить мазь на больное место. Человек, сказала Богородица, начинает болеть в душе. «Как же мне исцелять душу? — думал Иорам. — Больная душа, наверное, требует другую мазь, но какую?» Ему ещё нужно будет написать мудрую книгу о целительстве. С чего начнёт он свою книгу? Конечно, с того, как он с Амон-Ра лечили людей. Иорам решил ещё немедленно отвести маму к отцу и тоже на время остаться в городе Солнца.

Облик и слова Богородицы Марии заполнили душу Саломеи. Она размышляла о том, какую возложили задачу на неё Матерь Христа и Апостолы. «Я Вечная Хранительница Креста Христа... Почему мне, ребёнку, доверили такое великое дело?.. Может быть, я уже не ребёнок?.. Но если даже я ребёнок, это доверие делает меня взрослой. Доверие святых людей побуждает во мне чувство ответственности, вот я и выхожу из детства... Был бы рядом Амон-Ра, он бы помог мне разобраться со своим детством... Тьма ополчится на меня, потому что я Хранительница Креста, а ей надо завладеть Крестом, чтобы уничтожить его... Я не отдам его никому... Я буду беречь Крест и тогда, когда закончится моя жизнь на Земле, и я уйду на Небо... Как мой дух будет оберегать Крест, который останется на Земле?.. Я найду там Амон-Ра и он поможет мне...»

Мысли Ра были направлены на разгадку собственной тайны. «Я мальчик из Ниоткуда, — думал он, — но ноги

мои сами привели меня к отцу Захарию. Почему так случилось? Ко мне приходят знания, хотя я их не приобрел и, вообще, ни у кого не учился. Они идут ко мне тоже из Ниоткуда?.. Отец Захарий назвал меня Ра из-за мальчика Амон-Ра, которого забросали камнями... Кто он?»

На эти вопросы он не находил ответы, то есть, из «Ниоткуда» знания не приходили. Но теперь он доверял словам Богоматери: «Живи по сердцу, и Истина откроется тебе».

Бунгло тоже размышлял о своём, о том, что силы тьмы не дремлют, а он охраняет Силы Света. Надо быть постоянно начеку.

Иерусалим остался далеко за путниками. Погруженные в мысли, они не заметили, что идут весь день без передышки. Солнце скрылось за горизонтом. Спускались сумерки. Саломея вдруг почувствовала, что очень хочет пить, и тут же услышала шум ручейка.

— Вы не хотите пить? — обратилась она к другим.

Оказывается, жажда мучила всех.

Они отошли от дороги и напился из ручейка. Вода была холодная, вкусная.

— А есть вы не хотите? — опять спросила Саломея.

— Да, да! — отозвались все.

— Дети мои, давайте устроимся ночевать здесь, под деревом... И ручей близко, и от дороги укрыто, — предложил Захарий.

Они расселись под широкоплечим и могучим деревом. В его ветвях стая птиц тоже готовилась переночевать и шумно обсуждала прожитый день.

Иорам развернул свёрток Марии и разложил на платке его содержимое.

И как будто каждый из них впервые в жизни ел лепёшку, впервые ел орешки, впервые пробовал вкус винограда или яблока. Конечно, в самом деле, ели они все это не впервые, но такое они ели действительно впервые: необычно ароматная и мягкая лепёшка, необычно сладкий и вкусный виноград, необычно... И всем стало хорошо, ушла усталость.

Тем временем стихли птички, видимо, приготовились ко сну.

Но путникам спать не хотелось.

Первым заговорил Захарий. Ему не давала покоя мысль о тёмных силах, про которых говорила им Мария. Он не смог уяснить себе, что это за силы.

— Дети мои, послушайте меня! — начал дядя Захарий. — Помните, что сказала нам Матерь Христа Мария: нам надо оберегать друг друга от тёмных сил, которые будут нас преследовать! Помогите старику разобраться, кто такие тёмные силы и откуда они берутся, и зачем им нужно преследовать нас?

Ребята переглянулись.

Никто не спешил дать старику наставления.

Молчание нарушила Саломея.

— Пусть скажет Ра, — сказала она.

Ра смутился.

— Я? Я не знаю, что сказать...

— А ты подумай и скажи... Потом мы тоже скажем... И так соберём ответ и для дяди Захария, и для нас самих. Нам тоже нужно знать, что есть тёмная сила...

Ра молчал.

— Ты не бойся, — подбодрила его Саломея, — ведь надо, чтобы кто-то из нас начал первым... Дядя Захарий

спрашивает, а мы обязаны ответить так, как можем...
Смелее, Ра!

— Тогда я буду говорить то, что придёт мне в голову, — сказал Ра, как бы извиняясь.

— Да, это нам и надо, — подтвердил Иорам.

— Ты не стесняйся, сынок, — добавил Захарий.

Совсем стемнело, ибо была безлунная ночь.

Сидевшие под деревом еле различали силуэты друг друга.

Ра улёгся на землю, прислонил голову к брюху Бунгло и обратил взор к звёздному небу. После нескольких минут молчания он заговорил. Говорил он медленно, с длинными паузами между отдельными мыслями. Он говорил, но чувствовал, что не думает, мысли приходили как бы сами собой, а язык их озвучивал.

— Взгляните на звёздное небо...

Он произнёс эти слова тихо, почти что шёпотом.

Сотворил Бог Беспредельную Вселенную... То, что мы видим над нами, есть только малая часть Беспредельной Вселенной... Сотворил Он Землю и наполнил её Светом... Сотворил нас, людей, и поселил на этой земле... Поставил над нами светлых ангелов Своих и сказал им: «Вот даю вам людей, вложил Я в них образ Мой... помогите им раскрыть в себе Мой образ, развить свой дух и стать подобными Мне... И сделаю тогда Я из них строителей Вселенной, ибо беспредельна она... Светлые ангелы взялись за осуществление предначертанного Богом и ввели людей по пути раскрытия в себе Его Образа...

Но среди светлых ангелов оказались и падшие, которые отошли от законов Бога и начали утверждать

самость. Они воспользовались слабостями людей, соблазнили многих из них, повергли в грехи, направили на творение зла... И возникли на Небе и на Земле силы светлые и силы тёмные...

Увидел Бог, что губятся души людей, люди теряют путь к Свету, в котором Он сам пребывает, и послал Он на Землю Своего Сына, чтобы Тот принёс людям Слово и Закон Его, возродил в них любовь, помог им опомниться и обернуться к Истине...

Он раскрыл людям тайну Царствия Небесного... Имя его было Иисус Христос...

Когда входят в жизнь великие законы Бога, тёмные страшатся, ибо чувят поражение. Тогда они ещё с большей озлобленностью причиняют вред светлым силам и строят преграды на пути утверждения ими начертаний Бога... Увидели тёмные силы, что люди задумываются, каются, обретают веру в Бога. Испугались они, ибо почували поражение. Озлобились ещё больше и направили весь свой тёмный легион против Мессии. Люди, у которых помутнела душа и оглохло сердце, возвели Христа на Голгофу и распяли Его на кресте...

Но многие понимают, а в будущем поймут ещё больше, что есть Слово и Закон Бога, и с любовью и верою примут Истину, принесённую Иисусом Христом...

Тёмные тоже понимают, что силы Света всё больше будут расти, и стараются, и будут стараться впредь погасить Свет, навредить светлым силам, заманить их обманом, соблазнами, запугиванием.

Это сражение тёмных сил с силами Света ведётся и на Небе, и на Земле... Каждый из нас есть воин сил Света. Захарий — воин сил Света, Саломея — воин сил

Света, Иорам — воин сил Света. И я воин сил Света. Мы служим умножению добра и любви на Земле.

Матерь Иисуса Христа Мария знает, что тёмные силы могут навредить каждому из нас, чтобы погасить наши светильники, ослабить наши души, уничтожить плоды наших деяний, красоту наших мыслей... Потому нам надо будет быть осторожными, беречь друг друга, помогать друг другу, чтобы отразить нападки тёмных сил на нас и на других светлых людей.

Они могут напасть на нас как разбойники, как грабители и убийцы, как клеветники. Но могут прийти к нам коварно — в облике друзей, добродетелей, путников, калек, ибо рассчитывают на нашу добросердечность и доверчивость — и навредить нам.

Нам нужно будет опознать их и обезвредить...

Может случиться, что некие из тёмных сил, в которых ещё остались искры от Света, в соприкосновении мощи любви и доброты разорвут связь с тьмой. Нам надо будет опознать и таких и помочь им...

Самая надёжная броня защиты от тёмных — это вера каждого из нас во всемогущество сил Света и в светлый путь Бога...

Тёмных можно узнать сердцем нашим и по делам их...

Крест Христа, который сотворил по воле Бога мой отец Захарий, и защитником и хранителем которого есть Саломея, является могучей силой Света. Он может предостеречь многие бедствия в жизни людей и способствовать светлым начинаниям. Он чудотворный...

Тёмные знают, как мы опасны для них, какую Божественную Силу оберегает Саломея, какая светлая душа у Захария, как переполнено сердце Иорама любовью и по-

тому, если уничтожат нас и завладеют Крестом Христа, то будет для них великая победа...

Наше противостояние тёмным силам не есть сражение только на Земле, то же сражение наши души ведут и на Небе...»

Ра умолк. Все поняли, что он говорить больше не будет.

Захарий, Саломея и Иорам оказались под сильным впечатлением от рассказанного Ра. Молчание длилось долго, каждому надо было осмыслить своё.

Спустя некоторое время Саломея сказала:

— Ра, ты говорил как Амон-Ра! — в голосе девочки звучало восхищение. — Скажи, откуда у тебя эти знания?

— Да, ты как Амон-Ра... — подтвердил Иорам.

А Захарию казалось, что Ра и есть Амон-Ра.

Если бы было светло, то они увидели бы, как покраснел Ра: его сравнили с Амон-Ра, с легендарным мальчиком!

— Откуда, Ра? — повторила вопрос Саломея.

А Ра не мог ничего сказать, кроме искреннего: «Не знаю... Чувствую только, что всё это — правда...»

ГЛАВА 11

Раньше всех приготовился в дорогу Бунгло.

Звезды ещё мерцали на небе, до восхода солнца было пока далеко.

Но Бунгло спешил. Оберегая сон своих друзей, он, тем не менее, немного вздремнул только на миг. В дремоте он увидел отрезок дороги через ущелье, а солнце светило прямо в глаза; и вслед за этим он увидел перекрёсток дорог, но солнце на этот раз стояло над головой. Очнувшись от мгновенного сна, Бунгло понял, что получил задание: утром он должен провести всех через ущелье, а в полдень — не раньше и не позже — они должны уже быть на перекрёстке дорог. Бунгло помнил этот перекрёсток, идти до него придётся долго, потому надо было будить всех.

Он подошёл сперва к Захарию и лапой дотронулся до его плеча. Захарий сразу открыл глаза.

— В чем дело, Бунгло? — прошептал он.

Бунгло покачал головой так, что Захарий сразу догадался: пора в путь.

— Доброе тебе утро, Бунгло! — Захарий пожал Бунгло лапу, встал, подошёл к речке и холодной водой прогнал с себя сон.

Всплеск воды разбудил Ра.

— Почему встал, отец? — прошептал он.

— Бунгло торопит, сынок!

Проснулись Саломея и Иорам.

— Почему ты будишь нас, Бунгло? — спросила Саломея у медведя, услышав, что он их торопит.

Бунгло покачал головою, подтверждая, что так надо.

Вскоре все они шли за Бунгло по дороге и тихо переговаривались между собой, боясь нарушить тишину вокруг, потревожить птиц и помешать лёгкому перешёптыванию деревьев.

Они обсуждали вчерашние мысли Ра и пытались глубже в них разобраться.

Тем временем показались первые лучи Солнца.

Они остановились, чтобы поприветствовать Солнце.

Потом Бунгло опять возглавил шествие и даже ускорил шаг.

— Бунгло, почему ты так спешишь? — спросила Саломея.

В это время они проходили через ущелье, которое было окружено густым лесом.

Бунгло пошёл ещё быстрее.

Саломея хотелось расспрашивать Ра о тёмных силах и о том, как им противостоять. Но не успевала за Бунгло.

— Бунгло, — сказала она тогда, — раз так, посади меня себе на спину!

Бунгло поспешно забрал её на спину.

Они почти перебрались через ущелье и продолжали бежать дальше, пока место это не осталось далеко за ними. Только тогда Бунгло сбавил шаг, а Саломея слезла с его спины. Всем было понятно, что Бунгло поступил

так не зря и что они миновали какую-то опасность, но какую, они не могли знать.

«Нас подстерегали тёмные», — подумала Саломея.

А тёмные действительно подстерегали их.

Большому Мальчику сообщили, что из Иерусалима в сторону Города направился большой медведь и за ним следуют Саломея и ещё кое-кто. Озлобленный на медведя и на Саломею Большой Мальчик решил расправиться с ними, наказать их достойно. Узкое ущелье, потопленное в лесу, было для этого самым удобным местом. По его расчётам медведь и Саломея должны были пройти через ущелье до полудня. Поэтому он спокойно разместил свою разбойничью шайку в самых коварных уголках, каждого надёжно укрыл и дал задание. «Все: и медведь, и Саломея, и все остальные глупцы сегодня станут моими жертвами, — радовался Большой Мальчик, — я отомщу им, как отомстил я Амон-Ра». Он намеревался перекрыть им дорогу в ущелье, забросать камнями и пустить в них стрелы с отравленными наконечниками.

Однако Большой Мальчик просчитался: Бунгло провёл своих друзей через ущелье гораздо раньше, и потому Большому Мальчику пришлось сидеть в укрытии со своими разбойниками до вечера, так и не дождавшись появления своих «врагов». И в нём злоба умножилась стократно. Он приказал безжалостно избить доносчика из-за ложных сведений и поручил другим вести наблюдение за «пещерными крысами».

А Бунгло вёл своих друзей дальше и смотрел на Солнце: по нему он мерил свой шаг. И когда Солнце действительно встало над головой, он остановился и, к удивлению всех, улёгся у обочины дороги.

— Бунгло, что сегодня с тобой происходит? — спросила Саломея. — Ты устал?.. Тебе плохо?.. Скажи, что с тобой, Бунгло?

Но Бунгло посмотрел на неё с загадочным выражением своей морды и других каких-либо знаков не подавал.

Все присели вокруг Бунгло с надеждой понять, что означает его поведение.

— Наверное, так надо! — сказал Ра.

— Ну что же, сделаем передышку, — сказала Саломея.

Вдруг на дороге, которую они должны были пересечь, показался маленький караван осликов.

На четырёх осликах восседали всадники. Они в окружении вели семь–восемь человек в кандалах. Один из всадников возглавлял шествие.

— Кто они такие? — с тревогой спросила Саломея.

Она взглянула на Бунгло, но тот был спокоен.

— Кого они сопровождают, арестованных, что ли? — проговорил про себя Захарий.

Вдруг они услышали громкий голос всадника, который ехал последним:

— Господин, он уже мёртв!..

Караван остановился.

Господин, — тот, который возглавлял шествие, — слез с осла и подошёл к тому, кто его звал. Тот тоже слез с осла, на котором остался не вьюк, а человек, висевший на спине осла как вьюк.

Господин повелел сбросить его на землю. Потом нагнулся и долго проверял безжизненное тело.

— Он мёртв, господин... Он уже со вчерашнего дня мёртв, но я не говорил тебе, не хотел огорчить.

Господин привстал.

— Да-а-а, мёртв... — злобно сказал он. — Обманули меня, мерзавцы, продали мне больного раба... — и он выругался, и погрозил кому-то.

— Господин, прикажешь бросить его в канаву?

Господин стоял в нерешительности.

— Он же был художником... какой был хороший товар... продал бы его в Риме за большие деньги... Какой товар!..

— Господин, он уже не товар, а мертвец... Кто купит мёртвого раба, каким бы художником он ни был!

— Чему ты меня учишь? Сам не понимаю, что ли? — закричал господин гневно. — А если он оживёт, я же потеряю товар?

— Господин, — робко сказал тот, — он второй день как мёртв, не оживёт он больше... Тащить мертвого раба в Рим...

— Замолчи, говорят тебе... Не оживёт, не оживёт... Много ты знаешь... Говорят, ожил человек... Умер, положили в гробницу, а на третий день ожил... Иисусом Христом его звали...

Господин закрыл глаза ладонями, видимо, молился. Потом приказал всем всадникам:

— Хорошо... Бросайте его в канаву... А может быть, похоронить?

— Зачем его хоронить, господин! Бросим в канаву и поедем...

— Потому, что был художником... Человеком...

— Пока мы выроем могилу, Солнце сядет, и мы застрянем на полпути...

— Бросайте... — согласился господин.

Трое потащили мёртвого к обочине дороги и бросили в канаву. Потом все сели на своих ослов. Рабы в кандалах все это время сидели на дороге и грустно наблюдали, как поступают с мёртвым рабом.

— Пошли! — закричали на них сидевшие на ослах и ударили их плетями. Те привстали, и караван двинулся.

Когда, погруженный в свои грустные думы господин подошёл к перекрёстку дорог, он неожиданно для себя увидел огромного медведя и заорал от страха.

Бунгло стоял перед ним на задних лапах, как гора, и не давал дорогу.

— Убейте его... убейте его... — кричал до смерти перепуганный господин, но ни один из трёх всадников не осмелился вынуть свои кинжалы из ножен. Рабы же, скованные в кандалах, с интересом смотрели на огромного медведя и на тех, кто стояли рядом.

— Господин, — обратился к первому всаднику Иорам, — нас не надо бояться... Освободи этих рабов и медведь ничего тебе не сделает!

— Что?! — заорал господин. — Освободить рабов?! Кто вы такие, что против закона идёте?.. Разбойники... Сопляки... Я вам покажу... Убейте медведя! — грозно приказал он оторопевшим всадникам, но те не сдвинулись с места.

Тогда господин, который даже мёртвого раба не хотел потерять без выгоды, спрыгнул с осла, обнажил кинжал и бросился на медведя. Но тот ударом правой лапы выбил из его рук кинжал, который острием вонзился в землю. Господин схватил кинжал, но вынуть его из земли не смог.

— Господин, освободи рабов и иди с миром, — сказал Иорам спокойно.

В это время господина, тщетно пытавшегося выдернуть кинжал из земли, Бунгло взял, как маленького ребёнка, и посадил себе на шею. Господин сперва не понял, что с ним произошло. Потом, догадавшись, сверху закричал своим сопровождающим:

— Безмозглые, что вы стоите... Убейте медведя!

Те, наконец, решили показать свою храбрость и с кинжалами бросились на Бунгло. Но с их кинжалами произошло то же самое, а «храбрецы» распластались на земле.

— Господин, — сказал Иорам рабовладельцу, сидевшему на шее Бунгло, — сними с них кандалы, и ты пойдёшь с миром...

Господин заплакал от злости и бессилия.

Рабы, их было семь, взирали с какой-то недоверчивой надеждой на большого медведя, на Иорама и на своего хозяина.

— Нет у меня ключей от оков, рабы мои, не сниму кандалы... — плакал господин.

— Они, конечно, твои, господин, — терпеливо объяснял Иорам, как бы успокаивая его, — но прояви милость и подари им свободу... Бог тебе воздаст...

Бунгло спустил с шеи господина и нежно прижал его к груди, как маленького ребёнка, погладил лапой, успокоил, облизнул.

— Господин, — продолжал Иорам, — мы не насильники... Ну что же, раз так, отпустим тебя с твоими рабами... Но не хочешь ли ты стать Божьим человеком и найти для себя путь в Царстве Небесном?

Услыхав последние слова, господин в лапах Бунгло как-то разом изменился, сразу успокоился и, глядя сверху в глаза Иораму, спросил:

— Что ты знаешь о Царстве Небесном?.. Ты и о Христе тоже знаешь?

— Мы расскажем тебе обо всём, что знаем, если захочешь, но порадуй сердце своё благим делом...

— Спусти меня на землю! — сказал господин Бунгло, и тот покорно выполнил его просьбу.

— Вот, господин, ты свободен, мы тебя не держим и рабов твоих не забираем... Можешь идти со своими слугами и рабами!

Но господин не спешил.

— Ты говоришь, что расскажешь мне о Христе...

— Да.

— Он был Мессией?

— Да, Он был Сыном Бога, мы встречались с Ним.

— Вот тебе ключи от оков, бери, освободи их, а потом расскажешь...

— Не я дарю им свободу, господин, а ты! — сказал Иорам.

— Ты прав. Освободить рабов своих должен я!

Он подошёл к каждому из них, открыл замки и снял цепи.

— Дарю вам свободу... Никто из вас уже не раб! — сказал он всем с каким-то умиротворением в голосе.

Потом он поднял руки и голову к небу и взмолился:

— Я не знаю, Господи, кто кого одарил свободой: я рабов Твоих, или они раба Твоего!.. Спасибо Тебе, Господи, за Мудрость Твою, за радость, которую доставил Ты моей душе!..

Он поклонился до земли и, выпрямившись, обратился к Иораму:

— Расскажи теперь о Царстве Небесном и об Иисусе Христе...

— Господин...

— Не господин я уже, а Джамал из Персии, так зови меня!

— Хорошо, Джамал. Но сперва посмотрим на того, который в канаву брошен!

— Мёртв он, мёртв... Он свободнее, чем любой из нас! — горестно воскликнул Джамал.

— Тогда надо предать его земле.

— Ты прав, я тоже так думал... — сказал Джамал и, увидев Бунгло рядом с собой, спросил с испугом:— А этот медведь не опасен?

— Для тебя и твоих путников он не опасен! — ответил Иорам.

Все направились в сторону канавы, где был брошен умерший раб. Его вынули оттуда и уложили на землю.

Иорам наклонился над мёртвым. «Он совсем моего возраста... и как его сделали рабом?» — подумал он с болью в сердце.

Саломея же, взглянув на мёртвого, закричала:

— Это же Феофил... Феофил... Иорам, спаси его... Оживи Феофила!..

Саломея заплакала, опустилась на колени и руками обвела лицо лежащего на земле мёртвого мальчика.

— Вы его знаете?! — удивился Джамал, но никто ему не ответил.

— Спаси, Иорам... Оживи его! — проговаривала Саломея в слезах.

— Он уже мертв... Никто его уже не оживит! — пробормотал Джамал с грустью. — Когда покупал его, говорили, что он хороший художник!

Иорам тем временем изучал тело Феофила. Может быть, осталась в какой-то части хоть капля жизни? Но нет! И Иорам не знал, как быть. А Саломея все плакала и умоляла:

— Спаси... Оживи...

Сердце Ра тоже сжалось от безнадёжного состояния мальчика, он был взволнован также и чувством сострадания, которое проявили все к Феофилу. И вдруг зазвучали в нём слова, которые он тут же тихо произнёс:

— Саломея, достань чудотворный Крест Христа и попроси в молитве, чтобы он помог Феофилу!

Саломея с удивлением взглянула на Ра, как бы спрашивая: «А разве так можно?!»

— Достань Крест, Саломея, и попроси в молитве... — повторил ей Ра.

— Да-да, Крест... — произнесла она и вынула свёрток из-за пазухи, достала из него Крест, поцеловала и прижала к груди. Потом протянула его к безжизненному телу Феофила, и душа и сердце её воспламенились в молитве.

— Иисус Христос, молю Тебя, верни к жизни Феофила, дай ему прославить Тебя... Господи, молю Тебя... воскреси Феофила...

— Станьте вокруг меня! — тихо сказал Иорам, чтобы не нарушить молитву Саломеи. — Всем сердцем, всей душою пожелайте, чтобы Феофил вернулся к жизни... Молитесь Богу, чтобы вернул Он Феофила к жизни...

И Джамалу, и его сопровождающим, и рабам, которые только что получили свободу, показались странными слова Иорама, но, тем не менее, они воззрели к небу и, как умели, послали мольбу Творцу. Ра и Захарий присели рядом с Иорамом и погрузились в молитву.

«Господи, спаси Феофила... Господи, не уводи его пока из жизни», — молился Ра. И вдруг он почувствовал, что его сущность преобразовывается, через темя в него вливается какая-то непонятная ему теплота и направляется она к ладоням, от которых она опускалась на тело лежащего на земле мальчика. Руки Ра задрожали от мощи потока, он как бы растворился сам в этом потоке, чтобы влиться в мёртвое тело и дать ему ожить.

Сколько времени находились они в таком состоянии?

Солнце на небе сдвинулось на несколько пядей к земле, когда мёртвый открыл глаза. Феофил увидел над собой свод света, из которого выглядывали добрые ангелы. Он только что был в окружении светлых ангелов, но теперь их места заняли другие. И лицо первого, которое он сразу узнал, было Саломеи. Он улыбнулся своей учительнице и слабым голосом прошептал:

— Саломея, неужели это ты?! Зачем ты Здесь?

Ему показалось, что находится опять в мире духов, и потому удивился, увидев Саломею. А потом удивился ещё, опознав Иорама и Захария.

— Иорам, ты тоже Здесь?! Захарий, и ты Здесь?!

К нему наклонился Бунгло и лизнул щеку.

— Бунгло, ты тоже в Этом Мире? — обрадовался Феофил и слабыми руками притянул его к себе.

— А это кто? Амон-Ра? — спросил он, взглянув на Ра. — Чем-то ты похож на него... А они кто? Я их не знаю! — шептал он и удивлялся, какая сила разом привела их Сюда.

— Он вернулся... Он вернулся... Свершилось чудо... Крест Христа свершил чудо! — радости Саломеи не было

конца. Она поцеловала Крест, завернула его и спрятала за пазуху.

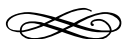
А на Джамала напали страх и удивление. Он упал на землю и кричал:

— Иисус всемогущий... Ты воскресил мёртвого...
Хвала тебе, Господи! Я раб Твой!..

Захарий тихо плакал.

Иорам и Ра помогли Феофилу присесть.

Все устроились вокруг Феофила.

ГЛАВА 12

Наконец Феофил понял: не они, кого он видит сквозь свет, переселились в Мир Духов, и не там он с ними разговаривает, а он вернулся из Того Мира в Мир Земной. Он был мёртв и ожил, Бог воскресил его. Он понял ещё, что его возвращение с Того Света связано с этими людьми, они молились за него и упрашивали Бога оживить его.

Осознание всего этого потрясло Феофила.

Да, он чувствовал в себе грусть по Тому Миру, где он побывал совсем недолго, но столько увидел и пережил. Лазурные дали и Огненное небо, Звучание Высших Миров, вдохновлённое созидание прекрасного, лики светлых ангелов и родных людей... Любимая мама, которая встречала его со счастливой улыбкой... Блаженство, которым пропитана каждая частица его души...

Он вернулся с удивительными знаниями о Высшем, Божественном Мире. Он теперь знает, что нет смерти. Есть только великий переход из одной жизни в другую. Мир Высший есть обитель для каждой светлой человеческой души.

В нём осталась грусть расставания с этим Прекрасным Миром.

Но рядом с грустью в Феофила вселилась и светлая радость от той любви, которую он увидел, открыв глаза: над ним пламенели молящиеся лики Саломеи, Иорама, Захария, мальчика, которого он назвал Амон-Ра, и других незнакомых ему людей.

В этом целостном переживании святой грусти и святой радости всплыло в нём напутствие Светлого Ангела, который провожал его из Того Мира. Светлый Ангел открыл ему тайну его камня-письма, которое он бережно хранил, ибо был предупреждён Амон-Ра. Он показал ему храм прекрасный с фресками и скульптурами и шепнул: «Вот твой путь». И Феофил познал в себе причину своего возвращения: он должен исполнить на Земле своё предназначение.

Все эти мысли, догадки, выводы и предчувствия пронеслись во внутреннем мире Феофила мгновенно, как только его осенило, что возвращается в земную жизнь.

— Он ожил... Бог Всемогущий, хвала Тебе! — не уставал восклицать Джамал.

— Феофил, хороший ты наш, Феофил... Слава Тебе, Господи... Крест Христа Чудотворный... — повторяла счастливая Саломея.

Иорам, увидев, что Феофил открыл глаза и заговорил, не прекратил свою молитву. Он воззрел к небу, раскрытые ладони тоже направил к небу и из уст его вырвался поток чувств благоговения к Богу.

Захарий тихо заплакал, и слёзы его выражали радость соприкосновения с Вечностью, от Которой родилось всё и от Которой и впредь будет продолжать рождаться всё.

Слёзы текли и у Бунгло. Он только сейчас понял смысл задания, полученного в мгновенной дремоте. Он спешил к перекрёстку, зная, что так нужно, но не зная, почему. Феофил ожил, и Бунгло тоже возносил славу Всемогущему Богу.

Слуги и рабы Джамала пребывали в полном недоумении. Шли они из Александрии через пустыню и направлялись, как говорил их хозяин, в Рим. На третий день пути мальчик этот заболел, упал и не мог встать. Тогда господин велел своим слугам перекинуть его на осле как вьюк, ибо надеялся, что дорогой товар выживет. Но он умер, а слуги боялись сказать хозяину, так они везли два дня умершего. А теперь он воскрес! И какой только Бог мог сотворить это чудо?

Переживания Ра были отличны от переживаний всех других. Когда они подошли к канаве и вытащили оттуда мёртвое тело мальчика, ему показалось, что он знает его. В нём сразу возникла уверенность, что мальчик воскреснет, только он не мог сказать, откуда в него вселилась такая вера. Молился он без слов, просто сам превратился в пламя мольбы, как чистая любовь, и всё его тело задрожало, как будто вот-вот разрушится на мельчайшие и невидимые частицы. И когда Феофил открыл глаза, Ра постепенно успокоился и, наконец, улыбнулся жизни, которая вернулась на Землю. Но почему Феофил назвал его Амон-Ра?

— Бог Всемогущий, хвала Тебе! — кричал Джамал.

Вдруг он остановился и взглянул на Иорама, который продолжал направлять поток чувства благоговения к небу.

— Мальчик! — сказал Джамал, но мальчик не услышал, хотя стоял на коленях рядом с ним. — Мальчик! —

повысил голос Джамал. — Кто этот Бог, который сотворил чудо? Он есть Христос?.. Мальчик, тебя звать Иорам?.. Мальчик, ты слышишь меня, скажи мне о Христе... Не Он ли вернул к жизни моего мёртвого раба?..

Иорам обернулся к нему и улыбнулся.

— Да, Джамал, мы расскажем тебе об Иисусе Христе, который оживил нашего Феофила...

— Вашего Феофила? Значит, вы знали этого мальчика?.. Я купил его в Александрии и хотел выгодно продать в Риме... Мне говорили, что он художник... Как это могло произойти, что мы встретились на этом месте? И это Христос устроил?..

И Саломея, и Захарий, и Иорам, и Ра вздрогнули от такой догадки Джамала и уставились на Бунгло.

— Бунгло, ты знал об этом? — спросила Саломея.

Бунгло опустил глаза и застенчиво покачал головой, говоря этим и да, и нет.

— Этот медведь умеет говорить?! Он понимает человеческую речь?! — искренне удивился Джамал. Он встал и смело подошёл к медведю, посмотрел в морду, в глаза, потрогал лохмотья: — Ты знаешь, как я страшно перепугался, увидев тебя, а сейчас я тебя не боюсь, потому что полюбил тебя... — потом Джамал опять обратился к Иораму, — мальчик, ты мне как сын... Расскажи о Христе...

— Был бы с нами Амон-Ра, он бы рассказал лучше всех нас о Христе... — сказал Иорам как бы для себя...

— А он разве не Амон-Ра?! — с удивлением спросил Феофил, указывая на Ра.

— Нет... Его зовут Ра. Мы с ним подружились недавно. Он мальчик из Ниоткуда и стал сыном для Захария, — пояснил Иорам Феофилу.

— Где же тогда Амон-Ра? — опять удивился Феофил. Иорам рассказал ему, что произошло с Амон-Ра и как он ушёл из жизни.

Феофил загадочно умолк и задумался.

Джамал с интересом послушал рассказ об Амон-Ра. Но нетерпение его всё росло.

— Расскажи теперь об Иисусе! — сказал он Иораму строго.

— Хорошо. Так вот, слушай...

Слуги и бывшие рабы Джамала тоже наострили уши.

И Иорам начал рассказывать: о том, что Бог один и един; о том, что Бог-Отец послал Своего Единородного Сына Иисуса Христа к людям; о том, что Иисус Христос есть Мессия и Спаситель; о том, что Царство Небесное берётся силою духа, и рассказал о заповедях Христа, о Его притчах; сказал о том, что Бог есть любовь и что надо полюбить ближнего, как себя самого. Потом рассказала Саломея, как они встретились с Иисусом Христом, и чему Он учил народ у Горы Оливковых Деревьев, какие он там совершил чудеса и как исцелил слепых, калек, прокажённых. Рассказала, наконец, и о том, как книжники и фарисеи оклеветали Его и прокуратор отдал Его на распятие. Саломея рассказывала об этой истории плача.

Джамал тоже расчувствовался.

Он жадно и внимательно выслушал весь долгий рассказ.

— Значит, Бог один и един, Он есть Отец... Значит, Иисус Христос Его Сын... — повторял он для себя, — значит, званых много, но избранных мало... Через узкую дорогу и через узкие врата надо войти в Царство Небесное... Сокровища надо накапливать в Небе...

Он заставил Иорама повторить несколько раз заповеди Иисуса Христа и запомнил их. Особенно запало ему в душу изречение: «Полюби Господа твоего всем сердцем твоим и всем разумением твоим».

Он задал Иораму и Саломее много вопросов. Потом долго думал и вдруг взмолился ему:

— Иорам, ты Божий человек... На тебя Иисус Христос руку положил и благословил. Ты веришь в Христа, много о Нём знаешь... Прошу тебя, мальчик, крести меня... Хочу принять веру Христа... — Джамал сказал это с искренней мольбой.

Он встал и заставил других тоже встать.

— Я знаю, как надо пройти к реке Иордан. Она недалеко отсюда. Успеем до захода Солнца. Там меня будешь крестить...

Феофила посадили на Бунгло, а Джамал стал предводителем.

Дорога оказалась действительно короткой.

Иорам с Джамалом вошли в реку.

Иорам ещё раз повторил ему заповеди Христа, прочёл молитву, которую слово в слово повторял Джамал. Потом Иорам сделал чашу из своих ладоней, зачерпнул воду и налил на голову Джамала.

Джамал был счастлив.

Когда он выходил из воды, Саломея подала ему Крест Христа.

— Перекрестись и поцелуй Крест Христа! — сказала она ему и ещё объяснила, как надо целовать Крест.

Обряд крещения привёл Джамала в восторг: «Теперь я христианин... Трудно мне будет жить по заповедям Христа, но буду жить по ним...»

Потом он взглянул на своих слуг и бывших рабов.

— Чего вы стоите? Вы же послушали об учении Христа? Трудно вам решиться?

— Господин, а нам можно? — неуверенно спросил один из рабов.

— Я уже не господин твой... Иорам, объясни им, можно ли им тоже принять крещение?

— Можно, — сказал Иорам, — только если хотят искренне принять веру в Христа!

И тогда трое слуг, которые уже не были слугами, семеро рабов, которые уже не были рабами, и Феофил вместе с ними, который не был уже ни мёртвым, ни рабом, поочерёдно спустились в реку.

Иорам крестил каждого.

Выходя из воды, они целовали Крест Христа, который держала Саломея и перекрещивались.

Хотели тоже получить крещение от Иорама Захарий, Ра, Саломея. Но Иорам сказал им, что они уже крещены от Иисуса Христа и от Богородицы.

Джамал ликовал.

— Мы теперь уже братья друг для друга, не так ли, Иорам?

Он взглянул на заходящее Солнце и произнёс торжественно:

— Братья мои, пойду я теперь по Белу Свету и расскажу всем о Христе, о Боге-Отце, о Царстве Небесном и о Заповедях! Может быть, обращу кое-кого в эту прекрасную Веру!

— А что нам делать, господин? — спросили бывшие рабы и слуги. — Нам некуда идти!..

Иорам предложил им пойти на строительство Храма Христа, чем их очень обрадовал.

Джамал вывернул карманы, достал все свои сбережения и раздал каждому поровну.

До наступления безлунной ночи оставалось достаточное время. И они, крещёные верою в Христа, разошлись по своим дорогам.

В сторону Города, к Пещерам Философа и Пещере Господа направились Захарий, Саломея, Иорам, Ра и Феофил. Им предводительствовал Бунгло, неся на спине Феофила. В сторону строительства Храма Христа направились новые христиане с верою, надеждою и любовью в сердце. А в сторону Белого Света зашагал Джамал, бывший торговец рабами, но теперь уже миссионер Христа.

ГЛАВА 13

У всех было хорошее настроение: они спасли друга и умножили сообщество последователей Христа.

— Феофил, — сказал Иорам, — мы с нетерпением ждём твоего рассказа о своих странствиях!

— Мне тоже хочется рассказать вам обо всём! — живо откликнулся Феофил.

— А ты можешь? Ты ведь ещё слаб! — предупредила Саломея.

— Могу-могу! — ответил Феофил. — Могу и хочу рассказать!

— Смотри, не утруждай себя!

Но Феофил уже приготовился.

Приготовились и другие — они окружили Бунгло с обеих сторон, а Бунгло замедлил шаг и тоже наострил уши.

— Вот слушайте! — начал Феофил. — Как посоветовал Амон-Ра, Иаков привёл меня в портовый город Яфф. Там он нашёл торговое судно, которое отправлялось в Грецию. Иаков договорился с владельцем корабля, и тот согласился взять меня с собой.

Он оказался добрым и поставил условие: «Если будешь мне слугою на корабле, тогда не возьму с тебя денег». Я согласился.

Спустя несколько дней плавания корабль зашёл в портовый город Паф на острове Крит, куда он доставил груз и взял другой. Тем временем хозяин устроил в городе ряд деловых встреч, а я сопровождал его. И тут начались мои первые уроки искусства. В городе я увидел удивительной красоты огромный дворец-крепость, называемый Лабиринтом, с высокими колоннами и сводами, с парадными лестницами. Внутри Лабиринта был разбит так называемый священный сад с необычными растениями и деревьями. Меня удивило огромное количество прекрасных скульптур, больших и маленьких. Они украшали Лабиринт и внутри, и снаружи, стояли они и над ним. Глаза мои бегали, и я не знал, на что подольше смотреть. Вокруг Лабиринта кипела жизнь, шла торговля, а на главной площади, напротив Лабиринта стояла огромная статуя богини Афродиты...

Хозяин навел на одного своего знакомого скульптора. У меня опять глаза разбегались, столько было в его мастерской прекрасных творений. Хозяин заметил, с каким интересом я разглядывал скульптуры и чудные изделия.

— Из всего этого какая тебе больше всех нравится? — спросил он. И удивился, когда я показал ему на большую вазу, расписанную цветами и узорами, и имеющую необычные формы.

— Откуда у тебя такой вкус? — спросил хозяин.

Видно было, что ваза понравилась ему тоже.

Он купил её и велел доставить на корабль.

Когда я объяснил ему, что увлечён искусством и могу рисовать, и еду в Афины, чтобы совершенствовать свои умения, он решил испытать меня: купил в городе краски и холсты и предложил мне нарисовать море, берега, нарисовать его портрет. Пока корабль направлялся к берегам Греции, — а погода на море была спокойная, — я увлечённо рисовал морские пейзажи, восход и заход Солнца на море. Нарисовал и портрет хозяина. Ему все мои картины понравились.

Когда мы прибыли в Афины, владелец корабля сказал мне:

— Я уже не твой хозяин. И если ты хочешь учиться у мастера, то я знаю здесь одного известного художника и скульптора. Отведу тебя к нему, и пусть научит он тебя своему искусству!

Звали этого мастера Полиевкт.

Из большого уважения к владельцу корабля он взял меня в ученики.

Полиевкт был уже стар. Славился тем, что был последователем одноименного мастера, который жил много лет тому назад и создал величественную скульптуру философа Демосфена.

Год я проучился у Полиевкта.

Старый мастер проявил ко мне большое внимание и заботу, щедро одарил меня всеми своими знаниями. Иногда он поручал мне вместо него выполнить какой-то важный заказ. За год выучил я и греческий язык.

Афины стали для меня тоже большим уроком. На площадях, в храмах, перед дворцами я долго рассматривал огромные, великолепные скульптуры богов и богинь, философов и государственных деятелей.

Полиевкт рассказал мне о великом скульпторе прошлого Лисиппе, который создал очень большую статую Зевса; рассказал ещё о великом мастере Прасителе и его творениях «Гермес с младенцем Дионисом» и «Афродита Книдская», рассказал о статуе Венеры, которая находится на острове Милос.

Полиевкт взял меня с собой в Дельфы, куда его пригласил правитель города для создания нескольких скульптур, которые должны были украсить дворец. Я помог учителю в работе, изваял несколько скульптур и нарисовал несколько картин на стенах залов дворца.

Когда нужно было нарисовать или изваять образ мальчика, я вспоминал Амон-Ра и рисовал его. Мастер даже спросил меня: «Откуда ты берёшь это прекрасное лицо?» И тогда я рассказал ему об Амон-Ра.

Спустя год Полиевкт сказал мне:

— Или оставайся жить в Афинах, и тогда ты станешь моим наследником, ибо я уже очень стар и одинок, или уезжай в Рим, где сможешь дальше совершенствовать свои способности, ибо я дал тебе всё, что мог...

Нам было грустно расставаться.

Мой учитель посадил меня на корабль, отправлявшийся в Рим. Он дал мне письмо к своему другу — художнику Августу Ромулу. В нём он просил друга взять в ученики своего любимого ученика.

Август Ромул был художником при дворе императора Тиберия.

Вначале принял он меня настороженно и решил испытать мои способности. Дал холст, краски и сказал:

— Иди в город, выбирай, что рисовать, и рисуй!

Такая работа оказалась очень полезной для меня.

Я быстро изучил площади, улицы, дома, памятники Рима. Город этот прекрасный. Изучал я и римлян — простых и знатных. Рисовал разные виды города и портреты горожан.

Август Ромул, увидев мои картины, сказал:

— Да, в тебе есть что-то необычное... Я беру тебя в ученики!

После этого он держал меня всегда рядом с собой, показывал, как сам рисует. Рассказывал о великих мастерах Италии, давал кисть и велел рисовать вместе с ним на одном холсте. Бывало, он начнёт рисовать, а потом поручает мне завершить картину.

Так учил он меня и изваянию скульптур.

Август Ромул тоже полюбил меня, и когда он получил от Тиберия задание расписать стены залов императорского дворца, он взял меня с собой.

Мы рисовали на стенах сады с цветами и птицами, натюрморты, корабли в море, восход Солнца, портреты знатных людей.

Однажды он сказал мне:

— Ты уже художник. Видишь эту огромную стену, готовую для росписи? Рисуй, что хочешь!

Вначале я испугался такому доверию, но потом так увлёкся, что забыл обо всём другом. Учитель не проверял меня, он был очень занят — расписывал потолок огромного зала. Я спешил. Рука моя с нетерпением смешивала краски, ибо образы, которые я создавал, жили во мне и стремились отразиться на стене. Так я работал более четырёх месяцев. Спал у стены, а утром, как только светало, продолжал рисовать.

И знаете, что у меня получилось?

Получилась Пещера Господа.

Я нарисовал, как мы молились в Пещере Господа.

Нарисовал Амон-Ра, он светится.

Саломею. Она, подняв глаза вверх, как бы видит Бога и разговаривает с Ним.

Иорама. Опустив голову, он шепчет про себя молитву.

Илью. На протянутых руках он держит маленький храм, свой дар Господу.

Иакова. По его лицу потоком льются слёзы.

Нарисовал себя тоже, своё удивление и восхищение тому, свидетелем чего я стал.

Мы все молимся.

Наша молитва рождает небесный свет и освещает Пещеру Господа.

Все мы стоим на коленях перед образом Мессии. Я Его нарисовал высотой всей стены. Он в белом одеянии, с таким же лицом, как в Пещере Господа.

Вот такую нарисовал я картину, большую, на всю стену, длина которой была пятнадцать полных шагов, а высота — в четыре раза больше моего роста.

Когда я закончил рисовать, пришёл мой учитель Август Ромул.

Он взглянул на картину и опешил.

Долго смотрел на неё, не говоря мне ни слова. Я не мог понять, принимает он моё произведение, или велит перекрасить его. Я волновался.

Потом он посмотрел на меня и спросил:

— Ты можешь объяснить, что эта картина означает? Кто эти дети и чем они занимаются?

— Это молитва... Картину можно назвать так: «Молитва»! — сказал я.

— А кто молится?.. И кто их Бог?

И тогда я рассказал ему об Амон-Ра, о каждом из вас, об Иисусе Христе, о Пещерах Философа и о Пещере Господа.

Он внимательно слушал меня, не отводя глаз от картины.

Потом спросил почему-то шёпотом:

— Иисус Христос это тот, кого в Иудее звали Мессией, Сыном Бога? Которого недавно распяли на кресте?

Я от него узнал, что Иисуса Христа распяли, мне стало больно, и я заплакал.

— Да, это Он! — ответил я.

Он подождал, пока я успокоюсь, и заговорил опять шёпотом:

«Мальчик мой, — сказал он мне, — хорошо, что мы одни в этом зале и что никто другой твой рассказ не услышал. Ты создал великую картину, и если она останется на этой стене, то в будущем тебя назовут великим мастером. Ты отразил историю наших дней, которая переживёт тысячелетия... Ты превзошёл меня в мастерстве и мужестве, и я горжусь тобой... — он обнял меня. Долго молчал и смотрел на картину: — Но ты понимаешь, что натворил?.. Остаться тебе в Риме больше нельзя. Если только император Тиберий узнает об этой картине, о том, что на ней изображён Иисус Христос как Бог, он и тебя, и меня в живых не оставит!.. Сейчас же мы идём в порт. Как я знаю, отходит корабль в Египет, и я отправлю тебя на этом корабле... Там ты найдёшь, чему тебе нужно ещё поучиться... А я попытаюсь спасти этот шедевр и себя тоже...»

В глазах моего учителя блестели слёзы.

Мы сразу отправились в порт.

Он вручил меня капитану корабля, заплатил ему деньги за мою дорогу в Александрию, а мне сказал:

— Я полюбил тебя, мой мальчик... Ты пока ещё маленький для великого искусства, но оно само пришло к тебе, к таланту... Вот моё напутствие: будь верен самому себе, будь всегда таким же искренним, с какой искренностью рисовал ты великую «Молитву»... Оставайся таким, что бы ни случилось в твоей жизни.

Мы расстались друг с другом с болью в сердце.

В первую неделю корабль плыл с попутным ветром. Но беда пришла не от урагана и морских валов, а от пиратов. Когда кормчий обнаружил на горизонте неизвестный ему корабль, сразу догадался, что от него ничего хорошего ожидать нельзя. На нашем корабле было много купцов, они сопровождали свой товар. Корабль не был приспособлен для столкновения с пиратами. Капитан приказал развернуть его и грести во всю мощь, чтобы успеть укрыться в каком-нибудь порту от пиратов... В течение двух дней пиратское судно догоняло нас и, наконец, перекрыло нам путь. Морские разбойники быстро перебрались на наш корабль и всем нам приказали выстроиться на палубе. Они отобрали крепких и молодых, в том числе меня тоже. Остальных же, человек сорок, пересадили в маленькую лодку и приказали вернуться обратно, иначе грозились утопить их в море.

Часть пиратов осталась на своём корабле и отправилась искать другие жертвы. Часть же на захваченном корабле продолжила путь к берегам Египта.

Мы плыли недели две и, наконец, прибыли в город Александрию. Там морские разбойники превратились в торговцев, которые привезли разнообразный товар, в том числе рабов для продажи.

Нас продавали на рынке. Я достался одному богатому индусу, ценителю искусств. Ему был нужен слуга во время пребывания в Египте, где он изучал архитектуру и искусство этой страны. Мне даже повезло, ибо вместе с моим хозяином проехал почти половину Египта. Мы видели огромные сооружения, как высокие горы, которые называются пирамидами. Они построены много тысяч лет тому назад, и никто не знает, по какому таинству они построены. Внутри пирамид похоронены египетские фараоны, потому они носят их имена: пирамида фараона Джоссера, пирамида фараона Хеопса, пирамида фараона Микерина. Недалеко от пирамид стоит ещё одна удивительная загадка — Большой Сфинкс, тоже необъятных размеров, высеченный из камня.

Мой хозяин часами стоял перед этими чудесами и зарисовывал их, измерял, размышлял над чем-то. Он обрадовался, когда я сказал ему, что умею рисовать и могу помочь ему. Я сделал ему зарисовки многих памятников и изделий, чему он был очень рад. Так я изучил египетское искусство и удивился таинствам египетской культуры.

Хозяин собирался взять меня с собой в Индию, ибо видел, что я мог бы стать для него хорошим помощником в его научных поисках. А я всё мечтал о возвращении к вам, думал об Амон-Ра, о вас.

И вот что произошло дальше. Моего хозяина обокрали, и он остался без всяких средств для возвращения на родину. Он вынужден был продать всё, что

осталось. Он продал меня тоже работорговцу. Вы его знаете — Джамал.

Тот собирался перепродать меня в Риме, но сперва решил навестить своих знакомых в городе Антиохии. По пути через пустыню я заболел, но держался, пока без сознания не упал на песок.

Дальше ничего не помню. Точнее, я не знаю, что происходило с моим телом, но знаю, где обитала моя душа. И это было самое удивительное и замечательное путешествие.

Послушайте, что я вам расскажу.

Не могу сказать, как случилось, но неожиданно для себя я оказался в какой-то чудесной стране. Вначале меня переполнило чувство любви. Меня любили все: и птицы, и звери, и деревья, и цветы, и облака, и горы. Любили меня люди, которые то летели надо мною, то проходили мимо и улыбались мне. А я любил всё, что меня окружало, всех, кого я видел. Я переживал блаженство любви. Мне трудно найти слова, чтобы сказать более ясно, что это было.

Вдруг ко мне подлетели двое — прекрасная молодая женщина и такой же прекрасный молодой человек.

— Сынок, Феофил, ты не узнаешь меня? Я твоя мама! — сказала мне женщина.

— А я твой отец, — сказал мужчина.

И я почувствовал, как ласкают они меня своими мыслями, обнимают.

От радости я заплакал.

Потом вместе с ними я полетел. Они показали мне сверху красоту гор и полей. Видел я прекрасные дома среди цветов и фруктовых деревьев.

— А вот и наш дом! — сказал отец, и мы опустились в райский уголок, в котором свободно разгуливали звери и пели птицы. Они подбежали и подлетели к нам. Отца облизывал тигр, к маме подошёл олень и преклонил свои красивые рога. Птички стаей кружились над нами. Все животные и птицы смотрели на меня ласково и дарили любовь.

Родители рассказали мне, как живут в Том Мире души людей и чем они заняты.

Многие заботятся о земных людях, становятся для отдельных из них светлыми ангелами-хранителями. Я узнал, что моими ангелами-хранителями являются мои родители: они всюду сопровождают меня, помогают миновать опасности, вдохновляют меня на хорошие дела. Они были рядом, когда я рисовал во дворце императора Тиберия «Молитву» и радовались моим успехам.

Когда я спросил, как они построили такой прекрасный домик, родители объяснили, что всё прекрасное создаётся такой же прекрасной мыслью.

— Какая есть мысль, такое и будет творение, — сказал отец.

— Люди здесь помогают друг другу светлыми и добрыми мыслями. Они наполняют свои мысли любовью и красотой и дарят друг другу, или направляют их на создание красоты! — пояснила мама.

— Ты художник, и в тебе много любви. Не хочешь создать своей мыслью, скажем, какой-нибудь цветок? — предложил отец.

— Посади свой маленький цветочек прямо вот здесь! — мама показала мне место перед домом. — Ты вообрази цветок и пожелай, чтобы он вырос на этом месте, и сделай это с верою и любовью.

И, знаете, когда я вообразил цветок на том месте, спустя несколько мгновений я увидел, как из-под земли вырастает цветок, распускает веточки и листья, затем появляется бутончик и раскрывается, окружение заполняется чарующим ароматом.

Я обрадовался своему творению, нежно его поцеловал и сказал:

— Ты есть мой подарок маме!

Цветок наклонил веточки три раза, и я понял, что он был рад.

Пришло много гостей к моим родителям, они хотели повидаться со мной и подарить мне любовь. Я узнал, что в Том Мире любовь есть самый большой подарок. Улыбка каждого гостя наполнила мою душу силою Света.

Потом прилетел Сияющий Ангел, перед которым все преклонились.

— Следуй за мной! — сказал он мне ласково.

Мы оказались в величественном Храме с высокими сводами и колоннами.

— Смотри и запомни! — сказал он мне.

Я с восхищением смотрел, как прекрасно были расписаны стены Храма, помню сами картины. Видел изящные статуи в каждом углу, у алтаря. Слушал торжественную музыку, звуки лились прямо со стен Храма. Думаю, это звучали сами картины, нарисованные на стенах.

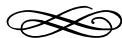
Светлый Ангел как бы исчез из моих глаз, и я только услышал его шёпот: «Вот твой путь! Это есть творение твоего духа на Небе, теперь нужно сотворить его на Земле».

Далее не помню, что было.

И когда открыл глаза и увидел Саломею и Иорама, не мог понять, где я нахожусь.

Спасибо, что вернули меня на Землю.

Из всех моих путешествий я извлёк урок: надо растить в себе мощь любви, чтобы принести её в дар всем и Здесь, и Там.

ГЛАВА 14

— Августа идёт... Августа идёт!.. — радостно зашумели дети.

Их было более двухсот. Они стояли на ступеньках парадной лестницы Дворца Света, откуда и вышла Августа со своей золотой арфой в руках.

Дети любили Августу. Она учила их петь песни и оживлять город своими песнопениями. А по утрам они выстраивались перед Дворцом и вместе с Августой восхваляли Восход Солнца, звали Солнце к восходу. Это стало традицией с тех пор, как был основан город Солнца.

Августа заняла место среди детей и приготовила арфу. Все воззрели к Востоку.

Солнце пока не спешит, оно ждёт голоса Августы, вплетённого в звонкие голоса детей, ждёт восхваления.

Августа коснулась струн, и зазвучал первый аккорд арфы.

Дети затаили дыхание.

Зазвучал второй аккорд и за ним последовал чарующий голос Августы, несущий с собой благоговение и торжественность.

Зазвучал третий аккорд, и в голос Августы вплелись голоса детей.

Над городом Солнца простирались слова, превращённые в песню:

*По велению Творца
Взойдёт с Востока Солнце,
Чтобы дать жизнь сущему
И утвердиться Истине.
По велению Творца
Взойдёт с Востока Солнце
Для управления днём
И для умножения добра.*

Слова эти летят ещё дальше — к горизонту и за горизонт, как гонцы, приглашающие Солнце к восходу. Солнце радуется гонцам, оно любит, когда восхваляют его. Но не спешит с восходом — пусть облетит песня весь мир, ибо оно встаёт не только для маленького нового города, который назван его именем, а для всего мира.

*По велению Творца
Взойдёт с Востока Солнце,
Чтобы люди различали,
Где есть Свет и где — тьма...*

Зову детей и Августы из города своего имени Солнце отзывается первым лучом, которым обласкивает и целует каждого. Мощь песни растёт, и потому умножаются лучи, их становится тысячи, сотни тысяч.

*По велению Творца
Восходит с Востока Солнце,
Чтобы научить людей
Миру и справедливости.*

А теперь уже на небе загорелось столько солнц, сколько и людей на Земле, для каждого своё. Дети и Августа торжествуют.

*По велению Творца
Восходит с Востока Солнце,
Чтобы сердце каждого
Научилось быть Солнцем.*

Дети радуются — солнце послушалось их зова, их песни, оно приняло их любовь.

Город Солнца ожил. Рабочие, мастера спешат строить и творить.

Августа обернулась к детям и, улыбнувшись всем, сказала:

— А теперь бегите к своим мастерам!

Дети разошлись с радостным шумом и песнями.

Это тоже стало нормой жизни города Солнца: каждый мастер воспитывал двоих–троих детей, обучая их своему искусству. После же полудня дети собирались во Дворце Света, где они занимались чтением и науками.

Отпустив детей, Августа отправилась на строительство Храма Христа.

С того дня, как приехал Апостол Симон Кананит, в духовной жизни жителей города Солнца изменилось многое. Люди полюбили доброго и мудрого ученика

Христа. Каждый вечер после работы собирались они на площади, где он рассказывал им о жизни Мессии, о Его Учении. Они всё больше и больше восполнялись верою к Новой Религии и принимали её заповеди. Симон Кананит учил их образу христианской жизни, учил любви и состраданию к ближнему. Помогал каждому понять, как прожить земную жизнь, чтобы завоевать жизнь в Царстве Небесном. Он ещё исцелял больных, калек. Всё это привело к тому, что люди изъявили желание принять от него крещение в христианскую веру. Симон Кананит крестил каждого желающего в реке Иордан, а Филипп помогал ему: подносил к крещёному Крест Христа, тот целовал его и крестился.

Так стал город Солнца общиной христиан.

Симон Кананит с чувством радости взирал на строительство Храма. Это был Первый Храм, который строился во имя Иисуса Христа. Апостол сам участвовал в строительстве как рабочий. Он ещё много времени уделял подготовке Иакова как настоятеля Храма Христа, а Филиппа — как его помощника.

В то время, когда на строительство пришла Августа, всё они втроём таскали тяжёлые камни. Симон Кананит обрадовался, увидев её.

— Мир тебе и благодать Господа нашего Иисуса Христа, дочь моя! — сказал он ей.

Августа поцеловала руку Апостола.

Подошёл Иаков, а Филипп стал чуть поодаль.

— Госпожа, — сказал Иаков, — через три месяца Храм будет завершён...

— С нетерпением жду того дня! — улыбнулась Августа.

— Но, дочь моя, у меня есть одно пожелание, — сказал Апостол.

— Какое?

— Храм получается прекрасным. Но он станет ещё более достойным и внушительным, если на стенах внутри нарисовать картины по историям из жизни Иисуса Христа, а в наиболее удобных местах поставить скульптуры, отражающие то же самое содержание. Прихожане могли бы изучать христианство и по произведениям искусства.

— Да, брат мой, ты прав! — сказала Августа. — Мысль твоя прекрасна... Значит, нам нужны художники и скульпторы.

— Эти художники и скульпторы должны быть высокими мастерами, — уточнил Апостол, — да ещё и глубоко верующими и знающими жизнь и Учение Иисуса Христа, знающими Библию.

Августа задумалась.

— Да, Апостол, но где найти таких мастеров? В городе Солнца я не знаю таких!

— Может быть, пригласить из Греции, из Рима... — сказал Иаков.

— Пригласить, конечно, можно, но будет ли он верующим в Христа и будет ли знать Библию? — засомневалась Августа.

Все это время Филипп стоял в сторонке и внимательно слушал, о чём говорили Апостол, Августа и Иаков. Вместе с тем он наблюдал за мальчиком, который свернул с дороги и приблизился к Храму. Он остановился недалеко от них и как бы тоже прислушивался к разговору. Потом он обошёл строящийся Храм, вошёл внутрь и,

выйдя через некоторое время оттуда, опять стал поблизости слушать разговор.

«Кто он? Я его не знаю... И почему он так внимательно слушает, о чём говорят Апостол и Августа?» — подумал Филипп. Он не стерпел, подошёл к незнакомому сверстнику и спросил тихо, чтобы не помешать разговору взрослых.

— Кто ты? Почему ты здесь?

Тот улыбнулся ему как давний друг.

— Ты обо мне знаешь... Ты ведь Филипп?.. Я Феофил.

— Феофил... О, да, о тебе мне говорил мой учитель Иорам. Он здесь находился долго и исцелил многих. Ушёл недавно, по направлению к Пещерам Философа. Он сказал, что ты художник, которого Амон-Ра отправил в Грецию, чтобы стать мастером... Так?

— Да, я Феофил...

— Тебя же воскресили...

— Да. Как-нибудь я расскажу тебе об этом... А эта красивая женщина — Августа?

— Да, она Августа, жена Юстиниана.

— А тот, конечно, Апостол Симон Кананит...

— Верно... Но ты пришёл, как я понимаю, не случайно.

— Это так! — подтвердил Феофил. — Этот Храм Христа я уже видел...

— Что?! Где ты мог его видеть? Во сне, что ли? — удивился Филипп.

— Нет, это было не во сне... Я знаю, каким он должен стать...

— Храм пока ещё перекрывают, а внутри штукатурят... Он будет закончен через три месяца.

— Однако этот Храм Христа в Мире Высшем уже построен... Мне задано быть его художником на Земле.

— Кем задано? — спросил Феофил.

— Послушай, ты знаешь, что такое камень-письмо?

— Знаю. А что, ты нашёл свой камень-письмо?

— Вот он! — Феофил из-за пазухи достал маленький, как ладонь, камень, плоский, белый, с изящными таинственными знаками на нём. — Амон-Ра сказал мне, что это и есть мой камень-письмо...

— А ты разгадал эти знаки? — Филипп смотрел на камень-письмо восхищённо.

— Да. Думаю, что да... Сейчас убедимся...

Феофил положил указательный палец на камень и, передвигая его от знака к знаку, проговаривал:

— «Но-ги тво-и при-ве-дут те-бя к Храму...» — он прервал чтение и пояснил: — Вот и привели меня ноги мои к Храму, я не искал дорогу, — и продолжил чтение, — «...и ты ук-ра-сишь его серд-цем тво-им и ду-шою твоею и ру-ка-ми тво-ими...» — он опять прервал чтение. — Я украшу этот Храм сердцем, душою и руками своими... — и опять продолжил, — «...и станешь сам Храмом Христа». Вот видишь, стану я Храмом Христа... Спасибо Тебе, Господи! — произнёс он мольбою, и на чудесные знаки упали слёзы радости Феофила.

И как будто от этих слёз вдруг загорелись все знаки фиолетовым огнём и тут же погасли. На камне не осталось и следа от таинственных знаков.

— Вот видишь, Филипп, я постиг суть моего камня-письма, потому знаки стёрлись огнём! — воскликнул Феофил и поцеловал камень.

Радостный крик привлёк внимание взрослых. Филипп подбежал к ним.

— Дядя Симон, — обратился он к Апостолу, — тот, кому предназначено украшение Храма Христа, тот великий мастер, здесь... Он пришёл... Вот он — Феофил...

Иаков только сейчас заметил Феофила и радостно улыбнулся. Иорам рассказал отцу о Феофиле всё, но он не говорил, что Феофил хочет украсить Храм Христа.

— Феофил, мальчик мой, как я рад, что ты с нами! — и он крепко его обнял.

— Брат мой, — сказал он Апостолу, — вот вам художник!

Апостол и Августа приняли мальчика ласково, но слова Иакова поняли не совсем.

— Госпожа, — обратился Иаков к Августе, — брат мой, — обернулся он к Апостолу, — два года тому назад по поручению Амон-Ра я отправил этого мальчика в Грецию, чтобы совершенствовать его дарования... А теперь, когда нам нужен художник, он вернулся...

— Я знаю, почему он вернулся! — с жаром произнёс Филипп, не стесняясь за вторжение в разговор взрослых.

— И что ты знаешь, сын мой, — спросил Апостол.

— Вот, смотрите... — и Филипп сам вынул из-за пазухи Феофила камень, висевший у того на шее. — Это его камень-письмо. На нём только что погасли знаки, которые велели ему украсить этот Храм...

Апостол с недоумением взглянул на Августу. Но Августа поняла, о чём говорит Филипп. Она нежно потрогала камень, на котором не было никаких знаков, и спросила у Феофила:

— Ты разгадал свой камень-письмо?

— Да, госпожа... Могу сказать, что там! — и Феофил, закрыв глаза, произнёс: — «Ноги твои приведут тебя к Храму и ты украсишь его сердцем твоим и душою своею и руками твоими и сам станешь Храмом Христа...» — он открыл глаза.

Апостол Симон Кананит не понял, о каком камне и о каких знаках идёт речь. Его волновало то, насколько маленькому мальчику можно доверять великое дело.

— Брат мой, — сказала Августа после того, как Феофил с благоговением произнёс святые слова своего камня-письма, — дело это предназначено только ему.

— Иаков, ты тоже веришь, что этот двенадцатилетний мальчик сможет расписать стены Храма?

— Верю, брат мой...

Апостол обратился к Феофилу:

— Сын мой, ты понимаешь, о чём идёт речь?

— Да, Апостол, понимаю...

— Тебе надо знать Библию, надо знать жизнь Иисуса Христа и Его Учение... Одного рисования не хватит.

— Да, Апостол... — и Феофил вдруг заговорил с такой верой, что Апостол был поражён. — Времени осталось мало, и начинаю рисовать с сегодняшнего дня!

— Да-да, пусть начнёт! — сказала Августа.

А Апостола Симона Кананита успокаивало только милое и вдохновенное лицо мальчика.

ГЛАВА 15

Три месяца прошли почти незаметно. Строители своим напряжённым и увлечённым трудом перепрыгнули через время. Через время перепрыгнул и Феофил.

И вот наступил день праздника, тот день, которым Илья намеревался измерять точность своих расчётов. Строительство Храма Христа было закончено и Апостол Симон Кананит сегодня благословит его, проведёт в нём службу и вознесёт молитву Господу. Только что Утренняя Звезда загорелась на небе, а Апостол поспешил к Храму.

Душа Апостола блаженствовала. Однако полная радость в душе его поселилась лишь со вчерашнего дня.

Станным оказался этот Феофил: объявил, что не будет показывать никому, что и как рисует, пока не закончит всю работу. «Даже Апостолу? Даже Августе и Юстиниану? Даже Иакову и Филиппу?» «Да, — сказал мальчик, — никому. Посмотрите, когда всё закончу!» Вот над чем он упорно стоял и добился своего. Его поддержала Августа. Раз он идёт от своего камня-письма, сказала она Апостолу, то нужно довериться.

Апостолу удалось взглянуть только на первую картину, которую Феофил нарисовал в день своего приезда. На другой день утром рано он пришёл в Храм в надежде, что сможет уговорить мальчика дать ему время от времени посмотреть на уже выполненную работу.

Феофил готовил краски, а двери Храма были открыты. Мальчик смутился, увидев Апостола. Но тот остановился у входа как вкопанный, увидев освещённой первыми лучами солнца первую картину. Да, Апостол сразу признал, что мальчик есть утонченный мастер великого искусства. Но его поразило содержание картины: «Рождество Иисуса». Откуда этот маленький мальчик мог знать о Вифлееме, где родился Иисус, о волхвах, которые пришли с далёкого Востока, чтобы преклониться пред только что родившимся Мессией, как мог он так точно изобразить облик родителей Иисуса — Марии и Иосифа, никогда не видя их?

Так он стоял некоторое время, переживая происходящее на картине. Потом, увидев, что Феофил оставил свои краски и ждёт чего-то, сказал:

— Сын мой, ты не хочешь, чтобы я иногда заглядывал в Храм?

— Нет, дядя Симон, — вежливо ответил Феофил, — я могу творить, только когда совсем один...

— Но ты не можешь знать всё? Я мог бы тебе подсказать!

— Я рисую только то, что вижу! — признался Феофил. — Мне нужно только твоё доверие, больше ничего!

И вдруг Апостол Симон Кананит вспомнил, что сказал им — ученикам своим — Иисус Христос перед тем, как отправить их в разные концы света, чтобы донести

людям Его Учение: «Святой Дух научит вас в тот час, что сказать».

«Может быть, мальчику тоже даётся от Святого Духа, что и как рисовать?» — подумал Апостол. И больше он не настаивал, чтобы Феофил впускал его в Храм и обсуждал с ним, что и как рисовать. Он ждал терпеливо, но не без внутренней тревоги.

Но вчера душа его восторжествовала.

Феофил сам пригласил его посмотреть, что получилось.

Он пришёл в Храм до восхода солнца.

Зашёл и огляделся вокруг.

Утренний свет, проникающий из верхних окон, равномерно освещал фрески.

У Апостола забилося сердце.

— Невероятно... — произнёс он шёпотом. — Слава Тебе, Господи!

Глаза его долго впитывали то одну, то другую, то третью картину. Каждый сюжет поражал его и правдивостью, и глубиной смысла, и исполнением.

Вот Христос исцеляет прокажённого. Апостол сам был свидетелем этого чуда. Всё было именно так: Христос протянул руки и произнёс: «Исцелись». Художник показал, как исцеляется прокажённый и как удивлены люди, ставшие свидетелями чуда. Среди них он видит и своё изумлённое лицо.

Вот Христос успокаивает бушующее море. В лодке находятся Его ученики. У всех испуганные глаза: ещё немного, и лодка опрокинется, все погибнут. Спасёт ли их Иисус, протянув руки к небу?

Здесь сюжеты из притч Иисуса Христа: о сеятеле, о добром Самаритянине, о пропавшей овце, о злых виноградарях, о званых и избранных, о десяти девах.

— Слава Тебе, Господи! — повторял Апостол.

Он с трудом отрывал глаза от одной картины, чтобы посмотреть на другую.

А что там, под куполом?

Долго стоял Апостол с поднятой вверх головой, рассматривая каждую деталь огромного рисунка о жизни в Царстве Небесном. Но потом какая-то сила отвлекла его и направила взор к западной стене.

— Слава Тебе, Господи! — изрёк он ещё раз, увидев огромную, во всю стену картину.

И что же он там увидел?

Христос стоит на горе, вокруг Него — Его ученики. Вот Матфей, братья Пётр и Андрей, Иоанн с братом Иаковом, Иуда Искариот, который потом продал Иисуса за тридцать сребреников, ещё Фома и Филипп... На склоне горы много народа. Симон Кананит наизусть помнит всё, о чём тогда говорил Иисус, ибо вот он на картине — сидит у ног Учителя. Он сегодня об этом расскажет всем, кто придёт в Храм...

Из верхнего окна восточной стены на лицо Иисуса Христа упал первый луч восходящего Солнца. Апостол вздрогнул, поражённый новым зрелищем: вся стена, — длиною почти сорок локтей, а высотой — двадцать четыре, — ожила, Иисус протягивает руки к людям, обращаясь ко всем в отдельности, и из уст Его в Его Храме и Его голосом звучат Его слова: «Милый мой человек, будь совершенен, как совершенен Отец твой Небесный!»

И, услышав голос Иисуса, Апостол Симон Кананит заплакал. Он опустился на колени и предался горячим молитвам...

Потом оглянулся.

Где великий мастер Феофил?

Надо его благословить, обнять, сказать слова восхищения и изумления.

Маленький мальчик, в котором заговорил Святой Дух!

Апостол, стоя на коленях, ищет его глазами... «Феофил, сынок... мальчик мой!» — шептал он. Но Феофила не было ни в том углу, ни в другом. Где же он может быть? И только он собрался позвать Феофила, как луч солнца остановил его, осветив ангельское лицо мастера: Феофил лежал на каменном полу у основания стены и крепко спал. В руках он держал кисть с ещё не просохшей краской.

Апостол, увидев мальчика, опять прослезился. Он подполз к нему на коленях и присел рядом с ним...

Вот таким было для Апостола Симона Кананита вчерашнее утро.

А сегодня Храм Христа улыбнётся миру.

Утренняя Звезда провожала Апостола до дверей Храма, где его ждал Феофил.

— Доброе утро, дядя Симон! — приветствовал он Апостола радостно.

— Храни тебя господь наш Иисус Христос, Божий мой мальчик! — Апостол обнял Феофила...

Они вошли в Храм. Вокруг горели свечи и освещали стены.

Апостол заметил, что чем чаще смотрел на фрески, тем больше нового открывал для себя.

— Кто эти дети, лица которых проглядывают вот там... там... Вчера как будто я не видел их на картине!

— Они — дети Христа! — ответил Феофил. — Вон там — Амон-Ра... Далее, вы их знаете, Иорам и Илья. Там ещё есть кое-кто, знакомый вам...

Апостол начал перебирать лица на картине: «Рядом с Амон-Ра — это Ра, помню его. За ними женщина?»

— Она Мара, мать Амон-Ра.

— Девочка с крестом — Саломея, хранительница Креста Христа, за ней старик — это ювелир Захарий, создатель Креста Христа... Узнаю Августу и Юстиниана... А другие, что за народ? Ты придумал их лица?

— Нет, народ на картине — это жители города Солнца: рабочие, мастера, женщины, мужчины, их дети... Многие узнают себя на картине... Это они придут сегодня в Храм Христа слушать Слово Иисуса Христа...

— А себя ты не нарисовал?

— Почему? Вот, видите мальчика...

— Который целует ноги Христа?

— Да, это я...

— Но лица твоего не видно!

— А разве того, чем занят мальчик, мало?

«Да, Феофил великий мастер, но он ещё и сам есть Храм Христа», — подумал Апостол.

— А вот того, что отдельно нарисован, узнаешь? — Феофил показал рукой на столб.

Апостол обрадовался.

— Конечно, узнаю, это Иаков, первый настоятель Храма Христа, а мальчик рядом с ним — это Филипп, первый дьякон Храма...

Апостол был доволен новыми открытиями.

В это время пришли Иаков и Филипп.

Апостол дал им последние наставления.

Тем временем перед Храмом собрался народ — жители нового города под названием «Солнце». Дети вместе с Августой запели свой гимн Солнцу.

*По велению Творца
Взойдёт с Востока Солнце...*

И когда действительно взошло солнце и дети с Августой допели последние слова, Апостол Симон Кананит в сопровождении Иакова, Филиппа и Феофила вышел к народу.

Люди ждали любимого Апостола.

Апостол держал в руках Крест Христа.

— Дети мои, — обратился он к собравшимся своим добрым и полным любви голосом. — Да благословит вас Господь наш Иисус Христос... У нас сегодня праздник, ибо в свои объятия примет нас этот чудесный Храм Христа, который вы строили своим сердцем, своей душой и своим напряжённым трудом... От имени Господа нашего Иисуса Христа, который призвал меня к апостольскому служению, благословляю этот Храм, благословляю духовное прозрение каждого из нас, благословляю устремление ваше к Царству Небесному... Войдите, дети мои, в Храм Христа, в это чудное убежище души!..

Народ заполнил Храм, хотя поместились там далеко не все, и с удивлением стал озираться вокруг.

Храм Христа сразу наполнился чувством благоговения.

Апостол читал молитву, народ вслед за ним повторял слова.

— Аминь! — произнесли люди хором, когда молитва закончилась, и перекрестились так же, как показал им Апостол.

Потом Апостол сообщил всем:

— Дети мои! От имени Господа нашего Иисуса Христа благословляю Иакова, раба Божьего, на служение епископом в Храме Христа, и пусть будет он настоятелем вашим и несёт вам Слово Божье. Отныне он для вас брат Иаков... От имени Господа нашего Иисуса Христа благословляю Филиппа, ангела Божьего, помощником Иакова, и пусть будет он вам брат Филипп... И пусть служат они Господу нашему Иисусу Христу верою и правдою своею...

Люди восприняли эту весть с удовлетворением.

Апостол передал Крест Христа епископу Иакову.

— Продолжай служение, брат мой! — сказал он и отошёл в сторону.

Иаков прочёл проповедь о любви к ближнему, рассказал, как спас его душу Иисус Христос. Люди расчувствовались.

Потом он позвал Филиппа и попросил объяснить собравшимся содержание картин на стенах. Рассказ его произвёл огромное впечатление на каждого. Одни выходили из Храма, чтобы дать войти другим, потому Феофилу пришлось несколько раз повторить свой рассказ.

Апостол Симон Кананит обратился к Иакову.

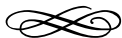
— Брат мой, ты можешь вести за собой людей... А мне пора вернуться к своим братьям Апостолам...

Иаков опечалился. Августа и Юстиниан, Филипп, Илья, Феофил тоже не хотели расставаться с мудрым и добрым Божьим Человеком. Но все понимали — так надо.

Они вышли на большую дорогу провожать его.

Обнялись, поцеловались, попрощались и прослезились.

Потом Апостол Симон Кананит пошёл твёрдым шагом и ни разу не оглянулся назад. Он нёс добрую весть Богородице Марии и своим братьям Апостолам.

ГЛАВА 16

Солнце было в зените, когда находящиеся под сильным впечатлением от услышанного и увиденного не спеша направились в город.

Пётр с Анной тоже собрались подняться на мост, но к ним подбежали сыновья — Александр и Михаил.

— Отец, — тихо сказал Михаил, давая знать, что дело серьёзное и тайное, — здесь есть двое, которые доносчики...

— Вы их знаете?

— Да, они пришли в город недавно, как будто для радости... Но они доносчики...

— Чьи доносчики?

— Мы этого не знаем. Но если позволишь, будем за ними следить.

— Вы можете показать их мне?

— Они стоят у того самого дерева, где камнями забили Амон-Ра.

Пётр посмотрел в ту сторону. Он тоже узнал их. Пришли они неделю назад и попросили работу, но отказались строить Храм, строить дороги, отказались работать и у ремесленников. Значит, подосланы?

— Хорошо, следите за ними, но так, чтобы они не догадались о слежке! — предупредил Пётр сыновей.

Те двое некоторое время стояли под деревом и что-то обсуждали. Потом тоже направились к мосту и вошли в город Солнца.

Мальчики, как бы дерясь и играя друг с другом, с шумом обогнали их, но Михаил натолкнулся на одного из них и извинился.

— Ничего, играйте... — сказал тот.

Но Михаил остановился и пристально посмотрел на них.

— А я вас знаю... — сказал он им шаловливо.

Те насторожились.

— Откуда ты нас знаешь?

— Я в городе всех знаю. А вы ведь недавно приехали?

— Верно... А ты не мог бы помочь нам, новичкам?

— Почему же, могу!.. Хотя здесь помогать никому не надо, столько работы, что всем хватит...

Так как один из них был лысым, а другой — длинноносый, мальчики их так и прозвали — Лысый и Длинноносый.

— Понимаешь, мы ищем не всякую, а особую работу! — сказал Лысый.

— Какую это, особую? Здесь всякая работа есть. Если вы мастера какого-либо дела, ювелирного, гончарного, кузнечного или другого, то у нас есть квартал мастеров. Можете там свою мастерскую создать. Хотите, провожу вас туда?

Они уже шли по улице города.

— Мальчик, сядем под деревом, вот здесь. И для начала ты расскажешь нам о городе Солнца! — попросил Лысый.

— Хорошо... Он мой брат и тоже может рассказать о нашем городе.

Они сели на траву под деревом.

Лысый и Длинноносый сперва огляделись вокруг, чтобы убедиться, что им никто мешать не будет, а потом начали поочерёдно задавать мальчикам вопросы.

— Скажите сперва, как вас зовут, кто ваши родители и чем они занимаются? — сказал Лысый.

— Я Михаил, мой брат — Александр. Мы учимся кузнечному делу у наших мастеров, учимся ещё в школе Августы...

— А родители?

— Зачем они вам? — отрезал Александр. — Поживёте у нас и узнаете их.

— Хорошо сказано! — согласился Длинноносый. — Но скажи нам, здесь живут только последователи Христа?

— Нет, живут и другие.

— Понимаете, мы не можем принять вашу религию, у нас есть Моисей, закон Моисея...

— Ну и что? Молитесь, как знаете. Можете построить вашу синагогу.

— А христиане не возмутятся? — как бы удивился Лысый.

— А зачем им возмущаться? Вы не читали законы города Солнца?

— Нет. А где их прочитать?

— Как где? На площади! — весело произнёс Михаил. — Они высечены на больших камнях. Разве вы не видели эти камни?

— К сожалению, нам об этом никто не говорил. Ты не мог бы сказать об этих законах? — попросил Лысый.

— Зачем? Вы же умеете читать?

— Да, — сказал Лысый.

— Тогда вот где площадь!.. Сами можете прочитать, так лучше будет! — пояснил Михаил.

— Ты прав, мы так и сделаем... А теперь скажи нам, если мы будем тут работать, то и наших мальчиков, жён мы тоже приведём сюда. Но насколько город защищён от врагов? Можем ли мы жить в безопасности? — опять спросил Лысый.

— А кто эти враги?

— Мало ли кто!

— А вы сами город защищать не будете? — спросил Александр.

— Понимаешь ли, мы не воины... Мы — купцы.

— Значит, вы трусы? — засмеялся Михаил.

— Может быть... Мы воевать не умеем... А что, город не имеет своих воинов? Не может защитить своих граждан? — обеспокоился Длинноносый.

— Видите, какая у нас крепостная стена вокруг города.

— Стена стеною, но мы не видим воинов, которые охраняют её и ведут постоянный дозор. Только два-три служителя у каждых ворот... Какая это охрана и защита? А у нас семья, дети! — жалобно произнёс Длинноносый.

— Нам и этого хватает... — сказал Михаил.

— Как? — удивился Длинноносый, — совсем без воинского отряда, без десятников и сотников...

— А что это такое — десятники и сотники? — наивно спросил Михаил.

— Они военачальники. У вас ведь тоже есть в городе главный военачальник?

— Нет у нас никаких военачальников...

— Мальчики, вы же умные ребята! Представьте, что напал на вас сильный враг. Надо же иметь хотя бы укрытие, чтобы спрятаться, пока враг не уйдёт!.. Надо же иметь склады, где хранится запас зерна, упрятаны клады, деньги?

— Зачем нам что-либо хранить! Видите, сколько построено прекрасных домов... В них живут люди... У вас тоже будет свой дом...

— Но враги могут ограбить всех, и жителей перебьют или возьмут в плен, продадут в рабство... Кстати, вас тоже они могут забрать, и что скажут тогда твои родители? — не успокаивался Лысый.

— Что ты все о врагах говоришь?.. Вы же необычную работу хотите?

— Если вы купцы, то, наверное, видели наши торговые ряды, наш музейный квартал. Можете купить у нас, что вам понравится, и продать в другом городе. А сюда привезти то, что нам нужно...

Лысому и Длинноносому надоел этот разговор. Они почти ничего важного для себя не узнали от мальчиков. Хотя отчасти убедились, что город Солнца не защищён.

— Спасибо, мальчики... Мы ещё подумаем...

— Значит, мы вам больше не нужны?

— Нет... Идите, играйте! — сказал Лысый.

И мальчики опять начали гнаться друг за другом, драться друг с другом, шуметь.

Вдруг Лысый снова подозвал их.

— Скажите, мы евреи, но вы кто, римляне? Откуда приехали ваши родители?

— Вам это очень нужно знать? — спросил Александр.

— Нет, но интересно...

— Здесь, в городе Солнца, живут люди, приехавшие из разных стран: и римляне, и греки, и армяне, и финикийцы, и, конечно, иудеи, и многие другие. Когда познакомитесь с нашим отцом, он вам скажет, откуда нас привёл... Кстати, а вы сами откуда приехали?

— Мы — палестинцы...

— Здесь много палестинцев... Вы пока не нашли своих знакомых?

— Нет...

— Значит, и они не узнали вас... Как это так получилось?

Лысому и Длинноносому тягостно стало общение с мальчиками.

— Ну, хорошо, мы погуляем, город посмотрим... Скажите, сколько человек живёт в городе?

— Не знаем. Но немного, город-то маленький! Зачем вам одним ходить, мы вас проводим и покажем, что нужно, познакомим, с кем хотите! — предложил Александр.

— Не надо, мы сами... — сразу же отказались Лысый и Длинноносый.

— Ну, как знаете... Только не забудьте почитать на камне наши законы! — посоветовал Михаил.

Длинноносый и Лысый пошли дальше.

Мальчики, как бы сидя на лошадях, то догоняли этих двоих, то отставали от них, то скрывались. Но постоянно следили, куда идут эти двое.

А Лысый и Длинноносый шли вдоль крепостной стены, время от времени останавливались и осматривали её, глазами мерили высоту. Проходя мимо ворот, затевали разговор с охранниками. Потом они оказались в музей-

ном квартале и заговорили с тремя мастерами кузнечного дела.

Мальчики нашли место для подслушивания.

Длинноносый и Лысый расспрашивали у кузнецов, как идут дела, как они живут, что мастерят, умеют ли делать сабли, ножны, наконечники для стрел и копий.

— Мы этих вещей не делаем! — ответил один из мастеров.

— Но кто же тогда делает оружие для ваших воинов? — удивился Лысый.

— Каких воинов? У нас их нет...

— А военачальник? Мы хотели бы повидаться с ним.

— Нет военачальника у нас...

— Есть же охрана, которая защищает врата?

— Ну и что?

— Вот мой друг хотел бы работать в страже и охранять врата!

Вдруг «прискакали» мальчики на своих «лошадках».

— Вот вы где! Нашли своих земляков? — воскликнул Михаил.

— Это ты о ком? — спросил мастер.

— О вас всех! — ответил Михаил. — И вы палестинцы, и они палестинцы... Вот и познакомил я вас!

— Вы — палестинцы? — удивились все мастера разом. — Почему мы не знаем вас? И говор у вас не палестинский!

— Мы в Палестине поселились недавно... Ищем работу...

— Чтобы стать охранником городских ворот, вам нужно обратиться к главе города Солнца! — сказал один из мастеров.

— Зачем им быть охранниками? Они купцы и ищут особую работу! Не могли бы вы им предоставить такую работу? — обратился Александр к кузнецам.

— Что за особая работа? У нас всякая работа особая... Лысый и Длинноносый растерялись. Эти мальчики уже злили их.

А Александр настаивал:

— Давайте отведём вас к главе города, это наш отец Иаков. Он найдёт вам особую работу!

Но те наотрез отказались идти к кому-либо.

— Мы устали, — сказали они, — отдохнём. А вечером, может быть, сами пойдём к главе города.

И они направились в домик, который был им отведён для проживания.

Мальчики и тут нашли возможность, как за ними наблюдать — они обнаружили щель на задней стене дома. И что они увидели? Эти двое что-то оживлённо обсуждали. Затем Длинноносый начал писать что-то под диктовку Лысого. Мальчикам несколько раз послышалось имя Герода Антипы. «Значит, сочиняют донос», — заключили они. После того как письмо было написано, Лысый и Длинноносый прилегли и заснули.

— Я прочту, что в письме, а ты сбегай и расскажи обо всем отцу...

— Видишь, они подсланы Антипой!

— А если они проснутся и схватят тебя?

— Что они со мной сделают? Скажу, что глава города приглашает их к себе. Тем временем ты тоже вернёшься!..

Михаил подошёл к открытым дверям. Те двое шумно храпели. Он на цыпочках вошёл в комнату и взглянул на

клочок бумаги, который лежал на табурете. Там было написано: «Нашему повелителю Героду Антипе сообщаем: город богат, много здесь ремесленников и мастеров. Люди в городе не вооружены и воинов нет. Каждые из четырёх ворот города охраняются лишь двумя–тремя стражами с копьями. В городе много красивых женщин. Августа и Юстиниан живут во дворце, который тоже не охраняется. Город полон последователями Христа, которого считают своим Богом. Ему сегодня храм открыли. Войска из ста легионеров под твоим мудрым руководством смогут без сражения завладеть городом. Один из нас остаётся здесь, чтобы помочь открыть врата изнутри. Ты говорил нам о Кресте Христа. Мы его видели, он хранится в Храме».

Михаил запомнил весь текст, вышел из команты и спрятался в прежнем месте.

Вскоре вернулся Александр.

— Пошли, отец ждёт нас! — шепнул он.

Пётр ждал сыновей в мастерской портного. Михаил рассказал ему о содержании тайного письма.

— Хорошо, — сказал отец, — вам уже не надо за ними следить. Идите, поиграйте с ребятами!

В тот вечер Лысый и Длинноносый больше в город не выходили. Но рано утром Длинноносый направился к восточным воротам.

— Иду, чтобы семью привести, вернусь через неделю! Мне нравится ваш город! — сказал он охранникам.

— А твой друг остаётся? — спросил один из охранников.

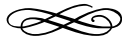
— Да... Он поручил мне и его семью привести...

— Ну, счастливого пути! — сказал охранник и открыл ему врата.

Длинноносый поспешил по дороге, как бы убегая и скрываясь от кого-то. И как только он оставил город далеко за собой, его догнала волна утреннего песнопения детей; она набросилась на него, как ураган, и чуть не подхватила его, как щепку.

*По велению Творца
Восходит с Востока Солнце...*

Звуки песни, которые вёл за собой серебристый голос Августы, простирались далеко-далеко, до горизонта и за горизонт, и звали Солнце. Длинноносый не знал, как от них укрыться. Потому он всё ускорял и ускорял шаг и, наконец, пустился рысью, как лошадь.

ГЛАВА 17

Хитроумные способы защиты города Солнца, которые придумал Илья, давали большую надежду и Юстианиану, и Иакову, и Петру. Тайну знали они трое, четвертым был сам Илья. Даже рабочие, которые были заняты строительством специальных сооружений и подземных проходов, или кузнецы, которые готовили разные детали, не знали, что всё это может означать. А своих верных воинов, их была всего сотня, Пётр готовил вдали от всяких любопытствующих глаз. Среди них он подбирал и охранников четырёх врат города Солнца. Таким образом, город имел свою защиту, но внешне это никак не проявлялось. Потому Лысый, оставшись один после ухода Длинноносого, ещё больше убедился, что город живёт наивной жизнью и совершенно беззащитен.

Глава города Иаков принял его вежливо, выслушал его желание работать в охране города («Я старый воин», — твердил ему Лысый) и назначил в отряд охранников ворот. Даже предложил выбрать, какие из четырёх ворот он хотел бы охранять. «Восточные ворота!» — сказал Лысый, полагая, что они наиболее удобные для его замыслов.

Находясь на службе, Лысый видел, что ему будет очень легко открыть ворота, чтобы пропустить через них Герода Антипу со своими легионерами. Он с нетерпением ждал этого дня.

Об этом дне хотели знать Юстиниан и Пётр, а разгадал его Илья.

Илья не открыл никому тайну о своей удивительной способности: приближать к своему внутреннему взору всё, даже Солнце, и, входя внутрь, по-иному, глубже всё ощущать и познавать. Он скрывал эту способность, потому что не хотел выглядеть необычным в глазах Иакова или Юстиниана. Он не чувствовал в себе свой особый дар, пользовался им только тогда, когда возникала необходимость, или же когда это происходило само собой, без его воли.

На этот раз он понимал, что надо уберечь город от нашествия злобы, и потому в последние дни всё чаще поднимался на башню крепостной стены и обращал свой взор в ту сторону, откуда ждали неприятеля.

И вдруг он «очутился» внутри казармы. Он не слышал приказы и крики сотника и нескольких десятников, но увидел, как легионеры, вооружённые саблями, кинжалами, копьями, луками и щитами, водрузились на лошадей и выстроились в боевой готовности. Он увидел ещё чегвертовластника, восседавшего на коне. Тот обратился к своим легионерам, что-то им объясняя. А потом возглавил поход. Илья понял, что Герод Антипа ведёт их для захвата города Солнца.

Он немедленно направился к Иакову.

— Я знаю, что Герод Антипа через два дня будет у стен нашего города с сотней легионеров! — сообщил он.

Иаков не стал его расспрашивать, откуда он об этом знает, поверил ему и повёл к Юстиниану.

— Господин, Бог посылает нам испытание!

Позвали Петра.

— Как будем действовать? — спросил у всех Юстиниан.

— Господин, все сооружения для защиты города готовы, готовы и воины. Думаю, что город ничуть не пострадает! — сказал Пётр.

Юстиниан отдал несколько распоряжений Петру, и они собрались расходиться, как Илье пришла в голову мысль, и он попросил выслушать его.

— Скажи, Илья! — Юстиниан очень ценил его советы.

— Думаю, на этот раз мы можем обойтись без наших защитных сооружений и пощадить неприятеля...

— Это как?! Мы и так щадим нападающих на нас! — удивился Пётр.

— А мы можем сделать так... — сказал Илья и объяснил всем, какая мысль пришла ему в голову.

Юстиниан, Пётр, Иаков были крайне удивлены простотой плана Ильи.

На следующий день в полночь охранники выпустили из города пожилого человека. Тот шёл по дороге до полудня, пока не увидел идущих навстречу легионеров во главе с Геродом Антипой, который, увидев путника, приказал войску остановиться.

— Кто ты? — властно спросил он.

— Я спешу навстречу к тебе, повелитель! — ответил тот.

— Зачем?

— У меня есть секретное сообщение для тебя!

— От кого? — спросил четвертовластник.

— От вашего человека, который остался в городе Солнца.

— Какое сообщение?

Путник достал из-за пазухи свиток и протянул Героду Антипе.

Он раскрыл его и прочёл.

В письме Лысый сообщал своему повелителю о том, что ему удалось подкупить четырёх охранников и этого человека. Охранники сегодня в полночь с четырёх сторон крепостной стены спустят лестницы, по которым легионеры за несколько минут окажутся внутри города. А повелителю он сам откроет восточные врата. Всё произойдёт бесшумно, не будет паники, и люди не проснутся. Повелитель сможет незамедлительно сменить стражу своими легионерами у каждого ворот, ночью же без шума арестовать Юстиниана в своём дворце; арестовать также главу города и завладеть Крестом, который хранится в Храме. А рано утром соберёт на площади всех жителей и объявит им свою волю.

План овладения городом в безлунную ночь безо всякого шума и потерь понравился четвертовластнику. «И город будет моим, и Августа будет моей, и этот на шумевший Крест тоже достанется мне», — думал он с наслаждением, предвкушая победу.

Он призвал к себе Длинноносого.

— Посмотри, — и протянул ему свиток, — может такое быть?

Длинноносый, не задумываясь, ответил:

— Да, мой повелитель... Я же говорю, город не защищён... Всё достанется вам — и город, и богатства, и женщины.

— Болван ты! — гневно прикрикнул на него Антипа. — Эй, ты! — обратился он к гонцу. — Кто нам покажет, где будут спущены лестницы? Ночь ведь безлунная!

— Верные вам люди, повелитель, и я...

— А откуда они знают, что мы в эту ночь уже будем там?

— Они не знают, они готовы, и я дам им знак!

— А что с конями будем делать?

— Мы уже приготовили огороженное место, оно недалеко от города и хорошо укрыто... Мне поручено позаботиться о лошадях... — ответил гонец.

Один из легионеров посадил его к себе, и четвертовластник приказал ехать.

Герод Антипа размышлял. «Ну, Юстиниан, куда ты теперь от меня денешься! А ты, Августа, приготовь свою арфу, чтобы усладить нового твоего хозяина. Вы же, так называемые христиане, прощайтесь с вашим Богом!»

Он злорадствовал. Совсем недавно получил он от римского императора Тиберия, известного своей жестокостью, указ об аресте Юстиниана и доставлении его в Рим. Это был ответ на донос четвертовластника, в котором он сообщал императору, что Юстиниан стал приверженцем лжемессии Христа и даже строит Храм в Его честь. Сообщал ещё, что Юстиниан забросил государственные дела и настраивает иудеев против Римской Империи. «Что же сделает император, заполучив Юстиниана? Он признает его предателем и казнит. А что достанется мне, верному полководцу императора? Пост Понтия Пилата, прокуратора Иудеи... Тот тоже потерял доверие императора!»

Находясь в таких приятных размышлениях, четвертовластник не заметил, что уже стемнело. Ближе к полуночи легионеры были уже недалеко от города Солнца.

Проводник остановил их.

— Повелитель, сейчас я дам знак твоим верным людям! — и он трижды свистнул.

Вдруг из темноты возникли четыре человека.

— Повелитель, разделите ваших воинов на четыре группы, мы незаметно отведём их к местам, где уже спущены лестницы. А вы сами езжайте к восточным воротам. Вот вам проводник! — тихо сказал Героду Антипе один из них и рядом с его лошадью поставил своего товарища.

Четвертовластник ещё раз остался доволен тем, как всё чётко было организовано.

Все слезли с лошадей, которых верные люди сразу куда-то увели.

Каждый из провожатых привёл свою группу из двадцати пяти легионеров к месту, где действительно уже были спущены лестницы.

— Поднимитесь по одному и по такой же лестнице спуститесь внутрь города. Там вас встретит свой человек... Не шумите! — шёпотом предупреждали они каждого.

Далее происходило следующее.

Легионера, оказавшегося внутри города, тут же принимали свои люди и говорили шёпотом:

— Идёмте с нами в укрытие! — и отводили его в какое-то помещение, где было совсем темно. Там другие люди его сразу же обезоруживали и отправляли в следующее помещение.

В течение каких-то двадцати минут все сто легионеров без лишнего шума были таким образом обезоружены и помещены в темницы.

После этого старший охранник восточных ворот приказал своим двум подчинённым, одним из которых был Лысый, открыть врата.

— Почему?! — удивился Лысый.

— Пришёл важный гость! Принимай его! — приказал старший.

Лысый не мог понять, о каком важном госте идёт речь. Он ждал, что его властелин прибудет сегодня, но не сейчас, в полночь, а к утру. И он готов был любым способом открыть ему врата, как только услышит сигнал от Длинноносого.

— Но кто же этот гость, который навещает нас в полночь? — проявил он свою «бдительность».

Но старший возмутился:

— Увидишь! Открывай!

Врата распахнулись.

В темноте Лысый не узнал гостя. Но любопытство заставило его подойти поближе к вошедшему в город, и он растерялся так, что чуть было не проглотил язык.

— Мой павли... мой повле... тель... — с изумлением пробормотал он.

Четвертовластник узнал своего доносчика.

— Молодец... Хорошо всё продумал! Я щедро тебя вознагражу!

Герод Антипа обратился к сотнику:

— Быстро собери всех легионеров и оцепи дворец!

Но старший охранник попросил всех пришедших спешиться.

— Это почему? — возмутился четвертовластник.

— Так надо, повелитель, чтобы в городе не было шума и топота коней. Людям нужно спать спокойно! — сказал охранник.

Они слезли с коней, которых тут же кто-то увёл.

Откуда-то рядом с охранником возникли люди. Они мигом разоружили пришедших, а заодно и Лысого. Четвертовластник не успел опомниться, как тот же охранник сказал ему:

— Ты хотел видеть Юстиниана? Сейчас мы отведём тебя к нему!

Герод Антипа наконец понял, что дела складываются очень плохо, что он пленник, и, по всей вероятности, его легионеры тоже взяты в плен. Он попытался пригрозить охраннику:

— Как ты смеешь, паршивец... Ты знаешь, кто я?.. Я...

Но тот спокойно и вежливо сказал:

— Ты — Герод Антипа, четвертовластник, и хотел завладеть нашим городом... Так отвести тебя к Юстиниану, или дождёшься восхода Солнца?

— Веди сейчас же к нему!.. Я покажу ему... я ему...

ГЛАВА 18

Охранники повели четвертовластника через город к южным вратам.

Под покровом тёмной ночи он не видел ничего. Заметил только, как перешли через мост и остановились перед каким-то зданием. Он понял, что это не дворец, где мог принять его Юстиниан, но это не было и темницей, куда могли бросить его.

У высоких дверей стоял мальчик, который пропустил четвертовластника внутрь и закрыл за ним дверь.

Внутри здания горело огромное количество свечей, освещающих всё вокруг. Четвертовластник закрыл глаза от боли, но потом привык к свету. Он оглянулся вокруг и, неожиданно для себя, замер. Он стоял один посреди огромного помещения и не мог понять, где находится.

Что это? Почему горит здесь так много свечей?

Он поднял глаза вверх, но вместо обычного для здания потолка его встретили открытое Небо со звёздами и Мир с чудесными образами жизни. Что это за Мир и откуда такое Небесное Царство?

Он оглянулся вокруг. На него смотрели лица, от которых веяло благородством. Кто они?

Всё нутро его всколыхнулось: закипела кровь, зазвенело сердце, взбунтовались чувства и закричал разум.

«Что это со мной происходит?!» — с изумлением пронеслось в нём. И он впервые обнаружил, что в нём есть некая сущность, и что это — его душа.

Он даже забыл, что имеет власть и стал пленником, что разгневан и при себе имеет грозный приказ римского императора.

Он оказался в плену своего духовного потрясения и смятения.

Какая-то сила повернула его в сторону огромной стены, и увидел он не саму стену, а Живого Человека, спускающегося с горы и приближающегося к нему.

«Герод, ты узнаешь Меня?» — спросил Он, ласково улыбаясь. В Его голосе не было и тени упрёка, а только тревожная радость.

«Это Ты, Иисус Христос?!» — с содроганием прошептал Герод. И хотя Тот ласково ему улыбался, четвертовластника охватил страх и ужас.

«Он Бог... Бог... Он Сын Бога!» — закричала в нём душа.

И что же сейчас будет? Ужас, страх!

Он — Тот, над Которым издевался четвертовластник и дал издеваться своим легионерам. «Покажи чудо, если Ты Сын Бога!» — приказывал Ему четвертовластник, а Тот не показал ему никакого чуда.

Думал ли он тогда, что Он никогда и никому не показывал чуда, как зрелища и увеселения. Он не чудеса творил, а помогал людям, исцелял и спасал их. Но четвертовласт-

ник разгневался на Него, ибо не доставил Он ему удовольствия. Четвертовластник только запомнил, как Он тогда сказал: «Я не от мира сего», — а он расхохотался.

Он мог освободить Его, отпустить на все четыре стороны, ибо даже его несправедливое и злобное сердце чувствовало в Нём праведного. Но не освободил, а направил осквернённого и униженного обратно прокуратору, и тот отдал Его книжникам и фарисеям, и озлобленной ими толпе на распятие.

В сердце четвертовластника запало также звучание Его голоса — спокойное, мирное, покорное, но с какой-то скрытой, таинственной властью. Голос Его превышал всякую силу власти всех приказов и гнева четвертовластника. И он позавидовал Ему.

И этот мирный, спокойный, ласковый голос услышал сейчас Герод из уст Человека, который сошёл с горы и приблизился к нему.

«Герод, ты узнаешь меня?»

Это есть голос тревожной радости отца, любимый сын которого вот-вот приходит в сознание после тяжёлой болезни, после умопомрачения: «Сынок, ты узнаешь меня, отца своего?»

С таким чувством сострадания, так ласково, с такой любовью к Героду не обращался ещё никто и никогда, но вот, оказывается, как жаждала его душа такой Спасительной Любви, такого Возрождающего Сострадания.

Страх и ужас, которые овладели четвертовластником, угасли.

«Покажи чудо!»

Только сейчас осознал он самое великое чудо, которое было сотворено Им на все века и для всего челове-

ства, и для всех властителей и четвертовластников, о нём ему рассказывали свидетели: находясь распятым на кресте, Он не призвал на помощь Отца Своего Небесного, а сказал: «Отче, прости, ибо не ведают, что творят!»

«Не ведал я тоже, что творил... не верил... Прости меня, Господи!» — кается душа Герода.

И слышит голос властный, полный спасительной Любви:

«Герод, прощены тебе грехи твои! Возродись!»

И Герод на миг переживает в себе состояние Светлого Ангела — это есть блаженство. Лишь бы не ушло оно от него, лишь бы не ушло! Он падает ниц.

«Спасибо Тебе, Господи... Спасибо Тебе, Господи!» — шепчет Герод.

«Герод, бери Слово Моё и следуй за Мной!» — слышит он опять тот же самый радостный голос. «Да, Господи... Спасибо Тебе, Господи!» — шепчет Герод с умилением.

Христос возвращается на вершину горы. Люди, окружающие Его, ликуют, целуют Ему ноги, дотрагиваются до Его платья. Потом разом утихают, затаив дыхание. С лица Иисуса Христа восходит Солнце. А с Небес звучит пение хора ангелов:

*По велению Творца
Восходит с Востока Солнце,
Чтобы дать жизнь Сущему
И утвердиться Истине...*

К пению хора ангелов присоединяются мысли и чувства людей, они как сгустки фиолетовых огней, чистые

и прекрасные. И Герод видит среди них свои крохотные фиолетовые огоньки: «Слава Тебе, Господи... Спасибо Тебе, Господи!»

Песня хора ангелов звучит в ритме биения сердец людей. Сердце Герода тоже ищет ровный ритм биения.

Иисус отверз уста Свои, смотрит с вершины горы на Герода и говорит для него.

«Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон пророка...»

«Да, Господи!» — с трепетом отзывается на Живые Слова душа Герода.

«Не судите, да судимы не будете...»

«Да, Господи!» — шепчет душа Герода, а из глаз льются слёзы раскаяния.

«Люби ближнего твоего, как себя самого...»

«Да, Господи!» — и к слезам раскаяния примешиваются слёзы надежды.

«И любите врагов ваших и благословляйте проклинающих вас...»

«Да, Господи!» — шепчет душа, а слёзы умножаются.

«Царство Небесное силою воли берётся. Победи себя... — Да, Господи!»

И слёзы выносят из сердца Герода Антипы, четвертовластника, тьму и льют её на каменную плиту, и она чернеет. От испарений излитой тьмы рождается рой мелкой саранчи, который осаждает четвертовластника и шипит властно: «Герод Антипа, очнись... Ты властелин, но попал в плен... Враг навис над твоей головой... И женщина, которую ты жаждешь отнять у врага, тоже здесь... Покажи им, как ты всемогущ... Не поддавайся соблазну...»

Душа борется с роем саранчи...

«Победи себя, — слышит она, — не тот полководец всемогущ, который завоёвывает полмира, а тот, который побеждает самого себя...»

Страдание и боль, радость и блаженство!

Душа четвертовластника ведёт самое жестокое сражение против саранчи. Будет ли подкрепление? Подоспеет ли оно?

Стоящий рядом с Христом Светлый Ангел спускается с горы, подходит к душе Герода и помогает ей убить дракона в себе.

«Твоя вера спасёт тебя, сын мой, а Я с тобой!» — говорит Он и душа Герода наполняется светом.

«Спасибо Тебе, Господи!.. Иду за Тобой, Господи!» — шепчет Герод.

Он спокоен, умиротворён.

Он поднимает голову и открывает глаза.

И видит: улыбается ему добрая душа и протягивает чашу.

— Выпей!

— Августы?! — прошептал Герод с изумлением.

Он берет из рук Августы чашу и выпивает глоток живой воды.

Вот и Юстиниан. А зачем он, враг, ему? Не враг, а ближний, вместе с Августой помогает встать.

Герод тоже улыбается им.

Впервые в жизни улыбнулся Герод, излучая чистую любовь. Улыбнулся Августе, Юстиниану. Человеку, который назвал себя Иаковом, улыбнулся самому себе.

— Это есть Храм Христа? — спросил он у них.

— Да, это Храм Христа! — ответил ему Иаков.

Герод видит, в руках у него Крест прекрасный: «Это есть Крест Христа?»

— Да, это Крест Христа! — сказал Иаков.

Герод Антипа задумался, опечалился.

— Как же так? — проговорил он как бы для самого себя. — Я ведь собирался разрушить этот Храм, завладеть этим Крестом, арестовать Юстиниана, похитить Августу, начальствовать над городом Солнца?!

— Грех можно искупить, если к нему больше не возвращаться, брат мой! — сказал Иаков.

— Я не хочу возвращаться к грехам своим! — решительно произнёс Герод, — Иаков, я принимаю веру в Иисуса Христа... Можно крестить меня в Храме Христа?

— Но тебе надо сперва знать Учение о Царстве Небесном, о заповедях...

— Я только что находился в Царстве Небесном... Только что слушал Слово Иисуса Христа... Крести меня, Иаков!

Тогда Иаков прочёл молитву и свершил таинство крещения.

Крещёный Герод поцеловал Крест Христа и перекрестился.

— Я начинаю другую жизнь, жизнь с верою в Иисуса Христа... — объявил он всем. — Я уезжаю в Афины...

— В Афины? — переспросила Августа. — Зачем в Афины?

— Не знаю, — искренне признался Герод, — с детства тянуло меня туда. Но жизнь при дворе императора и жажда власти затмили во мне детские устремления... Но теперь я могу вернуться к ним!

— Навести моего отца в Афинах и расскажи ему о нас и о себе! — попросила Августа.

— Четвертовластник... — обратился к Героду Юстиниан, но тот прервал его.

— Я уже не четвертовластник! — он снял с пояса кожаный свиток, подошёл к горящей свече и поднёс его к огню. На свитке Юстиниан узнал императорский знак. Но что в нём?

— Ты не догадываешься, что я сжигаю? — сказал Герод. — Это приказ императора Тиберия о твоём аресте. А донос на тебя я написал императору... Я сжигаю свой грех, Юстиниан... Могу ли я быть после этого четвертовластником?

Все смотрели, как огонь превращает в пепел власть и злобу.

«Теперь он уже сам продолжает своё крещение! — подумала Августа, видя лицо кающегося Герода. — Истинно, крещению нет конца, оно может иметь только начало, но далее человек должен крестить себя своей жизнью».

— Вот так... Я отрекаюсь от императора! — торжественно произнёс Герод, когда догорел свиток.

— Герод, — опять обратился к нему Юстиниан, — ты для нас стал самым желанным гостем... Мы радуемся, что Господь наш всё обернул так благополучно... Мы возвращаем тебе твоих легионеров с их лошадьми.

Герод прервал его:

— Я отпускаю их на волю... Я больше не властвую над ними!

— Тогда мы бы хотели показать тебе наш город Солнца! — сказала Августа.

Герод обрадовался.

Был уже полдень, когда они вышли из Храма.

Город привёл Герода в восторг. Его поразило всё: вид города, красивые дома, скалистые плиты с законами, скульптуры, озеро, музейный квартал, торговые ряды.

Граждане города всюду встречали их почтительно и приветливо.

Вдруг Герод увидел своих легионеров, которые группами ходили по улицам и с изумлением озирались вокруг.

— Пусть посмотрят город, а потом мы вернём им лошадей и оружие и отпустим с миром! — пояснил Героду Юстиниан.

Герод был польщён великодушием Юстиниана.

Легионеры, тоже заметив своего военачальника, собрались вокруг него. Они были растеряны и озадачены.

— Послушайте, что я вам скажу, — обратился к ним Герод, — мне пришло откровение Иисуса Христа, Сына Бога, и я уверовал в Него, я крещёный христианин... Я отрекаюсь от своей власти и покидаю Иудею. Я больше вам не военачальник. Сам стал свободным и вам тоже даю свободу!

Легионеры с удивлением переглянулись.

Они были ошарашены всем тем, что происходило с ними со вчерашней ночи. Их вели для того, чтобы убивать и грабить, но несколько охранников города в два счета разоружили всех и взяли в плен. Но с ними обращались вежливо. Утром накормили всех и выпустили свободно ходить по городу. А город очаровал всех. Теперь же их военачальника как бы подменили — он отрекается от власти и отпускает их на волю.

— Четвертовластник, куда же мы уйдём без тебя? — спросил сотник.

— Разве ты не понял, я уже не четвертовластник, а только Герод Антипа! — спокойно повторил Герод.

— Но как мы уедем без коней и оружия? — опять спросил сотник.

— Вы их получите! — объяснил Юстиниан.

— Но признавайтесь, — сказал всем Герод, — вам город Солнца понравился?

— Да! — хором произнесли легионеры.

— Среди вас есть такие, которым хотелось бы стать гражданами этого города?

— Да! — опять хором ответили многие.

— Юстиниан, как быть с ними?

— Мы примем их, если они признают наши три закона!

Многие не смогли скрыть своей радости.

— Мы принимаем законы, они справедливые!

Тогда Юстиниан предложил легионерам:

— Вот видите, восточные ворота открыты. Кто хочет покинуть город, может уйти с миром. Вам выдадут вашего коня и оружие. А кто останется — станет гражданином города Солнца!

К восточным воротам первым направился сотник; он вдруг размечтался получить от императора место четвертовластника. За ним последовал один десятник, который размечтался стать сотником. Пospешили ещё Лысый и Длинноносый, которые, уже не ожидая никаких наград от четвертовластника, побоялись, что из-за своего предательства они будут отвечать перед гражданами города Солнца...

Герод Антипа уехал в тот же день. До портового города Яффа его проводили Юстиниан и Иаков. Они ехали на конях два дня.

Перед тем как подняться на корабль, Герод заметил в толпе знакомое лицо.

— Откуда я его знаю? — сказал он сопровождающим, указывая на кого-то. Увидев его, Юстиниан и Иаков радостно воскликнули:

— Симон... Апостол Симон!..

Апостол Симон Кананит оглянулся и стал пробираться к ним.

Он обнял Юстиниана и Иакова. Потом обернулся к Героду.

— Слава Тебе, Господи Иисус Христос! — с умилением произнёс Герод. — Апостол, это не ты ли сказал мне в откровении: «Вера твоя спасёт тебя»?

— Да, брат мой, — улыбнулся добрый апостол, — я опора для твоей неокрепшей души... Мы с тобой будем трудиться в Афинах, а потом — в Иберии, а потом...

Но Герод прервал его:

— А потом мы построим город на острове Кипр! Так? Апостол рассмеялся.

— Да, брат мой, конечно, да...

Они вдвоём поднялись на корабль.

А Юстиниан и Иаков долго стояли у берега и добрыми мыслями провожали их до тех пор, пока корабль не скрылся за горизонтом.

ГЛАВА 19

О том, что существует какой-то Крест, который творит чудеса и выпрямляет даже горбатых, Большой Мальчик узнал от своих осведомителей — Паршивого и Негодяя. Они всё время бродяжничали по всей Иудее и собирали важные слухи для своего главаря. А в Иерусалиме на базаре они слышали сплетни: прокуратор Иудеи Понтий Пилат и Царь Иудеи Ирод Агриппа, тайно друг от друга, ищут чудотворный Крест, который создал какой-то ювелир. Того, кто достанет им этот Крест, ждёт большое вознаграждение.

А что, если завладеть этим Крестом?

Сначала он заставит сотворить для него несколько чудес, скажем, доставить прямо в его логово Саломею и подчинить Бунгло его воле. А потом продаст Крест царю или прокуратору, смотря какой из них заплатит больше.

Что нужно, чтобы завладеть Крестом?

Нужно сперва узнать, где находится Крест.

Он или у того ювелира, который сделал его, или у того, для кого он сделал Крест. Паршивый и Негодяй этого не знали. Но знал он: для Большого Мальчика в

мире существовал только один ювелир, безродный старик Захарий. Но надо было навести о нём справки.

Он послал Негодяя и Паршивого в Город узнать о ювелире и его Кресте. Те скоро вернулись и рассказали такое, что подлило масла на коварные намерения Большого Мальчика. Они сказали, что Крест этот совершил такое чудо, о котором говорят в Городе все. Он — Крест — больного и обессиленного старого пекаря сделал молодым, здоровым и таким сильным, что тот запросто забрасывает в воздух свои полные мешки с мукой и ловит их.

Большой Мальчик обрадовался: значит, он заставит чудотворный Крест сделать его самым сильным и крепким.

— А что сам ювелир? — спросил он.

— Говорят, он заперся в своей мастерской и делает ещё один чудотворный Крест. Ты понимаешь, этот сумасшедший старик уже год как из своей мастерской не выходит...

— Это хорошо! — сказал Большой Мальчик.

В голове его начал зреть план, но для его осуществления надо было дождаться, пока не наступит ночь...

...Ювелир действительно заперся в своей мастерской.

После возвращения от Богородицы Марии Саломея вместе с Феофилом и Бунгло поднялась в пещеры Философа. Через некоторое время Феофил решил посетить город Света и повидаться с Иаковом. Иорам поспешил отвести свою маму к отцу, он собирался тоже остаться там, чтобы исцелять людей и совершенствовать своё искусство, и вернуться через год. А Захарий вместе с Ра тут

же заточил себя в мастерской и приступил к сотворению сокровенной Иконы.

Вначале он мучительно размышлял, каким должно быть лицо Мессии на Иконе. Ра помог ему разрешить этот вопрос: «Отец, ты должен сохранить людям Его истинное лицо». Захарий согласился.

Но потом перед ним возникла другая трудность: а каким он Его видел? Длинные волнистые волосы, спускавшиеся до плеч, короткая борода, прямой нос, глубокие глаза, широкий лоб... Но в этом ли Его сущность? Захарий скорее чувствовал Его в себе, нежели видел. Он видел в Нём Сына Человеческого, а чувствовал Сына Бога. Но как это видение и чувство, которые не поддаются описанию, выразить на золотой пластине с помощью тысяч мельчайших драгоценных камней?

Бог послал ему Ра — он и на этот раз дал отцу простейший совет, после чего старый ювелир приступил к сотворению Иконы незамедлительно. Ра сказал ему: «Отец, ты видел и чувствовал Его не только глазами и сердцем, а всем своим существом... Его знают и твои золотые и мудрые руки. Доверься своей сущности и собственным рукам!»

И Захарий доверился им.

Он сразу отключился от остального мира, и в его мастерской опять приостановилось Время и воцарилась Вечность. Год работал он, ничего не помня. Он не видел также и то, как Ра, следя за движениями его рук, повторял те же самые движения, те же самые слова, что и отец. Год пролетел, как одно мгновение. Когда Захарий очнулся, он сам удивился, увидев перед собой высочайшее творение.

— Ра, сынок, что это со мной?

— Отец, — с восхищением произнёс Ра, — ты сотворил первую в мире Икону Мессии, да ещё чудотворную!

Но старый ювелир Захарий не переживал в себе никакой гордости за то, что он такой великий мастер. Его покинула мысль, что перед ним лежало творение его сущности и его золотых рук. Не о том думал он, какое неповторимое произведение искусства лежало перед ним и с какой гармонией были сложены камни на золотой пластине. Он сейчас ни о чём не думал. Он благоговеино взирал не на Икону, а на самого Иисуса Христа. Сын Бога излучал Свет и Благодать, а Сын Человеческий дарил всему миру, всему человечеству, всем тысячелетиям не грусть, не печаль, не боль и страдание, а Улыбку Веры, Надежды и Любви.

— Люблю Тебя, Иисус... Ты мне Сын и пришёл ко мне, чтобы утешить мою старость и моё одиночество... Ты мне Отец, и я пришёл к Тебе, чтобы Твоя Благодать не миновала душу мою... Люблю Тебя, моего Сына и моего Отца в Одним...

Так шептал Захарий долго.

Потом он наклонился и поцеловал, нет, не Икону, а самого Иисуса Христа, как бы упрасывая тем самым:

— Сын и Отец мой, дай мне понести ношу Твою!

Из глаз ювелира на Икону лились слёзы, в них были Вера, Надежда и Любовь мастера. Сквозь слезы он ещё улыбался в ответ Улыбке, которая лучилась с Иконы. Гармонично выстроенные драгоценные камни впитывали в себя и улыбку, и слёзы Захария, и приобретали чудотворную силу.

Потом он посмотрел на Ра.

— Спасибо тебе, сынок...

— За что, отец?

— За то, что ты пришёл ко мне и открыл меня! — сказал Захарий.

Он посмотрел на Икону, которая лежала перед Ра, она была точно такая же, как Икона, лежащая рядом. Захарий порадовался. Хотел похвалить сына, но тот опередил.

— Спасибо тебе, отец!

— За что, сынок? — удивился Захарий.

— За то, что учусь у тебя искусству чудотворения!

— Но моё искусство, сынок, стократно умножится в тебе! — улыбнулся Захарий.

Он открыл двери мастерской. Во внешнем мире были сумерки, и был какой-то день, месяц, год. Но какой? И сосед-пекарь не проходит мимо, чтобы спросить у него.

— Сынок, заверни Иконы в платок и отнеси их сейчас же в Пещеры Философа. Там им будет безопаснее! — Захарий вспомнил, что говорил Ра о силах тьмы, и хотя к нему не приходили догадки, что тьма готовит злое, тем не менее, сердце подсказало, что лучше принять меры предосторожности.

— Хорошо, отец! — сказал Ра.

— Поспеши, сынок... И не надо возвращаться ночью обратно. Саломея, наверное, одна с Бунгло. Поговори с ней... Да ещё узнай, какой сегодня день...

— Хорошо, отец!

Ра быстро скрылся в темноте улицы, а Захарий сел на своё обычное место перед мастерской и взглянул на звёздное небо.

«Чудо, — подумал он, — более высшего ювелирного творения, чем звёздное небо надо мной и чем муравей, который ползает по земле, не существует... Бог есть непостижимый Ювелир. — Мысли его начали витать то вокруг одной звезды, то вокруг другой. — Всюду красота, и всюду жизнь, и всюду у них есть Один Творец... Где сейчас Иисус Христос... в какой части неба... и чем Он там занят?.. Но Он ещё находится и рядом со мной, и во мне самом... и, если захочет, может показаться мне, может дать мне знак... Чудо... Слава Тебе, Иисус Христос... Ты пришёл на Землю вовремя, ибо люди теряют истинного Бога... Ты сообщил нам о Делах Отца нашего Небесного, которому Ты Сын, о Небесной Жизни, о Законах, которые Он устанавливает людям, о...»

И Захарий погрузился в сон...

...Проснулся он от страшного удара по лицу.

— Эй ты, старый хрыч, встань! — зашипел над ним кто-то.

Захария окружала целая банда.

— Встань! — зашипел тот же.

— Что вам нужно?.. Кто вы? — спросил Захарий, но в ответ его ударили ногой в бок.

Жуткая боль распространилась по всему телу.

«Вот они — силы тьмы... против Света... Они пришли ко мне», — подумал Захарий. Он с трудом привстал.

— Скажи, где твой Крест? — зашипел тот же и дёрнул Захария за бороду.

— У меня нет Креста! — ответил Захарий.

— Кому ты его отдал, скажи!..

И Захарий ответил резко и решительно:

— Не скажу!..

— Скажешь... — и опять сильный удар по лицу, опять страшная боль... — Обыщите дом! Найдите Крест! — приказал он рядом стоявшим.

Несколько разбойников ворвались в мастерскую, зажгли факел и начали обшаривать все уголки, все полочки. Крест они не нашли. Забрали мелкие кусочки золота и серебра, оставшиеся камни.

Главарь разозлился.

— Забираем его... Заставим заговорить... или заставим сделать другой такой же Крест... — снова зашипел он и отдал приказ. — Как только скроемся, подожгите эту глупую хижину!

Захарию связали руки и потащили за собой.

Он просил отпустить его, не сжигать мастерскую. Ему завязали рот, но он и не собирался кричать и звать на помощь. Только повторял про себя: «Тёмные против Света... Сатана против Христа... Вот они — силы тьмы...» Его заставили бежать, ибо банде надо было скрыться, пока спали люди и их никто не видел...

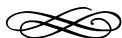
Спустя некоторое время в мастерской вспыхнул пожар. Вскоре огонь перешёл на соседний дом и разбудил жильцов. На их крик поднялся весь Город. Люди-то прибежали, но оказать помощь не могли, ибо неоткуда было брать столько воды, чтобы тушить пожар. Хорошо ещё, что не было ветра и пожар не перекинулся дальше.

Саломея и Ра в это время спали на площадке перед Пещерами, прислонившись к тёплой шерсти Бунгло. Каждый витал в своих сновидениях, когда медведь лапой дёрнул Ра. Тот сразу открыл глаза и увидел, как пылает огнём небо над Городом. Проснулась и Саломея.

— Горит квартал, где мастерская дяди Захария! — с тревогой закричала Саломея.

— Я бегу в город! — сказал Ра и мигом бросился вниз по тропинке.

Саломея тоже хотела быть с ним, но она являлась верной хранительницей Креста Христа, а теперь ещё и Икон Христа, и она не могла их оставить.

ГЛАВА 20

Солнце успело взойти, когда Ра прибежал к тому месту, где стояли мастерская и несколько соседних домов. Люди, собравшиеся вокруг сгоревших дотла зданий, с жаром и возмущением обсуждали, кто мог это сделать. Те, которые потеряли крышу над головой и не успели спасти свою скудную утварь, горько плакали.

Первым делом Ра убедился, что отец не сгорел в огне: он внимательно осмотрел каждую пядь маленькой хижины, где ювелир провёл всю свою жизнь и где то и дело воцарялась Вечность. В развалинах, в пепле, в дыму, в языках догорающего огня он не нашёл никаких следов сожжённого человека.

В людском гомоне Ра не смог уяснить, из-за чего возник пожар или кто мог поджечь дома. Люди не знали также, куда мог исчезнуть ювелир Захарий. Все только стонали, ахали, жалели и возмущались, но больше ничего сказать или сделать не могли.

Ра здесь делать было больше нечего: он понял, что ювелира похитили из-за Креста. Он вернулся в Пещеры

и рассказал всё Саломее. Услышав о том, что Захарий похищен, она разволновалась.

— Да, его похитили из-за Креста, — рассуждали дети, — они хотят выудить у него, где находится Крест... Или же попытаются заставить сделать другой такой Крест... Но дядя Захарий и тайну не выдаст, и Крест не сделает... Так что же тогда с ним будет?..

Чуть успокоившись, она попыталась увидеть внутренним взором, что происходит с Захарием. «Дядя Захарий, ищу тебя... Дядя Захарий, ищу тебя!» — произносила она мысленно и всматривалась куда-то вглубь внутреннего пространства. Но перед её взором кружились тёмные облака. Среди них проявлялись, как пробоины, маленькие скважины, через которые она улавливала некие образы и движения, но не могла узнать их. «Дядя Захарий, я ищу тебя!» — не переставала она мысленно повторять, стараясь рассеять тёмные облака и направляя на них свою светлую волю. Несколько раз ей удалось пробиться через тьму, и она проговорила вслух:

— Вот он, дядя Захарий... Ему связали руки, заткнули рот... Его волокут куда-то... какое-то ущелье... ущелье... их много...

Тёмные облака вновь одержали верх над волей Саломеи и заслонили всё. Она ещё боролась с силами тьмы в своём внутреннем пространстве, но увидеть ещё что-либо ей не удалось.

Ра попытался сделать выводы из того, что услышал от Саломеи: Захарий похищен из-за Креста; он сейчас в руках разбойников, и их много; они находятся в каком-то ущелье. Где это ущелье может находиться, и как далеко они могли уйти?

Бунгло внимательно прислушивался, что говорила Саломея и к какому заключению пришёл Ра. И пока мальчик обдумывал, как действовать, медведь поднялся.

— Оооммм! — замычал он.

— Бунгло, в чём дело? — встревожилась Саломея.

Бунгло взглянул ей в глаза.

— Он уходит, — сказала Саломея, — и велит тебе не оставлять меня!

— Куда он уходит? — удивился Ра.

— Видимо, искать Захария... — сказала Саломея, а Бунгло уже шёл по тропинке вниз.

Но ему не нужна была тропинка. Он доверился своему чувству и своим ногам и протаптывал новую тропинку. Бунгло спешил. Хотя его уверенная устремлённость время от времени прерывалась: как будто какая-то сила опускала перед его глазами тёмную пелену, и ему трудно было видеть что-либо впереди.

Наконец он вышел на большую дорогу. Трое всадников на ослах ехали по своим делам и что-то между собой обсуждали. Увидев огромного медведя, они в ужасе спрыгнули со своих ослов и стремглав бросились прочь от дороги. Бунгло не обратил на них внимания, хотя приостановился и обнюхал дорогу и воздух.

«Их было много, должно быть, оставили след», — подумал он и медленно зашагал вдоль дороги, постоянно улавливая запах в воздухе.

Да, вот и запах, запах отвратительный, вонючий запах злобы.

Ему стало трудно дышать.

После той эманации духовности и света, к которой Бунгло привык в окружении Амон-Ра, Саломеи, Иорама,

Ильи, Феофила, Ра и всех остальных жильцов Пещер Философа, этот запах злобы душил его. Но ему нужно было идти именно по нему.

В потоке злобных испарений Бунгло показалось, что есть ещё более отравляющая струя, хорошо ему знакомая, и, вдыхая её, ему становилось плохо. Но спасали его крохотные сгустки света, тоже ему хорошо знакомые. Последние принадлежали доброму Захарию, а отравляющую струю он запомнил: она шла от Большого Мальчика, когда Бунгло держал его весь день на своих коленях перед Пещерами, пока не появились Амон-Ра и Иорам. И тогда испарения Большого Мальчика были ему противны, но теперь для самого большого медведя в мире они стали отравляющими.

Бунгло было трудно, но он всё убыстрял шаг.

Надо успеть спасти Захария, творца Креста Христа. Он есть ещё творец Иконы Христа, которой любовался Бунгло вчера вечером, когда в Пещеры поднялся Ра.

Ра... Ра... Бунгло всё хотел задуматься над Ра, ибо чувствовал в нём необычную светлую силу, однако не мог понять, что это за Ниоткуда и как он оттуда появился. Но в силу многих забот он не нашёл на это времени, а сейчас тем более не время думать о Ра...

В потоке злобных испарений он уловил крохотный сгусток эманации Захария, наполнился силами и сделал длинный прыжок по следу. На этот раз он свернул с дороги и вошёл в лес.

«Быстрее, быстрее!» — торопил его внутренний голос, но испарения злобы высасывали силы.

Бунгло с шумом продвигался вперёд, что, видимо, вызвало возмущение лисицы. Она мигом выскочила из своей норы в намерении наказать нарушившего её днев-

ное спокойствие, но, увидев огромного медведя, застыла на месте.

— Подойди ко мне ближе, помоги! — попросил её Бунгло.

Она не поняла, как и чем могла бы помочь медведю, но из-за чувства глубокого почтения ко всем медведям, которыми полон животный мир, она покорно подошла к нему. А что Бунгло нужно было от нее? Он знал, что лисица — добрая натура, она никому зла не причинит, живёт, как указал ей Бог, и не нарушает Божьего закона. Её близость даст ему глотки живительной доброты.

— Шагай рядом со мной, сестрица! — попросил он лисицу, и та подчинилась.

Однако скоро она искренне призналась:

— Не могу больше... Силы иссякают! — и легла на землю.

— Спасибо! — сказал ей Бунгло и побежал дальше, вдыхая следы злобы, чтобы не потерять их.

Снова удушье. У Бунгло то и дело темнеет в глазах. Он чуть было лоб в лоб не столкнулся с медведицей, которая шла навстречу ему тоже через заросли и вела за собой медвежат.

— Помоги, сестрица! — попросил Бунгло.

Она с недоумением взглянула на огромного самца, который просил её помощи. Но Бунгло нуждался в сопровождении её эманаций.

Медведица испускает чистую силу добродушия. Иначе она не может. Весь род медведей не знает, что такое злоба, не может мыслить злобно. Медведь тоже как лисица: живёт по начертанию Бога, не нападай на него, и он не нападет на тебя, не отнимай что-либо, и сам не отни-

мет у тебя ничего. Назвал же его Бог «Мёд ведающим», значит, так и быть: пчелы готовят мёд, чтобы медведь наслаждался им. Вот и ест он мёд, растит своих медвежат и сторожит лес. Медведь свершает Богоугодное дело, и потому его эманации чистые.

— Ходи рядом со мной со своими медвежатами, сколько можешь, сестрица!

И они шли дольше и быстрее, чем с лисицей, и Бунгло было легко. Он потом сам заметил, что медведице становится труднее, и сказал:

— Спасибо тебе, сестрица!

«Скорее, скорее!» — звучало в сердце Бунгло.

Он напрягает последние усилия, но и тьма сгущается.

Вот и ущелье. Там шум, гам, хохот. Оттуда повеял сильный поток вонючей и отравляющей злобы. Бунгло нужен только один мощный прыжок, и он окажется в гуще этой злобы... Но огромный медведь перед последним прыжком упал без сознания...

...Разбойничья шайка добралась до своего логова сразу после восхода Солнца. Большой Мальчик считал окрестности ущелья своими владениями, а прилегающие к нему пещеры — своими дворцами. Здесь веселился он со своими друзьями, здесь строил свои тёмные планы, здесь же, в одной из пещер, хранил он всё награбленное. Каждый вечер, перед сном, брал он зажжённый факел и заходил в пещеру полюбоваться своим состоянием. Но что означало для него это состояние? Останавливался, бывало, около какого-нибудь сундука, доставал ту или другую драгоценную вещь, но любовался не красотой самой вещи, а связанными с ней воспоминаниями. А какое могло быть воспоминание, если брал он в руки, скажем, женское оже-

релье из алмазов? Перед ним всплывала картина, как он со своими бандитами ворвался во дворец богатого купца, когда там была свадьба — купец выдавал замуж свою дочь. «Всем руки за голову!» — закричал он, и его разбойники набросились и на хозяев, и на гостей, и ограбили, обчистили каждого. А сам он набросился на невесту, упавшую в обморок от его вида, сорвал с шеи алмазное ожерелье, содрал с ушей тоже алмазные серьги, обчистил и обругал ошеломлённого и беспомощного жениха и, покидая дворец, приказал поджечь его. Потом он и его бандиты, найдя возвышенное место, смотрели, как горело здание, и слушали, с каким ужасными криками люди спасались от огня.

Вещей, с которыми были связаны подобные воспоминания, было очень много. Несколько десятков сундуков были переполнены разными драгоценностями, и он ублажал свои низменные чувства весьма разнообразными воспоминаниями, но в каждом случае они были связаны с жестокими и кровавыми похождениями.

Сегодня настал черед сложить новые воспоминания.

Большой Мальчик приказал привязать «полоумного старикашку» к дереву, а рядом зажёт костёр. Сам взял длинную палку и сунул её конец в огонь. Его окружила вся банда.

— Вот что, старикашка, — обратился он к ювелиру, — давай, говори, где ты спрятал или кому отдал этот самый Крест!

Захарий молчал. Только повторял про себя: «Тьма против Света... Вот силы тьмы, я — сила Света».

Большой Мальчик достал из огня палку и зажжённый конец поднёс к бороде старика. Борода воспламенилась и обожгла его подбородок. В воздухе запахло палёным.

— Ты знаешь, кто забил камнями твоего любимчика Амон-Ра? — А ну-ка, разбойники, скажите ему, чтобы он понял!

— Мы-ы-ы-ы... — ущелье отозвалось могучим эхом.

— Если не скажешь, где Крест, то притащим сюда глупую девчонку, что Саломеей зовётся, и повесим вверх ногами перед тобой на дереве... Ты же любишь её? Скажите, разбойники, чтобы услышал этот глупый старикашка, что мы сделаем с глупой девчонкой?

— Повесим вверх ногами-и-и-и-и...

Эхо гудело, а Захарий молчал, но твердил про себя: «Я есть сила Света... Я — сила Света...»

Большой Мальчик поднёс палку с огнём к носу Захария.

— Ну как, нравится?

В воздухе ещё сильнее запахло палёным.

Захарий закрыл глаза. Он молчал, ибо был силою Света.

— Давай повесим его вверх ногами, иначе он не поймёт, что мы по-доброму его просим выдать нам Крест! — предложила девочка-бандитка.

— Ты права! Вешайте...

Несколько минут спустя старый ювелир висел на дереве вверх ногами.

— Вот так будет висеть твоя Саломея, понял... Крутите его веретеном... А теперь качайте, как качели, ему понравится...

Разбойники издевались, веселились, хохотали, орали. Ущелье гудело.

— Остановитесь! — приказал Большой Мальчик.

Он подошёл близко к Захарию и заглянул в глаза человека, висевшего вниз головой.

— Знаешь, я могу выколоть тебе глаза... отсечь руки... Какой ты будешь тогда ювелир?.. По-доброму тебе говорю: скажи, где Крест?

Захарий молчал.

— Давай так сделаем: мы тебя развяжем. Посадим в укромное местечко, где много золота и драгоценностей, дадим твои инструменты, которые мы захватили с собой, а ты сделай нам точно такой же Крест, но пусть будет он в два раза больше. Хорошо?

Большому Мальчику показалось, что «старикашка» заморгал в знак согласия.

— Снимите его! — приказал он.

Но когда ювелира потащили в пещеру с драгоценностями, он слабым, но гневным голосом зашептал:

— Не скажу, где Крест!.. И новый Крест не сделаю!

— Что-о-о-о?! — заорал Большой Мальчик. — Уложите его на костёр!

Захария сразу потянули за руки и ноги и спиной уложили на пылающий огонь.

«Я — сила Света... Я — воин Света!» — повторял про себя Захарий.

А разбойники хохотали, орали, плевали в него...

...Медведица отдышалась, набралась сил и поспешила за большим медведем. За ней поплелись медвежата. Она нашла Бунгло лежащим без сознания.

— Брат мой, очнись, бери мои силы... Брат мой. Очнись... — шептала она и трясла его. А медвежата лезли на него. Облизывали ему морду, лапы.

Бунгло открыл глаза. Ещё мгновение, и вернулась ясность сознания. Значит, ему остаётся сделать ещё один прыжок. Он поднялся и посмотрел вниз: добрый Заха-

*Вмещу в сердце боль мира,
Расколю сердце, как чрево Земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце — Щит Мира.
Начерчу на нем знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

Все Пещеры Философа мощным эхом отзывались на каждое слово песни. Саломея перестала плакать, она с удивлением глядела на поющего Ра. Иораму тоже стало не по себе от мощнейшего гудения Пещер и от силы самой песни. Звуки песни лились прямо с неба, и всё земное пространство отзывалось на них. Бунгло выпрямилось и воззрел к небу — так он выразил своё благоговение. На страдальческом лице старого ювелира отразилось умиротворение.

— Мы похороним его в Пещере Господа, у ног Христа! — сказала Саломея.

Иорам и Ра вырыли могилу, опустили в неё тело Захария и засыпали землёй.

Потом они молились до утра.

Они просили Иисуса Христа принять и возвысить душу Захария.

Они посылали доброму человеку любовь, следы которой оставались на могиле.

К утру в Пещере загорелись фиолетовые огни. Молящие порадовались: значит, их молитва была услышана, и светлая душа Захария вознеслась в Царствие Небесное.

Они поцеловали Крест Христа, который до этого лежал на могиле его создателя, и положили его на алтарь.

Утренние лучи Солнца осторожно заглянули в Пещеры Господа.

Ра и Иорам только сейчас оглянулись вокруг. У обоих вырвалось искреннее удовольствие и восхищение.

Ра был в Пещерах впервые. Когда он поднялся сюда с Иконами, было уже темно. Вчера же они с Саломеей весь день тревожились и ждали возвращения Бунгло. А сейчас нежный солнечный лучик помогал всем увидеть удивительную роспись на стенах и под куполом Пещеры Господа.

— Все это сделал Феофил? — спросил Иорам Саломею.

— Да, — сказала она, — вначале он хотел сразу направиться к Иакову, но потом решил попробовать свои способности в украшении Пещеры. И вот какое получилось чудо!

— Как же он успел сделать всё это всего за несколько дней? — удивился Ра.

— Почему за несколько дней? Он работал почти восемь месяцев! — сказала Саломея.

Ра был озабочен.

— Скажи мне, какой сейчас день, месяц? Когда отец отправил меня с Иконами в Пещеры, он просил узнать об этом... Мы потеряли чувство времени!

— Как и в прошлый раз? — спросила Саломея.

— Да, наверное, так... Когда отец Захарий создавал Крест Христа, время тогда ушло из мастерской. Думаю, сейчас произошло то же самое!

— Тогда слушай, — сказала Саломея, улыбаясь, — вчера исполнился ровно год, как вы не выглядывали из мастерской! — а потом она обернулась к Иораму. — А се-

годня тоже исполняется ровно год, как тебя не было в Пещерах!

Иорам-то счёт времени вёл точно, но Ра был очень удивлён.

Но ещё более удивительным было то, что они видели вокруг себя.

На стенах Пещеры были нарисованы картины из библейской истории и из жизни Иисуса Христа. Среди них много было картин, на которых были изображены знакомые лица.

Вот Саломея — Иисус благословляет её.

Вот Илья — он держит в руках раскрытые свитки, на которых начертаны проекты дворца и Храма, а за ним стоит Иаков — он держит в руках уже построенные город Солнца и Храм Христа.

Это Иорам — он сидит на корточках и исцеляет больного.

Здесь творится чудо — Крест Христа воскрешает Феофила.

Здесь происходит крещение Джамала и его рабов в реке Иордан.

На самом видном месте, вокруг картины Иисуса Христа, которую когда-то нарисовал Андрей, Феофил изобразил самые важнейшие события. С правой стороны он нарисовал Андрея и Амон-Ра — они стоят на коленях и молятся, над ними горит фиолетовый огонь, в котором вырисовывается облик Христа.

— Это есть явление Иисуса Христа Андрею и Амон-Ра в Пещерах Господа! — поясняет Саломея.

С левой же стороны нарисована Богородица Мария — Она благословляет Саломею в Хранительни-

цы Креста Христа, который берет из рук ювелира Захария.

Под куполом Пещеры изображена необычная жизнь в Царствии Небесном.

Саломея дала возможность мальчикам удивляться и радоваться жизни, которая кипела на стенах и под куполом Пещеры Господа и наполняла их духовным счастьем. Потом она достала свёртки с Иконами. Они так и лежали нераскрытыми с позавчерашнего вечера, когда Ра доставил их в Пещеры.

— Ра, может быть, развернёшь свёртки и покажешь Иконы?

— Да, — сказал он и добавил: — видимо, отец почувствовал, что могло произойти... Иконы спасены от грабителей!

Ра осторожно вынул Иконы и положил их на алтарь рядом с Крестом.

Нежный солнечный лучик не спешил переместиться с алтаря, он тоже с нетерпением ждал, чтобы увидеть Первую Икону Иисуса Христа. И как только Ра убрал платки с Иконы, лучик тут же пристроился на Ней, созданной ювелиром Захарием.

Что может почувствовать человек, оказавшись перед совершенной красотой духа, которая превосходит все его усилия восторгаться, восхищаться, удивляться? Человек немеет перед таким совершенством, трепещет, сам растворяется в нём, он блаженствует. Блаженство духа и есть вхождение человека в бессмертие, вечность, беспредельность.

Живой Иисус Христос смотрел на Саломею, Иорама, Ра и как бы улыбался им ласково и грустно. Весь Его об-

лик излучал Любовь непостижимую, непознанную, всемогущую. Любовь эта шла к ним не от земного Иисуса, а от Небесного Христа.

Они смотрели на облик Мессии молитвенно, и в это время произошло высшее таинство, которое они не узрели и не осознали: каждый из них — и Саломея, и Иорам, и Ра — восполнился Духом Святым. Но каждый услышал внутри себя голос: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Они переглянулись, как бы спрашивая друг у друга: «Ты тоже слышал?»

Ра взял Икону, которую сотворил сам, воспринимая каждое неуловимое движение рук и пальцев отца, и завернул в платок.

— Эту Икону мы отправим в Храм Христа, куда мы уже отправили Крест Христа. Сотворённая же отцом Икона Иисуса Христа останется в Пещере Господа! — сказал он.

Солнце поднялось выше над Пещерами Философа, но нежный солнечный лучик светил на Икону по-прежнему. Он попросил мать-Солнце оставить его с Иконой на вечные времена.

«Я люблю её!» — сказал он маме-Солнцу.

«Но тебя ожидает сложная жизнь, ибо ты станешь неразлучным с судьбой Иконы!» — предупредила его мама-Солнце.

«Выдержу!» — решительно ответил ей лучик.

«Тебя ждут страдания!» — ещё раз предупредила мама-Солнце.

«Выдержу!» — ответил лучик.

«Если предашь Икону, погаснешь насовсем!» — третий раз предупредила мама-Солнце. Она спешила, её ждало зенитное восхождение.

«Как я могу предать, когда люблю её преданно!» — воскликнул лучик.

Мама-Солнце осталась довольна мужеством и чувством своего детёныша.

«Хорошо! — сказала она и нежно отвязала его от себя: — Прощай!»

Так прекрасный лучик стал неразлучным с Первой Иконой Иисуса Христа.

Заметила это Саломея.

— Солнце ушло, а луч так и остался на Иконе! — сказала она, не веря своим глазам.

Она взяла Икону в руки и понесла вокруг алтаря. Луч так и светился, радовался и освещал Пещеру Господа солнечным светом.

— Лучистая Икона! — с восторгом произнёс Иорам. Удивлялся и Ра.

Саломея вернула Икону на своё место и поцеловала её. Они вышли на площадку.

Саломея угостила мальчиков лепёшками, молоком, орешками, ягодами.

— Саломея, — сказал Иорам, — я согласен с твоей мыслью!

— А откуда ты знаешь, о чем я думаю? — спросила Саломея.

— Не знаю, но я слышу твой голос внутри себя!

Ра молчал. Он уже был смущён из-за той мысли, которую собиралась высказать Саломея.

— Скажи вслух, Саломея! — настаивал Иорам.

Хорошо, — сказала Саломея и обернулась к Ра, — вот что я хочу сказать тебе, Ра. Захарий был великим мастером, а ты был ему сыном... Он тебя долго ждал... Ты пришёл к нему из Ниоткуда и доставил ему радость... Потому мы с Иорамом думаем, что его доброе имя принадлежит тебе... И будем звать тебя впредь Захарий-Ра!

Ра только подумал, достоин ли он носить имя своего отца, как Иорам и Саломея произнесли вместе, как бы сговорившись между собой:

— Конечно, достоин... но ты ещё заслужишь!

И все сразу взглянули друг на друга.

— Что происходит?! Мы понимаем мысли друг друга?! — воскликнул Иорам.

— Вроде бы так! — подтвердила Саломея.

— Да, так и есть! — сказал Захарий-Ра.

Но Дух Святой в каждом из них ещё готовился для своего проявления.

ГЛАВА 22

Всё происходило просто и естественно: они говорили между собой то вслух, то мысленно, не думая о том, когда как говорить. Они сразу схватывали мысли друга друга и тут же отзывались на них.

— Прекрасный вид отсюда! — сказал Захарий-Ра, любясь окружением Пещер Философа. — Над нами небо, а под нами Город!

— Да, вид прекрасный... Но не будем же жить в Пещерах?

«...и смотреть на город... — Амон-Ра всегда действовал...»

— Нам надо пойти к людям и рассказать им о Царстве Небесном! — сказала Саломея.

«Я слышал голос, когда мы стояли перед Иконой в Пещере Господа... — ...и я... — ...я тоже... — Я узнал Его голос... — Я тоже узнал Его голос... — Мне было сказано: „Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного“. — ...мне то же самое было сказано... — ...и мне то же самое...»

«Думаю, и язык растений тоже... как вы? — Надо попробовать... давайте послушаем этот цветок... — ...Вы заметили, он улыбнулся... — Как тебя зовут? — У меня ещё нет имени... назови, как хочешь... — А если назову тебя Саломеей? — Тогда я тоже Саломея, как ты... Я твой цветок... — Что ты умеешь, Саломея? — Любить... — ...Ещё? — ...Любить... — А ещё?.. — Я умею любить... что тебе ещё нужно? — ...И как ты любишь? — ...Дарю красоту... дарю нежный запах... дарю радость... Тебе хорошо со мной? — Очень хорошо... — Это и есть моя любовь... — А лечить умеешь? — Бери мои соки и лечись... — И что можно лечить?.. — ...всё, если доверишься мне... — ...это как? — ...поверь, что мои соки лечат больное сердце, и они будут каплями от сердца... — ...а если поверю, что от простуды?.. — ...буду от простуды... я же люблю!.. — Хорошо, Саломея, мы пошли...»

Цветок нежно опустил голову.

— Вот видите, мы действительно понимаем язык растений! — восхищалась Саломея.

Тропинка закончилась, и они вышли на большую дорогу.

У обочины они сразу заметили двух мальчиков, они валялись на земле, стонали и пытались поползти до ручейка.

— Что с ними? — спросила Саломея. — Надо помочь им!

Они подошли к ним и сели на корточки.

— Кто вы, что с вами? — спросил Иорам.

Один из них, увидев Иорама и Саломею, ужаснулся. Была бы возможность — убежал бы далеко от них, но ему даже ползать было трудно.

— Иорам, ты убьёшь меня?! — спросил он в страхе и мольбе.

Иорам узнал его. Он был тот, который когда-то во время игры в прыжках поступил с ним вероломно, оставив его без опоры, и Иорам рухнул на дороге, ободрав себе колени. Он остался бы калекой, если бы не Амон-Ра, который оказался рядом и исцелил его.

Саломея тоже вспомнила его. Она проходила мимо дома, когда он, балуясь на крыше, вылил на неё грязь, а потом, видя, как испачканная девочка и заплакала, вместе с Большим Мальчиком издевался над ней и хохотал до упаду.

Потом он пропал, и говорили, что стал разбойником в банде Большого Мальчика.

— Ты ведь Хам? — спросил Иорам.

Он затрясся.

— Иорам, не убивай меня... Саломея, скажи, чтобы он не убил меня!

Видя его, затрясся от страха и дружок. Оба заорали.

— Не убивай... не убивай... — кричали они.

Перед Саломеей, Иорамом и Захарием-Ра промелькнули странные зрелища. Эти двое, со многими другими вместе, яростно забрасывают камнями Амон-Ра... Те же самые вешают вниз головой на дереве Захария.

— Значит, вы участвовали в убийствах Амон-Ра и Захария, — сказал Иорам.

Хаму и его дружку показалось, что Иорам сказал это с угрозой, и они заорали пуще прежнего.

— Не убивай меня, Иорам... Саломея... не убивай меня...

Но ни Саломее, ни Иораму, ни Захарию-Ра и в голову не приходило мстить и убивать. Они были восполнены чувством сострадания.

— Не ори... Мы не убийцы... Лучше скажи, что с вами...

— Ноги... руки... ноги... — вопили они. — Мы так ползаем со вчерашнего дня... Иорам, не убьёшь?

— Ты разве не понял...

— Иорам, тогда исцели меня... Я буду хорошим, Иорам...

Саломея в это время наклонилась к дружку Хама, и при виде того, как безжизненно лежали на земле его руки и ноги, у неё сжалось сердце.

— Я умру, — сказал тот, — я никогда не встану на ноги...

— Как тебя зовут? — спросила Саломея. Глаза её наполнились слезами.

— Родители звали Соломоном... Мне бабушка говорила, что был такой мудрец Соломон, и хотели, чтобы я тоже был мудрецом...

— А сам не хотел быть мудрецом?

— Уже не смогу, скоро умру... — плача сказал мальчик.

«Мне жалко его... Исцелись, Соломон», — подумала Саломея и положила ему руку на голову, хотела вытереть засохшую кровь.

Вдруг Соломон как-то странно скрутился, потом распрямился.

— Что это со мной?! Что ты со мной сделала?! — сказал он с недоумением.

Саломея сама не поняла, что она с ним сделала. Но Соломон сначала протянул руки, они были целые; затем присел и посмотрел на ноги, они тоже были целые.

— Ты исцелила меня! — закричал он со странной радостью. Приподнялся и подпрыгнул: — Я цел... Я цел... Ты меня исцелила... чудо, чудо... — кричал он, плача от радости.

— Иорам, исцели меня... — взмолился опять Хам, увидев исцелившегося дружка, — я буду хорошим... Саломея, исцели меня тоже, умоляю тебя...

Иорам был в недоумении. В его целительской практике не было такого случая — одним касанием руки сразу исцелить переломанные кости, как это сделала Саломея.

— Саломея, исцели его тоже! — попросил его Иорам.

И Саломея вновь с чувством сострадания и болью в сердце обратилась к Хаму: «Встань и иди!»

Хам, как и Соломон, скрутился, выпрямился и встал.

Он был потрясён до глубины души.

Он трогал свои ноги, руки, подпрыгивал и всё время смотрел то на Саломею, то на Иорама, то на Захария-Ра с удивлением и благоговением.

— Обещаю вам, что буду хорошим человеком! — сказал он твёрдо.

— Я буду учиться на мудреца, Саломея! — обещал Соломон.

«У нас власть исцелять... — Это у тебя... — Спасибо тебе, Господи Иисус... — Мне хочется помолиться... — Мне тоже... — Мне тоже...»

Они встали на колени у обочины и молча помолились.

Соломон и Хам были потрясены их поведением.

— Они молятся! — шепнул Хам Соломону.

— Хочу тоже помолиться! — сказал Соломон и опустился на колени. Не зная, как молиться, начал говорить одно и то же, но искренне и с чувством: — Спасибо, Господи... Спасибо, Господи... Спасибо, Господи...

Его примеру последовал Хам.

Когда Саломея, Иорам и Захарий-Ра закончили молитву и направились в Город, Хам и Соломон продолжали молиться и не заметили их ухода.

В разных концах главной улицы группами играли дети. Многие, увидев Саломею, бросили игру и побежали к ней.

— Саломея, где ты пропадала...

— Мы соскучились по тебе...

— Саломея, школы больше не будет?

— Будет, — сказала им Саломея, — приходите завтра с утра...

— Других можно тоже привести, своего братишку?..

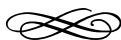
— Приведите тех, кто захочет заниматься в школе!

На площади сидели старики и обсуждали свои проблемы.

Они шли мимо них, когда один старик, узнав Иорам, позвал его. Они втроём подошли к старикам и поздоровались.

— Сынок, — сказал тот, который позвал Иорам, — ты помнишь меня, я тот старик...

— Я помню тебя, дедушка, ты пришёл тогда на эту площадь на костылях... Как ты сейчас? — спросил Иорам...

ГЛАВА 23

— ...С тех пор хорошо... Но вот почтенные люди нашего города страдают разными болезнями... Помог бы ты им, сынок...

Иорам собирался сказать им, что у него сейчас нет с собой нужных мазей, а завтра... Но в нём «заговорили» Саломея и Захарий-Ра.

«Исцели их сейчас... — Но если... — Не сомневайся ни на йоту... — Было бы лучше иметь с собой мази... — Тебе не нужны уже мази... — Пойми, тебе дана власть исцеления... А исцеляет твоё слово...»

Старики сидели на больших камнях под старым деревом.

— Хорошо, дедушка! — сказал Иорам старику и встал среди них: — Я исцелю вас, и сделаю это властью, которая дана мне Господом моим Иисусом Христом...

— Тем, которого распяли? — спросил один старик.

— Да, распяли человека, который был Богом! — сказал Иорам.

— А ты откуда знаешь, сынок, что он был Богом? — спросил другой старик.

— Скажи, дедушка, ты хотел бы избавиться от какого-либо недуга?

— Да, конечно... Но мой недуг не просто недуг, а испорченная старость!

— А что это, скажи всем?

— А вот что! — сказал старик и снял рубашку. — Кости мои гниют... Смотри, как выступили они наружу... И это так уже пятнадцать лет... Что сделает мне твой Иисус Христос и Его власть?

Старик показал всем свои раны, и те ужаснулись. Он собрался надеть на себя рубашку.

— Подожди, дедушка, — сказал Иорам, — пусть увидят все славу Господа нашего Иисуса Христа! — Иорам протянул руку к ранам старика и произнёс: — Именем Господа Иисуса Христа исцелись!

И тотчас раны исчезли, старик выпрямился, он почувствовал в себе бодрость и силу. Некоторое время он смотрел на стариков в ожидании, что же они скажут: правда или сон всё это. Несколько из них подошли близко, потрогали руками места, где были раны.

Удивление охватило всех.

Один старик, прозванный Стариком Давидом, согнутый в плечах, с палкой, спрашивал у других:

— Что случилось, скажите мне тоже! Иорам увидел, что тот слепой.

— Дедушка, почему ты слепой? — спросил он.

— Я был рабом, убежал от хозяина, а он поймал меня и выколол глаза! — ответил Старик Давид.

— И когда это случилось? — спросил Иорам.

— В моей молодости! — грустно сказал он.

Все собрались вокруг слепого старика и Иорама.

— Ты хочешь вернуть себе зрение?

— Кто мне его вернёт? — усмехнулся Старик Давид.

— Ты и его собираешься исцелить? — удивился кто-то.

— Исцелит его Иисус Христос...

Слепой старик сунул указательный палец сперва в углубление правого, а потом левого глаза, показывая всем и Иораму, что там даже мёртвых зрачков нет и исцелять нечего.

— Хе-хе... — грустно усмехнулся он. — Сунь свои пальцы и сам убедишься в бессилии всех богов...

Иорам указательные пальцы обеих рук действительно сунул в пустые глазницы, где когда-то были глаза. Пальцы утонули в них.

— Что ты делаешь, глупец! — возмутился кто-то...

Но сам слепой насторожился, пальцы мальчика влили в него приятную теплоту.

Иорам спокойно произнёс: «Именем Господа нашего Иисуса Христа исцелись и стань зрячим...» — и начал медленно вынимать пальцы из пустот.

Те, кто стоял рядом, увидели, как кончики пальцев Иорама, казалось, достигли утонувших в глубине зрачков, вытянули их и поместили на своё место.

— Ооох... — вырвалось удивление у свидетелей. Они буквально почувствовали присутствие рядом Бога и задрожали от страха.

Теперь уже зрячий Старик Давид, увидев перед собой мальчика, пал ниц, обнял его ноги и воскликнул с таким душераздирающим чувством, что у всех учащённо заколотились сердца:

— Иисус Христос из Назарета! Ты слышишь меня?.. С этой минуты я раб Твой... Помилуй, Господи, грехи мои!..

Потом он выпрямился, как будто только что не был горбатым, оглянулся вокруг, сломал свою палку и взмолился Иораму:

— Божий ты ангел, научи меня, как жить по-христиански...

В это время кто-то детским голосом закричал, что пекарь нечаянно упал в печь.

Старики, ошеломлённые чудом, не услышали этот крик, а смотрели в глаза Иораму и ждали, что же он скажет уже зрячему, который ещё и горб с себя сбросил.

Но услышали Саломея и Захарий-Ра: «Поспешим туда... Надо спасти пекаря...»

У пекарни собралось много народу. Люди любили доброго и отзывчивого пекаря. Ещё больше они любили его после происшедшего с ним чуда, сотворённого Крестом Христа: он стал весёлым, не жалел свою скудную выручку для вдов и бедных, научился печь вкусные булочки и бесплатно раздавал их детям.

Народ прибежал сразу, как только услышал крик.

Саломея и Захарий-Ра пробрались среди толпы и увидели лежащего на земле бедного пекаря — всё тело и лицо были обуглены так, что виднелись кости бёдер, челюсти, зубы... Страшно было смотреть на него. Люди плакали. Чудом уцелевшим одним глазом он смотрел на людей, которых любил и с которыми прощался. И в туманности этого глаза возник перед ним облик Ра. Обугленный язык едва зашевелился, но произнести звука он не смог. Захарий-Ра и Саломея уловили мысли бедного пекаря.

«Ра, ты сын Захария... Его Крест подарил мне счастье... но оно теперь покидает меня... а булочки для детей сегодня я не успел испечь...»

— Ты будешь жить... — сказал Захарий-Ра, и народ, услышав эти слова, удивился: «Что он говорит, когда человеку не осталось и трёх вздохов сделать».

«Надо спасти его... Захарий-Ра, он верит в тебя...»

— Ты будешь жить... Крест Христа спасёт тебя... — повторил Захарий-Ра и тут же уловил мысль умирающего: «Я ухожу христианином, Ра...»

Но в это время Захарий-Ра протянул руки к лежавшему на земле и обречённому на смерть человеку и произнёс:

— Именем Иисуса Христа, Господа нашего, в Которого ты веришь, исцелись!

Услышав эти слова, кое-кто стал выкрикивать богохульные слова. Но люди тут же потеряли дар речи, ибо перед их глазами происходило невероятное: кости и остатки обугленного тела постепенно, медленно, так, чтобы каждый наблюдал воочию, срастались и покрывались свежей кожей... а потом засветились глаза... В течение нескольких минут перед потрясёнными зрителями произошло воскрешение доброго пекаря.

— Встань! — сказал ему Захарий-Ра. Он и Саломея протянули пекарю руки и помогли подняться.

И первое, что он сделал, бросился на колени и воскликнул с чувством веры и благоговения:

— Иисус Христос, Ты есть Единый Бог, и я раб Твой!

А второе, что он не замедлил сделать, было то, что он живо привстал и побежал к своей пекарне, радостно восклицая:

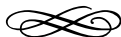
— Дети, не уходите, я скоро испеку вам булочки, которые вы так любите!

Люди долго не расходились. Они спрашивали друг у друга «Ты тоже видел?» и убеждались, что каждый из них был свидетелем чуда. Они спрашивали ещё, кто этот Бог, от Которого мальчик свершил чудо. Но так как толком никто не знал об Иисусе Христе, то с большим почтением обратились они к Захарию-Ра с просьбой рассказать о Нём.

Саломея торжествовала.

Вдруг кто-то дёрнул её за руку. Справа и слева от неё стояли Хам и Соломон.

— Мы искали тебя, Саломея... Не бросай нас, Саломея... Мы хотим быть с вами.

ГЛАВА 24

В городе началась другая жизнь.

Не просто другая, а совсем другая жизнь.

Жизнь в Городе изменилась, конечно, не сразу, не в тот же самый день, когда Иорам, Захарий-Ра и Саломея сотворили чудеса, исцеляя калек, слепых и больных, она менялась постепенно, день за днём, месяц за месяцем, год за годом.

Но тот памятный день принёс Городу большую жизненную волну, которая захватила всех. Каждый день после того дня люди собирались на площади, где Иорам исцелял всех, кто нуждался в этом. Но людей особо привлекали его рассказы о жизни Иисуса Христа и о Его заповедях.

Каждый день народ собирался у пекарни, где Захарий-Ра тоже исцелял больных и калек от имени Господа Иисуса Христа и рассказывал людям о Нём и о Его Учении.

Каждый день почти все дети Города собирались во дворе Саломеи, и она учила их чтению и наукам, а также рассказывала о притчах Иисуса. Она также избавляла и защищала детей от болезней.

Жизненная волна того первого дня всё усиливалась и сотрясала сознание людей. И многие, испытав на себе чудо и став его свидетелями, поверили в Христа. Но большинство всё ещё находилось в растерянности и недоумении. Кроме того, в Городе были также книжники и фарисеи, которые с возмущением и злобой следили за всем происходящим и старались настроить народ против «этих трёх», которые, как они говорили, действуют не от Бога, а от Вельзевула.

Люди спорили и обсуждали.

Во многих семьях нарушился мир.

Мир нарушился и на улицах, у колодцев, у прилавков, в мастерских. Если мужчина встречался с мужчиной, а женщина с женщиной, они, вслед за приветствием, как бы продолжая уже начатое, говорили друг другу: «Знаешь, что сказал Христос? Слова ваши оправдают вас, и слова ваши осудят вас... — Да ну, этот твой Христос... — А ты послушай... — Отстань от меня...»

Дети, возвращаясь домой после увлекательного школьного дня, возбуждённо пересказывали взрослым притчи Иисуса. Некие родители запрещали своим детям ходить в школу Саломеи, где они учились «безбожия». Но дети не слушались, ибо там им было очень интересно.

Жизненная волна росла и увлекала людей шаг за шагом к новой жизни.

Волной этой было их новое сознание.

Соломон быстро научился у Саломеи письму и стал записывать всё, что говорил Захарий-Ра людям, когда они собирались у пекарни, и что там происходило в это время. Среди его записей была и такая:

«Сразу после захода Солнца у пекарни, как обычно, собрался народ — около сотни человек. Они ждали Захария-Ра и, увидев его, обрадовались. Потом все уселись вокруг него на землю. Захарий-Ра исцелил двоих. Один плотник, работая в своей мастерской, отрубил себе топором кисть руки и принёс её завёрнутой в платке.

Захарий-Ра на виду у всех от имени Иисуса Христа прижил кисть на своё место. Плотник был счастлив, а люди диву дивились. Другим же был ребёнок, которому было от роду шесть лет. Мама его сказала, что мальчик глухонемой от рождения. Она плакала и умоляла Захария-Ра исцелить его. Захарий-Ра приласкал мальчика, потом сказал ему: „Христос любит и исцеляет тебя. Говори и слышь!“ Мальчик тотчас же улыбнулся и вскрикнул: „Мама!“ Все удивлялись чуду и говорили, что Иисус Христос есть Бог.

Потом люди начали спрашивать у Захария-Ра, и он отвечал им.

Никодим спросил: „Скажи нам, какова самая важная заповедь Христа?“

Захарий-Ра ответил: „Люби Господа своего, это есть самая важная заповедь“.

Никодим сказал: „Бога любят все“.

Захарий-Ра пояснил: „Бога надо любить всем сердцем своим, всей душою своею, всем разумением своим“.

Никодим спросил: „Значит ли это, что Бога надо любить больше, чем родителей своих, сыновей своих, жену свою?“

Захарий-Ра ответил: „Да. Это так“.

Никодим спросил: „Какой же тогда любовью любить их?“

Захарий-Ра сказал: „Вот вторая заповедь, тоже самая важная: люби ближнего своего как себя самого. Своих родителей, детей и жён надо любить как своих ближних... Всех людей надо любить так“.

Никодим ещё спросил: „Скажи, сравнима ли любовь к самому себе с любовью к Богу?“

Захарий-Ра сказал: „Да, если познал в себе Бога“.

Далее спросил Пётр: „Как мне доказать Богу, что люблю Его?“

Захарий-Ра сказал ему: „Стремись быть совершенным, как совершенен Он сам“.

Пётр спросил: „Как я могу сделаться Богочеловеком, если жизнь такая короткая?“

Захарий-Ра ответил: „Ты стремись, а Бог увидит“.

Пётр спросил: „С чего начать?“

Захарий-Ра сказал ему: „Начни с того, чтобы думать только о добром и делать только добрые дела, и избавь себя от всех дурных привычек“.

Люди слышали и запоминали, что говорил Захарий-Ра.

Потом вышел один фарисей, по имени Фома, и хотел направить народ против Захария-Ра. Он говорил, что Захарий-Ра богохульствует, ибо призывает нас стать богами и свергнуть Бога.

Захарий-Ра сказал ему: „Я не богохульствую. Разве это хула на Бога, если скажу, что Господь наш Иисус Христос любит тебя и хочет, чтобы ты был здоров и цел?“

Фома возразил: „Я здоров и цел“.

Захарий-Ра сказал: „Говорить неправду есть богохульство. У тебя всё тело покрыто язвами, от них ты стра-

даешь уже десять лет, и скоро умрёшь. Иисус Христос велит мне исцелить тебя, если будет на то твоя воля“.

Фарисей был поражён. Сперва он ничего не хотел „от Вельзевула“ и собирался уйти. Но, подумав, сказал: „Хорошо, исцеляй“.

Он полагал, что его Бог не позволит Захарию-Ра исцелить своего служителя, и тем самым докажет народу, что этот мальчик идёт не от Бога.

Захарий-Ра узнал его мысли и сказал: „Твой Бог и мой Бог суть одно. Бог Один и Един, а Иисус Христос есть Сын Бога. Чтобы все узрели милость Его, сними рубашку“.

Фарисей не хотел снимать рубашку, чтобы все увидели, как гниёт его тело. Но иначе народ не поверил бы, что этот мальчик богохульствует. Он снял рубашку, и все ужаснулись. „Его живьём съедают черви“, — шептали они.

Захарий-Ра не побоялся дотронуться до язв и произнёс: „Именем Иисуса Христа, Господа нашего, исцелись!“

И все увидели, как язвы зарубцевались и тело фарисея покрылось чистой кожей. Он сам был поражён чудом, бросился ниц и заплакал: „Господи Иисус Христос, прости меня, грешного!“ — говорил он, рыдая. Народ был удивлён и славил Иисуса Христа.

Захарий-Ра помог встать Фоме, который сказал всем: „Люди, вы слышите, я верую в Христа!“

После этого Захарий-Ра рассказал собравшимся, как возвели Мессию на Голгофу и распяли.

Все плакали. Я тоже плакал. А больше всех плакали пекарь и Фома».

Три раза в неделю, после сложного дня, Саломея, Захарий-Ра и Иорам поднимались в Пещеры Философа,

навещали Бунгло и молились в Пещере Господа. Их круг постепенно расширялся. Увидев верность и искренность Хама и Соломона, они их тоже брали с собой. Соломон и Хам глубоко переживали своё грешное прошлое, каялись и молились Иисусу Христу за отпущение грехов своих.

Вскоре к их группе прибавились: пекарь, Фома, который был фарисеем и уверовал во Христа, Старик Давид, который был слепым и горбатым и которого исцелил Иорам, мама Саломеи.

Крест Христа и Икона Христа с лучиком каждого приводили в трепет. Все они знали, что это есть Святыни чудотворные. Их следует беречь и говорить о них другим нельзя.

К полуночи они начинали молиться — искренне, горячо, всей душой и всем сердцем. Они не замечали, как Крест Христа и Икона Христа умножали силу их молитвы. Но видели, как вдруг воспламенялся в Пещере яркий фиолетовый огонь. Он освещал лики, отражённые на стенах, которые тоже усиливали мощь молитвы. Время от времени прямо со стен и купола Пещеры слышалась Небесная Музыка, она утончала молитву и окутывала блаженством молящихся.

Фиолетовый огонь, рождённый мощью человеческого духа и усиленный Святынями и ликами на стенах, не мог уместиться в Пещере. Он выходил сквозь скалистые стены и возвышался над горою, освещая небо и покрывая Город нежным фиолетовым светом.

Те, которые далеко за полночь случайно оказывались на улице, поражались необычному прекрасному зрелищу: фиолетовому пламени над горою и тонкому фиолетовому покрывалу над Городом, что вызывало

в них благоговение и радость духа. Кто мог им сказать, что огонь этот — Чистая Молитва, услышанная Богом, и Божья благодать, ниспосланная людям маленького Города. Люди бежали домой, будили всю семью: «Выходите, посмотрите на чудо!» Звали соседей: «Проснитесь, посмотрите!» И не раз случалось, что разбуженный Город, полный благоговения, начинал молиться и славить Господа.

С утренней зарей фиолетовое пламя над горой растворялось в небе и увлекало за собой фиолетовое покрывало над Городом.

Люди уже не спрашивали друг у друга «что это было?», ибо чувствовали, что общались с Богом...

ГЛАВА 25

Эти ночные бдения и огонь над горой вызывали тревогу и раздражение только у книжников и фарисеев. Они, конечно, догадывались, что в огне этом проявлялись воля Христа и устремлённость к нему народа. «Что будем делать?» — спрашивали они друг у друга, когда собирались тайно. Они гневались на Фому, который продался «вельзевулам» после исцеления. В ту маленькую синагогу, где раньше собиралось много народа, чтобы послушать наставления своих священников, а также поторговать и обменяться товаром, люди уже не ходили. Они шли туда, куда их звали Саломея, Захарий-Ра и Иорам. «Надо прогнать этих вельзевулов из города», — сговорились книжники и фарисеи. Но как можно было это сделать? Придираться к ним было невозможно, ибо они не нарушали установленных законов, а помогали людям, исцеляли их. Народ не поддавался и на клевету на них, как бы правдоподобно она ни выглядела. Книжники и фарисеи уже попытались назвать их богохульниками, колдунами, распускали слухи, что Саломея заколдовывает детей и через них весь город. Но ничего не получалось.

Вот и собрались они, уже в который раз, на своём тайном собрании — шесть книжников и фарисеев — и хотя они недолюбливали друг друга, тем не менее, их объединяло зло: они решились на вероломство. Какая разница, кому из шестерых пришла в голову такая гнусная мысль, главное, что все они сразу договорились. А гнусная мысль была такая: надо найти Варраву, того самого убийцу и главаря разбойников, который был осуждён, но по настоянию книжников и фарисеев, прокуратор Иудеи Понтий Пилат освободил его, а взамен отдал на распятие праведного Иисуса Христа. Тот же самый, у кого родилась эта мысль, сказал, что знает, где промышляет Варрава, сам найдёт его и сможет уговорить. А уговорить Варраву нужно было на то, чтобы он похитил «этих трёх»; похитил так, чтобы никто не смог понять, куда и как они исчезли, и пусть Варрава упрячет их в своих тайниках, пусть даже убьёт их.

Фарисеи и книжники, воодушевлённые своим решением, сложили сто серебряных монет и отправили одного подонка к другому. И этот фарисей нашёл Варраву, уговорил и передал ему деньги.

После этого Варрава со своими разбойниками долго и осторожно выслеживал своих жертв и искал удобного случая.

А этот случай выпал так.

Хам в школе Саломеи учился прилежно и действительно становился хорошим человеком.

Он полюбил чтение, и Саломея дала ему почитать Священное Писание, из которого Хам узнал, какая непристойная история связана с его именем. «Ной, человек-земледелец, был первым, посадившим виноград.

И выпил он вина, и опьянел, и лежал обнажённым в шатре своём. И увидел Хам наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Братья же — Сим и Иафет — взяли одежду и, положив её на плечи свои, подошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего».

Прочитав это, Хам устыдился своего имени. Он пошёл к Саломее и попросил назвать его другим именем.

— Зачем? — спросила она.

— Я хочу сделаться хорошим человеком, а имя несёт мне плохое! — пояснил он.

— Хорошо, — сказала Саломея, — только тебе придётся заслужить новое имя.

— Это как? — спросил Хам.

— Узнаешь, — ответила Саломея.

Спустя несколько дней, после того как в Пещере Господа они завершили Молитву, Саломея попросила Хама задержаться. Были там ещё Захарий-Ра и Иорам.

— Вот тебе задание для огненного крещения, — сказала Саломея Хаму, — доставишь эту Икону Христа в город Солнца и вручишь Иакову. Береги её больше жизни. Когда Иаков возьмёт из твоих рук Икону и спросит, как тебя зовут, ты можешь сказать — Агни.

Хам обрадовался, имя ему очень понравилось.

Саломея повесила ему на шею мешочек, в котором лежала завёрнутая в платок Икона, сделанная Захарием-Ра. Мешочек Хам спрятал за пазухой. Потом они вместе спустились из Пещер. Было раннее утро. На большой дороге Саломея, Иорам и Захарий-Ра попрощались с Хамом, и тот пустился в долгий путь. Некоторое время они

смотрели ему вслед, пока он не скрылся, и направились в Город.

Это и был случай для Варравы и его разбойников, которого они долго ждали. Они мигом вырвались из своих укрытий, набросили на них мешки и крепко завязали. Затем мешки взвалили на лошадей и быстро ускакали. Ехали долго, после чего остановились и бросили мешки на землю.

Они хохотали, сквернословили, ударяли ногами по мешкам. Наконец, затащили мешки куда-то, сняли мешки и надели каждому на руки и ноги кандалы. Огромная пещера освещалась несколькими факелами. Далее разбойники пили, веселились и заснули.

Проснулись, видимо, спустя два дня. Глава разбойников приказал ехать, ибо предстояло ограбить нескольких богачей. Они поднялись весело, живо, пролезли в узкий проход, через который можно было двигаться по одному и согнувшись.

В пещере воцарилась мёртвая тишина.

«Я позову Бунгло... — Он не сможет оставить Пещеру Господа... — Тогда помолимся и попросим Господа о помощи...»

Тем временем Город взбудоражился.

Дети пришли в школу, а там не нашли Саломеи. Начали звать и искать её.

В нескольких домах понадобилась срочная помощь целителей. Родные тяжелобольных побежали звать Иорам и Захария-Ра. Но их нигде не нашли. Вот и обеспокоились люди: где Саломея, где Захарий-Ра, где Иорам?

Искали их весь день, искали на другой день. Вместе с ними ходили якобы тоже взволнованные книжники и

ГЛАВА 26

День за днём, месяц за месяцем, год за годом росла в Городе волна нового сознания. Её никто не видел, о ней никто и не знал, но она присутствовала повсюду, как воздух. Многие, не думая ни о какой волне, наполняли её жемчужинами своих добрых мыслей и дел. И любого, если он не нарушал закон искренности и добромыслия, щедро одаривала она знаниями о жизни.

Памятные дни, — как тот, когда Иорам исцелил Старика Давида и Захарий-Ра спас от смерти обожжённого пекаря, и как тот, когда весь город был обеспокоен исчезновением Саломеи, Иорама и Захария-Ра, — делали волну сознания более могучей. В такие дни происходило что-то таинственное: как будто чья-то невидимая рука невидимой метлой выметала из жизни людей всякую нечисть: зависть, ненависть, корысть, жадность, грубость, невежество. Выметала из умов людей всякую саранчу мыслей, всякое недоразумение и неприязнь. Выметала и выносила весь этот мусор за город и там сжигала. И тогда начинали в них торжествовать чистая любовь и добромыслие, сострадание и помощь, забота и устремление

к сотрудничеству. Такое состояние духа людей делало Город неузнаваемо другим.

День за днём, месяц за месяцем, год за годом люди осваивали Божественную мудрость: совершенствуя и облагораживая себя, ты совершенствуешь и облагораживаешь мир вокруг себя. Они любили повторять слова Иисуса: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое».

День за днём люди учились быть добрыми.

Учила духовномыслию детей Саломея.

— Что такое забота? — спрашивала она в школе у своих учеников.

Ученики думали, обсуждали и радовались своему открытию:

— Забота есть исполнение человеком Божественной тайны принесения жертвы другим.

— Что такое доброта? — спрашивала Саломея.

Ученики, после долгих размышлений, говорили:

— Доброта есть Божественная тайна о преподнесении даров духа другим.

— Что такое совесть? — спрашивала она.

А ученики, полюбив мышление, находили ответ:

— Совесть есть тайна Воли Бога в человеке.

Саломея каждый день повторяла им: «Вас называют детьми. Знаете, кто есть дети? Действующие в истине Бога, вот кто. Тебя называют ребёнком. А знаете, кто есть ребёнок? Он есть начало нового бытия».

С такими мыслями и устремлениями отпускала она детей из школы. Дети несли эти знания взрослым, и день за днём, месяц за месяцем, год за годом сами выросли

и становились взрослыми. От них волна нового сознания богателя и ещё больше утверждалась в жизни людей.

Иорам установил себе обычай ходить по домам и выяснять — не болеет ли кто. Он принимал меры, чтобы в городе не возникали эпидемии и заразные заболевания. Хозяйку семьи он учил, как готовить разные мази и микстуры из трав и как ухаживать за больными. Но тут же объяснял, что условием здоровья есть вера и добромыслие. Если кто вспоминал старую поговорку «в здоровом теле здоровый дух», он поправлял: «Здоровый дух — гонитель болезней».

В каждой семье радовались приходу доброго целителя. Как правило, его долго не отпускали и расспрашивали не только о мазах и болезнях, но заставляли в который раз пересказывать и объяснять притчи Иисуса и повторять Его заповеди. Уходя, Иорам напоминал всем членам семьи: «Дух крепнет, если любишь ближнего как себя самого».

Многие молодые изъявляли желание изучать искусство целительства, и Иорам брал их в ученики.

А волна нового сознания разрасталась.

И жизнь становилась в Городе иная.

Захарий-Ра любил навещать мастеров разных дел в их мастерских.

Бывало, придёт он к мастеру гончарных дел. Смотрит, как тот месит глину, и делает то же самое; схватывая таким образом искусство мастера, он начинал лепить куда более прекрасные, удобные и прочные сосуды. Мастер удивлялся его умениям и просил помочь в совершенствовании своего дела. Захарий-Ра охотно сообщал ему о таинстве, которое являлось ключом всякого продвижения.

— Вот что я скажу тебе, добрый мастер, — говорил он и дарил три золотых правила: — делай любую вещь как подарок Богу; верь, что к тебе снисходит Божья благодать; утверждай в каждой вещи красоту своего духа.

Мастеру бывало трудно сразу освоить эти золотые правила, но опять день за днём, месяц за месяцем, год за годом открывалось ему высшее утончённое искусство, и тогда начинал он творить удивительные вещи.

Так происходило не только с мастерами гончарных дел, но и с кузнецами, портными, ткачами, обувщиками, каменотёсами.

Почти всегда, когда Захарий-Ра приходил к какому-либо мастеру, тут же собирались и другие мастера и их подручные, чтобы спросить и послушать, что он им ещё скажет.

И волна нового сознания снова пропитывала умы и сердца людей. Они учились мыслить о добре, о прекрасном, учились мыслить сердцем. Они становились благородными и отзывчивыми. Внутренняя красота делала каждого прекрасным и внешне.

Однажды Саломея призвала всех женщин Города сделать свой дом, свой дворик, свою улицу раем для духа. Женщины вовлекли в это дело и мужчин, и месяц за месяцем, год за годом Город становился цветущим садом.

Вот тогда из уст маленькой девочки, которая училась у Саломеи и любила её, прозвучал вопрос:

— Мама, почему наш город называется так скучно — «Город», а не красиво — «Саломея»?

Мама, услышав об этом, сказала мужу и женщинам у колодца.

Муж и женщины сказали об этом другим, те — ещё другим.

А волна сознания в тот же день вопрос маленькой девочки: «Почему наш город не называется Саломе-ей?» — возвела во всеобщее утверждение: «Наш город называется „Саломея“».

Так естественно, как бы сам по себе, из скучного Города родился город Саломея со своей необычной жизнью.

И было это на третьем году с того самого памятного первого дня.

А кому же быть главой города Саломея?

Жители Саломеи собрались на площадь выбирать своего правителя. И как только Старик Давид обратился к народу назвать, кого они хотели бы видеть главою, мальчик, сидевший на шее отца, — его недавно исцелил от тяжёлой болезни Иорам, — первым закричал:

— Иорам... Выберем Иорама... Он хороший и добрый!

И народ счёл, что мальчик прав.

Так дети, действующие в Истине Бога, заложили основу новому бытию.

Иорам, ставший главою города Саломея, сразу предложил народу принять три закона, которых должен придерживаться каждый гражданин.

— Они сделают нас свободными и счастливыми! — и он провозгласил те же законы, что и его отец Иаков в городе Солнца:

Любить ближнего.

Жить по совести.

Трудиться на благо всех.

Народ принял эти законы.

Волна нового сознания торжествовала.

Теперь уже не год за годом, а день за днём слава города Саломея шла всё дальше и дальше.

Приходили сборщики налогов, с грозным видом, как обычно, готовые ограбить город, если он не в состоянии был платить дань. И удивлялись они, когда слушали от шестнадцатилетнего правителя города: «Кесарю — кесарево». Они получали положенное серебро в мешках и уезжали.

Приходили в город Саломея путешественники и, спустя несколько дней жизни в городе, уносили с собой своё восхищение в другие страны.

Но приходили ещё верблюжьи караваны торговцев. И когда правитель Саломеи показывал торговцам изделия ремесленников города, они восторгались их качеством и красотой, сразу закупали всё и заказывали ещё. Большим успехом пользовались у них целебные мази и микстуры, которые готовили лекари Саломеи, и тоже закупали их в огромных количествах. Затем караван с нагруженными товаром верблюдами уходил то в Грецию, то в Египет, то в Парфию и уносил с собой не только достойный товар, но и удивительный рассказ о прекрасном городе Саломее, о законах жизни в нём, о его жителях.

ГЛАВА 27

Глава верблюжьего каравана купец Хусеин вовсе не собирался навестить царя Иудеи Агриппу. Он сидел высоко на верблюде, загруженном товарами, и смотрел куда-то далеко, может быть, видел в своём воображении далёкую Индию, куда он направлял караван из сорока верблюдов и сорока купцов. Но он вёз туда не только груз прекрасных товаров из города Саломеи, но и впечатления об этом удивительном городе.

Где только он ни побывал, но города с таким укладом жизни он нигде не видел. Подумать только: «Любить ближнего своего как себя самого!» Где ещё живут люди по такому закону? Он, опытный водитель караванов по всему свету, не поверил бы никому, что такое может быть. Но увидев собственными глазами, как такая любовь воплощается в жизнь и во что преобразовывается облик города, какими счастливыми становятся сами люди, Хусеин поверил, что Христос действительно принёс закон Божий.

Он ходил по улицам города как по раю, разговаривал с людьми и думал, что они ангелы. Смотрел, как твори-

ли мастера в своих мастерских, и думал, что они боги. В каждой стране он будет не только продавать товар мастеров города Саломеи, но будет рассказывать людям о том, что значит жить по-христиански. Но найдёт ли он слова, чтобы объяснить кому-либо, какую совершенную красоту он увидел на улице Саломеи: это была девушка лет четырнадцати–пятнадцати, которая шла в окружении детей. Они звали её Саломеей.

Хусеин спешил в другие страны, поэтому останавливать караван, чтобы поклониться злобному царю Иудеи, он не собирался.

Но у сатаны были свои заботы. Он, паря невидимо над Хусеином, сопровождал его от города Саломеи. Он не осмеливался выйти в самом городе, ибо Светлая Сила, которая становилась всё мощнее в виде волн сознания, могла бы сжечь её, эту тёмную силу. И сатана терпеливо ждал, когда караван Хусеина тронется, пройдя по пути мимо Иерусалима. Нужно, чтобы именно Хусеин пришёл к царю Агриппе и, сам того не предполагая и нехотя, спровоцировал его против города Саломеи. Царь прислушивался к купцу, который многое видел, странствуя по свету, да ещё умел щедро одаривать.

Следующий за Хусеином верблюд неожиданно споткнулся о камень и рухнул на землю со всей своей тяжёлой ношей и сидевшим на нём хозяином, да так, что земля содрогнулась.

— Что такое? — обернулся обеспокоенный Хусеин.

Караван остановился. Многие слезли со своих верблюдов и попытались заставить верблюда встать. Хусеин осмотрел ногу верблюда, она была вывихнута.

Хусеин возмутился.

— Такого не бывает, верблюды не спотыкаются! — и, увидев камень, который, якобы, стал причиной падения, сказал с удивлением: — О такой камень только глупый человек может споткнуться, но не верблюд...

А сатана, невидимо парящий над озабоченными купцами и жалким верблюдом, злорадствовал.

Бросить верблюда и продолжать путь купцы не могли, ибо тогда надо было бросить и товар, и товарища с товаром. Покупать нового верблюда тоже было негде. Потому махнули рукой и решили подождать пару дней, пока верблюд не выздоровеет.

Вот так невидимый сатана спровоцировал Хусеина навестить царя. «Как-никак, царь узнает, что я был недалеко от Иерусалима и не пришёл к нему на поклон; он и обидится. А обида умножит в нем зло», — эта мысль не давала ему покоя. Он выбрал лучшие и самые дорогие изделия и пошёл к нему.

Царь обрадовался, увидев Хусеина.

— Расскажи о других странах! — сказал он купцу.

Сперва Хусеин передал ему дары.

Царя удивили красота и необычность ювелирных изделий.

— Из какой страны ты доставил мне такие вещи? — спросил он.

— Из твоей же страны, повелитель! — сказал купец. — Мастера Иудеи превосходят мастеров других стран, где я побывал!

Царь Агриппа ещё больше удивился.

— Где же в Иудее такое делают?

Хусеин искренне хотел доставить царю удовольствие и произнёс с восхищением:

— Царь Агриппа, город Саломея — самый прекрасный город... Там и есть эти чудо-мастера...

— Какой город? — переспросил царь.

— Саломея... Город райской жизни... Богатый... С мудрыми порядками новой веры...

Царь впервые слышал о городе Саломее, который был в его царстве, но показать купцу, что он не знает, о каком городе идёт речь, не хотелось.

Затем Хусеин рассказал царю, с какими впечатлениями он возвращается из Саломеи и какой товар везёт на сорока верблюдах в далёкую Индию. Наконец Хусеин сказал:

— Повелитель, в этом городе есть ещё одно чудо, была бы у меня власть, я доставил бы тебе его... оно есть лучшее в мире филигранное творение!

— И что же это? — спросил царь с нетерпением.

— Это четырнадцатилетняя девушка, которую зовут Саломея, и в её честь город назвали Саломеей...

Сатана, который невидимо парил над ними, был доволен: Хусеин ушёл со своим караваном, а царь Агриппа потерял покой.

Царя совсем не порадовало, что в его царстве есть такой необычный, красивый и процветающий город, где людям живётся хорошо. Он был разгневан тем, что город этот живёт по законам «лжепророка» Христа, и люди себя там называют христианами. Царь преследовал апостолов Христа и их последователей. Но они, видите ли, в его царстве, без ведома царя, создают город и устанавливают свой порядок жизни. Как он теперь поступит с этим городом, который называется Саломея? Конечно, он разрушит, ограбит, сожжёт город, перебьёт всех жи-

телей, кроме одной, той самой красавицы, которую зовут Саломея. Он её заберёт и возьмёт себе в наложницы.

— Саломея! Интересно, какова её красота?

Его охватило нетерпение.

Нетерпением горел и сатана: вот-вот должен прийти к царю Агриппе прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Это он, сатана, спровоцировал прокуратора объединиться с царём против города Света. Если они объединятся, то будут разрушены и город Солнца, и город Саломея, будут уничтожены все, кто стал приверженцем Христа. Сатана предвкушал эту победу, потому и волновался, что прокуратор запаздывал.

Но нет, он прибыл.

Царь не любил его, ибо тот являлся представителем власти Римской империи, поработителя Иудеи. Он внимательно наблюдал за всякими действиями царя: не делает ли он чего-либо против Римской империи, не готовит ли восстание против римлян. Царь Агриппа чувствовал себя в своём царстве неполноправным властелином. Прокуратор со своей стороны тоже недолюбливал Агриппу. Но обстоятельства вынуждали его жить с ним в согласии.

Царь принял прокуратора как самого желанного гостя и своего большого друга.

Сатана парил над ними и волновался.

— Боги мои! — воскликнул царь, увидев гостя. — Прокуратор, какие дела привели тебя ко мне?

— Дела очень важные, царь Агриппа, — сказал Понтий Пилат, — они задевают интересы и Иудеи, и Римской империи...

Царь многозначительно покачал головой.

— Царь Агриппа, — начал прокуратор, — ты знаешь, что я получил приказ императора Тиберия арестовать правителя провинции...

Да, конечно, царь Агриппа многое знал из того, что так волнует прокуратора. Знал даже больше, чем прокуратор мог предположить. Царь догадывался, зачем прокуратор пришёл к нему — из-за города Солнца, а точнее, из-за неуловимого правителя провинции Юстиниана.

Три года тому назад приказ императора об аресте Юстиниана получил четвертовластник Герод Антипа. Тогда Понтий Пилат был обижен на императора, что тот обошёл его и такое важное поручение дал человеку, стоявшему ниже по должности. Потому прокуратор даже порадовался тому, что произошло тогда с Геродом Антипой: он каким-то странным образом сдал Юстиниану в плен всех своих легионеров, а сам принял христианство и куда-то скрылся.

А в прошлом году приказ об аресте Юстиниана и его жены получил уже прокуратор. Он сразу направил против города Солнца пятьсот легионеров, хорошо их вооружив. Он отдал распоряжение военачальнику ограбить город, сжечь его дотла и перебить всех жителей. Юстиниана и его жену, а также его главных помощников арестовать и доставить к нему. Далее прокуратор собирался сам отвезти их в Рим и представить перед императором. Всё это знал царь Агриппа, знал ещё, что прокуратор дал военачальнику тайное поручение: из Храма Христа украсть Крест Христа и доставить ему, а Храм сжечь.

И что же получилось из этого похода?

Он закончился более странно и загадочно.

Вот что знает об этом царь Агриппа. Пятьсот легионеров собрались окружить город Солнца. На крепостных стенах города, казалось, не было ни одного стражника и наблюдателя. Военачальнику легионеров показалось, что город пуст. В это время ему сообщили, что нашли тайный подземный вход в город. Военачальник решил воспользоваться им. Вход оказался широким, и все пятьсот легионеров со своим военачальником смогли быстро пройти внутрь. Но затем, по мере продвижения вперёд по туннелю, он все суживался, и передвигаться можно было только по одному, выстроившись в ряд. Военачальник забеспокоился и решил вернуть войско назад. Но выяснилось, что широкий вход перекрыт. Легионерам ничего другого не оставалось, кроме как идти вперёд. В конце туннеля виднелся достаточно узкий выход. Но как только легионер выходил из туннеля, стража в несколько человек его тут же бесшумно разоружала, уводила куда-то и бросала там. Была ночь, и легионеры не могли понять, где они находятся, и, вообще, находились ли они в плену или на свободе. Так пятьсот легионеров со своим военачальником без всякого шума оказались за глухо закрытыми воротами города. Вдруг над ними раздался страшный гром, и засверкали молнии. Гром и молнии повторялись вновь и вновь. Насмерть перепуганные легионеры разбежались кто куда, а гром и молнии преследовали их.

Прокуратор, конечно, обо всём этом ни слова не скажет царю, ибо свой стыд и срам он не захочет огласить.

А теперь он пришёл к царю Агриппе, не имея другого выхода. Если прокуратор в скором времени не арестует Юстиниана и его жену и не направит их в Рим, то император арестует его самого. Значит, прокуратору нужна

помощь царя. За этим он и пришёл к нему, но взамен он должен предложить царю что-то достойное.

— Царь Агриппа, — начал прокуратор, — ты знаешь, что я получил приказ императора Тиберия арестовать Юстиниана и его жену и доставить их в Рим. Его обвиняют в измене и покровительстве христианам. Если мы объединим наши войска, то сможем разгромить и сжечь это христианское логово, которое назвали городом Солнца. Я знаю, что ты жаждешь завладеть неким Крестом, который, как говорят, чудотворный. Я тоже хотел бы иметь его, но уступаю тебе. И открою тайну — Крест находится в Храме Христа, который рядом с городом Солнца. Предлагаю также поделить поровну всю добычу... Что скажешь, царь Агриппа?

Сатана встревожился, заволновался. Что скажет царь? Конечно, согласится, но сатана желал услышать об этом поскорее. Он попытался загнать несколько мыслей в голову царя, чтобы тот в своём согласии пошёл дальше.

И царь Агриппа подумал: «Да, Крест достанется мне, это хорошо, только пусть потом прокуратор со своим войском поможет разгромить город Саломею, чтобы красавица мира тоже стала моею».

— Прокуратор, какие нам понадобятся войска? — спросил царь.

— Думаю, нам надо выставить по десять тысяч хорошо вооружённых воинов...

— Город так надёжно укреплён?.. Как-никак, двадцатитысячное войско — мощная сила!

— Мы не знаем об укреплении города, но мы должны быть готовы! — сказал прокуратор.

— А если тебя поддержу против города Солнца, ты поможешь мне разгромить другое христианское логово, которое называется город Саломея? — царь бросил на прокуратора испытующий взгляд.

Прокуратор, конечно, не хотел втягивать римские войска в дела иудейские, тем более не получив на это согласие римского императора, но почувствовал, что иначе царь Иудеи откажет ему в поддержке. «Согласись... согласись... потом видно будет», — шептал невидимый сатана прокуратору. И тот со скрипом сердца ответил:

— Хорошо, царь Агриппа, помогу!

Так сатана объединил силы тьмы против светлых маленьких городов Солнца и Саломеи.

ГЛАВА 28

Царь и прокуратор договорились через месяц направить свои войска против города Солнца. Им нужно было хорошо вооружить и подготовить своих воинов для сражения. Тем более что вскоре после встречи каждый из них получил от императора Тиберия указания: усилить и ужесточить преследования «так называемых» апостолов Христа и их последователей; не давать им возможность распространять свою религию и образовывать свои общины. «Убивайте любого, кого будете подозревать в христианстве, вешайте и предавайте распятию», — приказывал император. Царю и прокуратору надо было объяснить своим воинам приказ императора и настроить их на беспощадность против всех жителей города Солнца.

Сатана парил то над царём Агриппой, то над прокуратором Понтием Пилатом и поощрял их жестокие намерения. Но на всякий случай посеял он в каждом из них коварство и недоверие друг к другу. Для сатаны было очень важно, чтобы Крест Христа был похищен и уничтожен. Он пока не знал, что действительно чудотворный Крест, да ещё и чудотворная Икона хранятся в Пещере

Господа. К этой Святыне у него не было доступа. Он верил, что Крест, хранившийся в Храме Христа, и есть тот самый, который сотворил старый ювелир Захарий по воле и вдохновению Высших Сил Света. Потому он наставлял и царя, и прокуратора на его немедленное похищение, а потом сделает всё, чтобы Крест был сожжён.

О том, что чудотворный Крест находится в Храме Христа, царь Агриппа узнал от прокуратора. Он потерял покой: а если хранители Креста упрячут его в другое место? А если его похитит кто-либо другой? Этого он не мог допустить.

Сразу после ухода прокуратора царь позвал своего военачальника и спросил:

— Скажи, ты узнал, где находится Крест?

Военачальник замялся.

— Нет ещё, мой повелитель!

— Знаешь ли что-нибудь о городе Солнца?

Военачальник съёжился.

— Нет, мой повелитель!

— Что ты знаешь о городе Саломея?

— Нет такого города в Иудее! — осмелился возразить военачальник.

— Нет такого города?! — разгневался царь на своего военачальника, которому лучше было бы сейчас провалиться сквозь землю. — Уже пять лет, как город существует, процветает, богатеет! Город с христианами! Город торгует со всем миром! А ты говоришь, что его не существует?! — закричал царь. — На что мне такой военачальник... Голова у тебя навозом набита! Баран, а не военачальник! Стража! — бушевал царь.

Военачальник бросился к ногам царя.

— Повелитель, я всё сделаю для тебя... Не казни меня! — взмолился он и заплакал.

Стража стояла у входа и ждала приказа царя.

— Уходите! — приказал царь страже.

Военачальник чуть успокоился.

— Я твой раб, мой повелитель! — бормотал он.

— Так вот, раб мой, дам тебе последнее задание.

Не выполнишь, сам отсечёшь себе голову, понял?

— Да, мой повелитель... выполняю...

— Тогда слушай. Римский вельможа, правитель провинции Юстиниан построил город на берегу реки Иордан и назвал его Солнцем... Там он поселил несколько тысяч христиан и устроил им райскую жизнь. На другом берегу, рядом с городом, он построил Храм Христа. А Крест упрятан, как ты думаешь, где?

— В этом Храме, повелитель...

— Тогда скажи, — промолвил царь шёпотом, давая знать, что это очень секретное дело, — как нужно действовать?

К удивлению царя, набитая навозом голова угодила ему.

— Мой повелитель, надо украсть Крест, а потом разрушить и Храм, и город...

— Так-так... — сказал царь. — А теперь слушай дальше. Пока ты забивал голову навозом, у южных границ Иудеи родился ещё один город христиан, который они называли Саломея, и знаешь, почему?.. — царь опять придал своему голосу строжайшую секретность. — Потому что там живёт самая прекрасная в мире девушка, которую зовут Саломея... Ты соображаешь что-нибудь, осёл?

— Да, мой повелитель...

— И как будешь действовать?

— Всех христиан перебью... Город ограблю и сожгу...

А красавицу девушку Саломею доставлю вам...

— Сжигать, убивать и грабить мы будем позже... — сказал царь. — Но если ты выйдешь отсюда живым, скажи, чем ты займёшься немедленно?

Военачальник опять угодил царю.

— Похищу Крест из Храма и девушку Саломею из города Саломеи...

— Пошлешь на это дело самых опытных и хитрых людей и сделаешь всё без шума и секретно... Ты понял? — строго спросил царь.

— Да, мой повелитель! — ответил военачальник.

— Хорошо... Иди! — приказал царь. Тот встал, низко поклонился царю и попятился задом к выходу. — Подожди, — сказал вдруг царь, — скажи, что ты сделаешь, если задание не выполнишь?

Военачальник затрясся всем телом.

— Отсеку сам себе голову, мой повелитель! — сказал он дрожащим голосом.

Сатана, парящий над ними, был доволен.

...Как только прокуратор вернулся от царя в свой дворец, сразу же вызвал своего военачальника и спросил то же самое:

— Ты узнал, где христиане прячут свой Крест?

Понтий Пилат вовсе не собирался уступить Агриппе чудотворный Крест, который ему был безразличен, но жена не давала покоя. Она постоянно высмеивала и ругала мужа и его легионеров, которые в недавнем прошлом вместо того, чтобы искать Крест, переделались в женские

одежды и прыгали и бегали по улицам Иерусалима, как жалкие клоуны. И в этот раз она опять сказала мужу, где находится Крест. Она не поведала мужу, кто ей об этом сообщил, но поставила условие: «Если не достанешь Крест Христа, то брошу тебя и вернусь в Рим».

Понтий Пилат думал, что ему удалось обмануть царя, уступив, якобы, Крест. На самом деле у него были другие планы. Потому он и вызвал своего военачальника.

— Значит, ты не знаешь, где христиане прячут свой Крест?! Что мне с тобой сделать?.. Выгнать надо тебя, вот что!

Военачальник перепугался не на шутку.

— Если я скажу тебе, где он находится, что ты сделаешь? — спросил прокуратор.

— Достану немедленно! — с жаром воскликнул военачальник.

— А если упустишь? Если твои легионеры опять потеряют рассудок?

— Такого больше не будет, прокуратор! — сказал военачальник.

— Хорошо, дам тебе последнее испытание... — прокуратор пальцем подозвал военачальника поближе к себе в знак того, что сейчас сообщит ему важнейшую тайну. — Крест свой христиане прячут в Храме Христа, понял?.. Как теперь будешь действовать?

— Прокуратор, пошлю трёх надёжных и ловких молодых легионеров...

— И что они сделают?

— Похитят Крест...

— Как похитят?

— Тайно, прокуратор, чтобы никто не узнал, кто похитил Крест!

— А потом?

— Потом доставлю тебе Крест...

— Ты знаешь, что такое тайна?

— Да, прокуратор!

— Тогда приступай немедленно! — приказал прокуратор.

Сатана парил над ними и радовался, что всё идёт по его плану.

В ту ночь из Иерусалима вышли три человека с крепкими ногами. Они были одеты как крестьяне, и если бы кто спросил, кто они и куда путь держат, они бы ответили: «Мы братья, женились на трёх сестрах и идём навестить тещу». Это были люди царя Агриппы.

В ту же ночь чуть позднее из Иерусалима выехали ещё трое на осликах. Они выглядели как мелкие перекупщики. Если бы кто спросил у них, кто они такие и куда направляются, у них тоже был готов ответ: «Они римляне и занимаются перепродажей благовонных масел». Но в действительности это были люди Понтия Пилата.

Вскоре торговцы благовониями на осликах догнали «трёх братьев», доверявших своим крепким ногам. «Торговцы» поздоровались с «братьями», обменявшись своими заготовленными ответами. И так как выяснилось, что теща живёт там же, где готовят благовония, то им пришлось составить друг другу компанию. Точнее, «торговцы» пытались оторваться на своих осликах от «братьев», но крепкие братья оказались ещё и быстроходными.

Поверили ли «братья» «торговцам», что они без ума от Иудейских благовоний? Нет, конечно.

И «торговцы», разумеется, были не так уж наивны, чтобы поверить в привязанность к «теще».

Но каждый из «братьев» и «торговцев», железно храня свою тайну, не мог вслух обсуждать ее с товарищами и делиться своими сомнениями, которые умещались в трёх словах: «Они тоже туда».

К утру «торговцы» всё же смогли оторваться от «братьев»...

...Город Солнца жил солнечной жизнью.

Рано утром Августа прикоснулась к струнам своей золотой арфы, и её чарующий голос полетел гонцом к Солнцу. Его догоняли звонкие голоса детей, и над городом засияла радость наступающего дня.

*По велению Творца
Взойдет с Востока Солнце,
Чтобы дать жизнь существу
И утвердиться Истине...*

Солнце приняло гонцов и по велению Творца взглянуло на мир сперва одним глазом, потом — вторым, потом — сотым, тысячным и, наконец, бесконечным.

И люди города Солнца просыпались с улыбками.

А Илья стоял в своём уединённом месте и всматривался в восходящее Солнце. И как только первый луч Солнца лёг у его ног, он побежал по нему, как по тропинке, вверх и утонул в палящем огне, как песчинка в море. Он пробирался всё вглубь и вглубь, пока не оказался перед его мощно бьющимся сердцем, извергающим через бесконечное множество лучей Вселенскую Истину Справедливости. Ни одному новорождённому лучику Сердце не давало возможности избирать, что освещать и кому светить.

«Всеми лучами освещать Всё и светить Всем», — вот какую Вселенскую Истину Справедливости увидел, почувствовал, пережил и вместил в себя Илья. Светить Всем, но не без причины, а потому, чтобы зажечь Человеческое Сердце, и тогда Сердце Человека станет Солнцем Всех Солнц.

Тем временем «торговцы благовониями» слезли со своих ослов неподалёку от Храма и укрылись от людских взоров. Но Солнце улыбнулось каждому всеми своими лучами любви и надежды. Однако «торговцы» не поняли надежду Солнца, но, взглянув на Него, сказали: «Сегодня будет жаркий день».

Но и крепконогие «братья» тоже нашли укрытие вблизи Храма. Солнце улыбнулось им тоже, однако они не поняли Его улыбку. Но они хорошо поняли всё, когда из своего укрытия, недалеко от себя, увидели уши ослов, укрытых в кустах.

В это же самое время сатана парил то над «братьями», то над «торговцами», натравляя их друг на друга и напоминая им наказ своих военачальников: «Вернётесь без Креста — отсеку головы!»

ГЛАВА 29

С того самого дня, как Симон Кананит благословил Храм Христа, для Феофила и Филиппа он стал домом. Филипп поддерживал Храм в порядке, а Феофил украшал его округу великолепными скульптурами.

По распоряжению Юстиниана с отдалённых гор несколько сотен рабочих перетащили на территорию Храма двенадцать огромных мраморных глыб и поставили каждую на то место, где, по намерению Феофила, должна была стоять будущая скульптура. Потом вокруг какой-либо из них он сооружал укрытие и работал в нём. Как и раньше, он не допускал, чтобы кто-либо взглянул на ещё не завершённое творение. Но когда скульптура была готова, он убирал укрытие, и скульптура начинала жить, она радовала, восхищала и удивляла людей.

Так он закончил одиннадцать скульптур. Они стояли вокруг Храма и рассказывали людям о Ноевом Ковчеге, о Моисее, о Христе, о жителях города Солнца.

Сегодня Феофил намеревался убрать укрытие последней, двенадцатой, скульптуры. Над ней он работал очень долго. Никто не знал, что он сотворил внутри

укрытия. Люди помнили лишь, что полгода тому назад под укрытием осталась самая большая глыба мрамора высотой в пять стоящих друг на друге людей и примерно с такой же окружностью.

После утренней молитвы вокруг укрытия собралось много народу.

Иаков, Августа, Юстиниан, Илья, Филипп с нетерпением ожидали увидеть новое творение великого мастера. Агни, в предвкушении стать свидетелем чего-то необычного, протиснулся вперёд.

— Ну, как, Феофил, можно снять укрытие? — спросил Иаков.

— Да, пусть снимут! — сказал Феофил.

Десять рабочих разобрали сначала крышу, потом — стены. И когда, наконец, вся скульптура открылась перед людьми, им ничего не оставалось, кроме как ахнуть от великого удивления: Иисус Христос, во весь рост, с поднятыми к небу руками, парил в воздухе на высоте пяти стоявших друг на друге людей. На парящего Учителя взирали двенадцать Его учеников: кто — с восхищением, кто — с удивлением, кто — со страхом, кто — стоя на коленях, кто — пытаюсь взлететь вместе с Ним.

Августа и Юстиниан, видевшие творения всех римских и греческих мастеров, на этот раз оказались перед чудом. После долгого молчания, вызванного величайшим изумлением, Августа робко спросила:

— Феофил, как эта огромная фигура парит в воздухе?!

Феофил ответил спокойно и с верою:

— Госпожа, это не фигура, это Иисус Христос, и он возносится в Небеса.

— Да... Он возносится... — задумчиво произнесла Августа. — Но на что Он опирается, Он же в воздухе?..

Филипп пояснил:

— Госпожа, ему не нужно на что-либо опираться, Он же Христос и летит ввысь, к Отцу небесному.

Но Августа не могла понять: огромная скульптура Христа, изваянная из тяжёлого мрамора, парила в воздухе. Как это могло быть?

— Феофил, — сказала она взволнованно, — это же мрамор, он тяжёлый и может упасть?!

Феофил пояснил опять спокойно и уверенно:

— Госпожа, это уже не мрамор... Был мрамором, но стал Христом. Он может только взлетать, а падать — никогда.

Иаков тоже не мог понять, о чем говорит Феофил, так же, как не мог понять, какая сила удерживала тяжёлую фигуру над землёю. Он твёрдо знал, что такого не бывает.

— Сын мой, — сказал он, — скульптура из тяжёлого камня должна стоять на чем-нибудь, на земле...

Феофил добродушно улыбнулся.

— Иаков, это же не скульптура... — он вошёл в круг Апостолов и посмотрел на парящего Христа снизу. — Иаков, это мгновение жизни Иисуса Христа, Господа... Они живые Апостолы... Иисус стоял здесь, где я сейчас стою, но потом Он вознёсся... Я уловил только вот это мгновение... Видишь, Он возносится...

Но никто толком ничего не понял.

Такого не может быть, чтобы скульптура из мрамора держалась в воздухе неподвижно. Но раз это есть, и каждый воочию видит, значит, это чудо. А маленький маль-

чик, который тоже непонятным образом стал великим мастером, сотворил чудо.

Догадывался, может быть, только один — Филипп. И кому он мог объяснить, что изваянного в мраморе Иисуса Христа в воздухе держит Вера Феофила. Если она ослабнет хоть немного, всё построение может разрушиться мгновенно. «Но Вера Феофила такая могучая, — думал Филипп, — что выдержит Вечность».

Взрослые пугались войти в круг Апостолов, как Феофил, и постоять под скульптурой в воздухе, а вдруг упадёт. Но дети не побоялись, они и не удивлялись, а радовались и восхищались красотой. Дети верили, но не в чудо, а в то, что Иисус Христос только что оторвался от земли и возносится в небо.

Агни тоже верил в вознесённого Христа.

Он восторженно смотрел на взлетевшего Мессию. Ему не терпелось быстрее вернуться в Саломею, чтобы рассказать всем об увиденном и утвердиться там в новом имени и огненном крещении. Он подошёл к Иакову и общил, что собирается вернуться обратно. Иаков благословил его, а Феофил и Филипп проводили до большой дороги.

Вечером произошло ещё одно событие — венчание. Молодой человек брал в жёны обаятельную девушку. От имени Бога Иаков связал их судьбу на земле и на небе. Когда молодожёны вышли из Храма, дети встретили их пением. Торжественное шествие направилось в город.

Сидевшие в своих укрытиях «торговцы» и «братья» нервничали, ибо удобный момент не наступал ни для одних, ни для других.

— Что будем делать? — шептали «торговцы».

— Что будем делать? — шептали «братья».

Они зорко следили из своих укрытий друг за другом, боясь, чтобы противник не опередил их.

После полуночи долгожданный удобный момент, наконец, настал: Иаков попрощался с Феофилом и Филиппом и направился к воротам города Солнца. Феофил и Филипп закрыли двери Храма.

Вокруг царила тишина.

«Действуйте!» — зашипел сатана.

Первыми начали действовать «торговцы благовоениями». Один из них вышел из укрытия и побежал в сторону Храма. Двое погнались за ним.

«Братья» заволновались, но не растерялись. Они сразу перестроили намеченный план.

— Мы подкрадёмся к этим двоим и убьём их... А того убьём потом, когда он выйдет из Храма с Крестом...

Втроем, пользуясь своими крепкими и быстрыми ногами, «братья» бесшумно догнали двух «торговцев».

Те тоже были не совсем глупые.

Завязалась драка, засверкали кинжалы.

Спустя всего несколько мгновений четверо легли на землю и больше не поднимались.

Один же, оставшийся в живых, то ли «брат», то ли «торговец», двинулся к Храму.

«Торговец», который первым побежал к Храму, постучал в дверь и умоляющим голосом произнёс:

— Скорее откройте дверь... укройте меня, христианина... за мной гонятся... Откройте, христиане... Я тоже христианин... спасите... — так он говорил и стучал.

Филипп зажёл свечу. Прислулся Феофил.

— Что случилось?

— Кто-то просит убежище, говорит, что христианин...

Филипп направился к двери.

— Откройте, ради Христа... быстрее... спасите... откройте... спасите...

— Сейчас, сейчас! — Филипп дал Феофилу подержать свечу.

Он снял с дверей тяжёлую задвижку.

И не успел Филипп взглянуть на входящего, как тот вонзил ему в сердце кинжал с отравленным острием. Филипп тут же упал у двери.

Феофил тоже не понял, что с ним произошло, и упал рядом с Филиппом.

Но небытие длилось всего три секунды.

Филипп ещё думал, что он спешит открыть двери, чтобы приютить и спасти христианина, за которым гонятся, как увидел себя, лежавшего у массивных дверей Храма.

Но его ужаснуло то, как безжизненно лежал рядом с ним Феофил. Ужаснулся он ещё больше, когда увидел тёмного человека, забирающего с алтаря Крест и Икону.

Он бросился на него с отчаянным криком: «Не смей... Не трогай!» И хотел отнять у него Святыни, которые тёмный человек бросал в мешочек, висевший у него на шее.

Но руки Филиппа не смогли охватить ни Крест, ни Икону, ибо пальцы его проходили сквозь них. И голос его звучал не как в Храме. И хотя он всей силой отталкивал тёмного, но совсем не чувствовал, что набрасывался на что-либо.

«Феофил... Феофил!» — кричал Филипп.

Он бросился к нему и удивился, почему они вдвоём так мирно лежат у дверей. Хотел встряхнуть Феофила, но руки его прошли сквозь тело друга, сквозь собственное тело.

«Феофил!» — закричал он отчаянно.

И вдруг услышал за собой голос Феофила: «Филипп, я здесь!»

Он обернулся и увидел Феофила, парящего в воздухе.

Филипп только сейчас осознал, что сам тоже парит над своим телом.

«Феофил, он уносит Крест и Икону... Он похищает их... Я не могу помешать ему... Что со мной происходит?.. Что с тобой происходит? — Он убил нас, Филипп... — А как же с Крестом и Иконой... Видишь, он ногой отталкивает наши тела... Выходит из Храма...»

Но в это время их окружил ослепительный Свет, который сразу преобразился в фиолетовый огонь, и он унёс их ввысь...

А «торговец» ногой оттолкнул тела мальчиков, мешавшие пройти к дверям.

Дело сделано.

Сейчас он выйдет из Храма и увидит товарищей, которые должны были охранять его от «братьев».

Он погасил свечу и осторожно высунул голову за дверь.

Где они?

Он вытянул шею, чтобы хорошо оглядеться вокруг.

«Торговец» лишь успел почувствовать под затылком касание чего-то холодного.

И в ту же секунду его глаза в тусклом свете увидели тело без головы, которое падало прямо на него. Он не успел разглядеть, чьё это было тело. Больше ничего.

Оставшийся в живых «брат» схватил отброшенный от тела мешочек, проверил содержимое, и, убедившись, что в нём есть Крест, бросился подальше от Храма. Ему предстоял ночной путь до Иерусалима.

Он бежал по дороге испуганный, что за ним гонятся. И так почти до рассвета. И хотя он был крепконогим и быстрым, тем не менее, устал, еле дышал. И в это время на беду свою он обнаружил, что перепутал дорогу и бежал всю ночь вовсе не в сторону Иерусалима, а совсем в другом направлении. Он ужаснулся, потом споткнулся, упал и не смог встать. Сердце стучало, гудело, разрывалось и, наконец, остановилось. В это же самое мгновение он увидел, что такое ад.

ГЛАВА 30

Сатана, который парил над ним и сопровождал его, захихикал. Значит, с ним тоже покончено. Теперь нужно, чтобы некий прохожий вырыл яму и бросил его туда вместе с мешочком. Так пропадут все следы Креста, а со временем земля съест Его. Но кто это сделает? Пока нет прохожих... Но нет, есть! Вот идёт человек, вроде бы, милосердный. Пусть он похоронит последнего «брата». Сатана подлетел к нему: «Ты сейчас увидишь покойника, ты добрый, похорони его».

Ой, знал бы сатана, кто он, этот путник, и какую роковую ошибку он допускает! Но сатана пока ничего не знает о путнике, и потому внушает ему проявить милосердие.

Путник увидел лежавшего на дороге человека.

«Будь милосердным...» — шепчет ему сатана.

Но путник и так милосердный, потому шипение сатаны не проникает в его мысли и чувства.

Он подошёл к лежавшему на дороге человеку, присел на корточки, приложил ухо к его сердцу, проверил пульс, и на его лице отразилось глубокое сострадание.

— О близкий мне человек, тебе уже не нужна моя помощь! — с грустью воскликнул он. — Только помолюсь Господу моему Иисусу Христу, чтобы Он принял душу твою! — и, плача, он начал молиться.

«Что он мелет?! — возмутился сатана и напустил на него всю мощь своей тьмы, — Прекрати молиться... Его душа уже в моих владениях... Хорони его, слышишь... Хорони его!»

Но путник не спешил. Он закончил молитву и оглянулся — где бы его предать земле. Приметил место, недалеко от дороги. Поднял усопшего ближнего и перенёс на то место. Потом нашёл крепкую острую палку и ею начал копать могилу. Тем временем рассвело. Путник подошёл к усопшему...

«Бросай скорей в могилу... бросай в могилу!» — приказывал сатана.

Но приказ не проникал в мысли и чувства Божьего человека. Он подошёл к мёртвому и до того, как предать его земле, подумал: «Надо же узнать, кто он, чтобы сообщить его родным!»

«Не надо... не надо!..» — кричал сатана.

Путник увидел висевший на шее усопшего мешочек. Снял его и открыл.

Сатана пришёл в отчаяние и ярость, его гнев сотрясал пространство: «Не смей трогать мешочек... Не смей открывать... Бросай мертвеца с его мешочком в могилу!»

Но путник, озадаченный судьбою ушедшего из жизни, не слышал голоса сатаны, не чувствовал его гнева. Он развязал мешочек и достал содержимое. Увидев Крест Христа, он ужаснулся, упал на грудь усопшего и заревел.

— Брат мой, какая тьма принудила тебя совершить такой грех... Брат мой, как ты искупишь столь тяжкий грех... Господи Иисус Христос, помилуй его, как Ты помиловал меня и отпустил грехи мои... — ревел путник, оплакивая погибшую душу.

Сатана больше всего боялся силы Креста и, увидев Его, испустил вопль от такой ужасающей боли, какую не знал за всё своё вечное существование. А когда из мешочка, которым размахивал путник, оплакивая душу усопшего и последними силами стараясь спасти её от гибели, выскользнула Икона Христа, упав на грудь мёртвого, мощнейший удар волны Света отбросил сатану за тридевять морей и земель. А всё царство тьмы содрогнулось в девять раз мощнее.

Путник, увидев образ Христа на груди ближнего, воскликнул:

— Слава Тебе, Господи... Ты простил ему грех, ибо не знал он, что творил... Слава Тебе, Господи, что услышал меня...

Он похоронил его, положил в мешочек Крест Христа и Икону Христа, и повесил его себе на шею.

Уже совсем рассвело. Первые лучи Солнца обласкали его красные от слёз глаза. Он оглянулся, чтобы сообразить, где находится. И опять удивился Божьему чуду: он похоронил человека на том же самом месте, где когда-то силою Креста Христа был воскрешён Феофил, а сам стоял на том месте, где тогда упал на землю и закричал: «Иисус всемогущий, Ты воскресил мёртвого... Хвала Тебе, Господи... Я раб твой...»

Неподалёку он увидел тот самый перекрёсток. Огромный медведь, которого звали Бунгло, повёл тогда своих друзей вот в этом направлении.

И Джамал с мешочком на шее зашагал в том же направлении.

Спустя некоторое время он увидел мальчика, шедшего впереди него. Джамалу было скучно идти одному. Он ускорил шаг и догнал мальчика.

— Добрый день! — приветливо сказал Джамал и обрадовался, когда тот так же доброжелательно ему ответил. — Куда ты направляешься, может быть, нам по пути? — спросил Джамал.

— Скажу, но вряд ли тебе известен этот город...

— Какой город?

— Город называется Саломея! — ответил Агни.

Джамал насторожился.

— Такого города я не знаю, но зато знаю удивительную девушку по имени Саломея! — сказал Джамал.

А теперь насторожился Агни:

— Откуда ты знаешь Саломею?

— А что, ты тоже её знаешь?

— Она моя учительница...

— Я знаю ещё Иорама, Захария, Ра... Знаю Бунгло, огромного медведя, их друга.

— Откуда же ты их знаешь? — допытывался Агни.

Джамал рассказал, как они сделали его христианином.

Они ещё поговорили о том, о сём. И между ними возникли доверие и взаимопонимание.

Тогда Джамал сказал Агни, что идёт к Саломее, и объяснил причину.

— Как, — воскликнул Агни с ужасом, — у тебя в этом мешочке Икона?.. Я же вчера утром сам доставил Её Иакову!

И Агни рассказал, как заслужил своё имя.

— Я же не получу огненного крещения... Потеряю имя Агни... — мальчику хотелось плакать.

Джамал понял, что святые вещи принадлежат Храму Христа.

— Постой, не горюй! — сказал он Агни. — Пошли обратно... Если не будем себя щадить, то к утру сможем доставить Крест и Икону в Храм Христа...

— Джамал... — произнёс Агни, и в голосе его зазвучали любовь и благодарение.

— Агни... — произнёс в ответ Джамал, а голос говорил: «Мы же братья христиане...»

...Страшное зрелище открылось перед Иаковом, пришедшим рано утром в Храм Христа. Он сел у порога Храма и долго плакал. «Филипп... Феофил... Филипп... Феофил...» — повторял он молитвенно имена мальчиков, гладил их по голове, ерошил им волосы. Ласкал щеки: «Феофил... Филипп... Дети мои...»

Потом пришла Августа, и из сердца её потоком хлынули слёзы...

Потом пришёл Юстиниан и тоже заплакал...

Прибежали дети и, увидев, что убитые Феофил и Филипп лежат у дверей Храма, заревели...

Собрался весь город Солнца, и сердца людей обливались кровью...

Плач... Страдание... Возмущение...

Море любви...

Море слёз...

Пришёл отец Филиппа и, увидев бездыханное тело сына рядом с телом Феофила, вознёс руки к небу и закрыл-

чал всеми чувствами отца, который лишился сразу обоих сыновей:

— Фили-и-и-ипп... сын мо-о-ой... ты слышишь меня-а-а-а... Береги-и-и Феофила-а-а...

Да, Филипп слышал плач отца и хотел утешить его, сказать, что они поднимаются в небеса. «Оте-е-ец!» — звенел в беспредельном пространстве голос Филиппа, но отец не мог его услышать, и потому оставался безутешным.

Их похоронили в Храме Христа.

Но как быть с врагами, которые убили сынов Христа и похитили святыни Храма? Пять тел лежали рядом друг с другом недалеко от парящего в воздухе Христа.

Иаков обратился к возмущённому, разгневанному народу, который требовал бросить эти тела собакам и зверям на растерзание.

— Братья и сестры, настал час для испытания наших душ. Сказал нам Господь наш Иисус Христос: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, делайте добро ненавидящим вас и молитесь за тех, кто вытесняет и гонит вас». Вот перед нами враги наши. И пусть возвысится душа каждого из нас над ненавистью, злобой и мщением, и пусть каждый устремится к такому же совершенству, как совершенен Отец наш Небесный... Итак, братья и сёстры мои, молитесь от чистого сердца за врагов наших, пусть Всемогущий Бог простит им грехи и приютит их души...

Люди расчувствовались. Молитва их фиолетовым огнём сгустилась над погибшими.

И похоронили Филиппа и Феофила недалеко от Храма Христа...

А утром следующего дня всем на радость Иаков объявил, что по воле Бога Крест и Икона вернулись обратно в Храм, и благословил он рабов Христа Джамала и Агни.

...Спустия день на том же перекрёстке дорог Джамал и Агни, перед тем как расстаться друг с другом, присели у обочины дороги.

— Вот там я его похоронил! — сказал Джамал с грустью и показал на холмик чуть поодаль от дороги.

Несколько минут они сидели молча.

— Ты очень хороший, Джамал! Я расскажу о тебе Саломее... Расскажу всем... — Агни очень не хотелось расставаться с новым другом.

— Ты тоже хороший, Агни... Я рад, что Саломея подарила тебе такое прекрасное имя...

— Пойдем со мной, Джамал, тебе понравится в нашем городе!

— Но кому же тогда ходить по Белому Свету и рассказывать людям, как на этом перекрёстке дорог Крест Христа воскресил мёртвого... Теперь я буду ещё рассказывать, как этот воскресший мальчик создал мраморную фигуру Христа, и она держится в воздухе!

— Ты о Феофиле...

— Да, о Феофиле... — и Джамал расчувствовался.

Они встали, крепко обнялись, пожелали друг другу Божью милость.

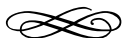
Агни зашагал в сторону города Саломеи. Шёл он два дня.

Саломея, увидев уже не Хама, а Агни, обрадовалась.

— Саломея, назови меня! — попросил Агни, ему хотелось услышать от неё своё имя.

— Агни... Агни... Агни... — произносила она новое имя мальчика то с восторгом, то с удивлением, то с признательностью, — Агни... Агни... Агни... — и в голосе Саломеи звучали любовь, вера, радость. — Очистилась твоя душа, Агни, ты превзошёл себя, и это есть самое большое твоё достижение...

Агни был счастлив.

ГЛАВА 31

Ночью в город Саломея вошли три человека.

Они осторожничали, чтобы их никто не заметил.

Искали дом на узкой улочке: не первый, не второй, не третий... Вот этот — шестой.

Хозяин дома был приятелем одного из трёх. Он не ждал ночных гостей, и когда услышал тихий стук в дверь, насторожился и испугался. Жена тоже испугалась и шепнула мужу не открывать дверь

Стук повторился. Потом ещё, ещё.

— Иуда, открой... Это я Анания! — тихо произнёс кто-то за дверью.

Хозяин дома узнал своего приятеля, которого давно не видел. Но он не мог понять, почему тот звал его шёпотом и зачем он пришёл к нему. Вообще-то он недолюбливал его и был вовсе не рад его приходу.

Тем не менее, раз человек пришёл, надо его принять. Он успокоил жену, что это его давнишний знакомый, и пошёл открывать двери.

Анания и сопровождающие его ворвались в дом вовсе не как гости. Сперва, они осведомились, кто дома.

— Кроме жены — никого! — сказал озадаченный Иуда.

— Запри её в комнате, чтобы не подслушивала наш разговор! — приказал Анания.

Иуда не понял, к чему такая предосторожность.

— Запри её! — повторил гость приказ. Он не шутил.

Иуда выполнил приказ, хотя жена чуть было не подняла шум.

Гости осмотрели дом, все его комнаты, уголки, тайники, подвал, двор.

— Иуда, садись и слушай! — приказал приятель Анания. — Царю нужна твоя помощь!

Иуда чуть не упал со стула, так он содрогнулся. Ему стало плохо.

— Какому царю? — вымолвил он.

— А сколько у тебя царей, Иуда?.. Может быть, забыл, что в Иудее есть царь, и его зовут Агриппа?.. Может быть, твоим царём стал некий Христос? — строго и вопросительно взглянул Анания на Иуду. — Смотри, голову потеряешь... На твоих плечах не будет твоей головы!

— Анания, ты же мне друг... — всё тело Иуды дрожало от страха. — Почему ты так разговариваешь со мной?

— Скажи, ты стал христианином? Да или нет?! — голос Анании стал жестче. — Скажи правду!

— Да, я принял эту веру... Тут от Христа такие чудеса творятся...

— И потому царь тебе больше не нужен?

У Иуды сердце уходило в пятки.

— Хорошо... Ты можешь искупить свою вину перед царём... Ему нужна твоя помощь, понимаешь...

— Какую помощь я могу оказать царю?! — в недоумении произнёс Иуда.

Двое сопровождающих Ананию то и дело выглядывали из окна, выходили на улицу. Видимо, следили за секретностью своего пребывания в Саломее. И неожиданно для себя оба они увидели странный фиолетовый огонь над горой. Он расширялся и возвышался, освещая окрестности и небо.

— Анания, — встревоженно прошипел один, — Анания, выходи, посмотри, что творится!

Анания захватил с собой Иуду и вышел из дома. Увиденное ошеломило его.

Постепенно над городом распростёрся нежный фиолетовый покров, лаская своим светом все улицы, дома, уголки.

Анания и его спутники увидели, что люди тихо выходят из своих домов, взирая на небо и что-то шепча друг другу. Лишь радостные восклицания детей оживляли ночь.

— Мама, это улыбка Бога...

— Вот ангелы... Я их вижу...

— Как приятно...

— Возьми меня на руки, папа...

Гостей охватил страх. Они не смогли промолвить ни единого слова, пока в ранней утренней заре фиолетовый огонь над горой не поднял своё покрывало и не растворился вместе с ним в небе.

Первым пришёл в себя Анания — он загнал всех в дом и спросил у хозяина:

— Скажи, Иуда, что это было?

— Говорят, это огонь от молитвы...

— Какой молитвы?

— Там, в горах, есть Пещеры Философа... Говорят, в них есть Пещера Господа...

— Пещера Господа... Дальше? Говори, говори! — Анания сгорал от нетерпения.

— В Пещере Господа по ночам молятся христиане... Говорят, что это их молитва возгорается как пламя и покрывает весь город...

— Что ты ещё знаешь об этой Пещере?

— Я там никогда не был...

— А что ещё говорят люди? Скажи! — приказал хозяину гость.

— Говорят... Говорят... Говорят...

— Что? Что? Скажи! — гость терял терпение.

— Говорят, что Пещера Господа, как Храм Христа... Говорят, что в Пещере находятся чудотворный Крест Христа и чудотворная Икона Христа... Их сотворил ювелир Захарий...

— Что?! — не поверил своим ушам Анания. — Царь ищет Крест где-то в другом конце Иудеи, а он находится здесь? Скажи, ты же христианин, почему ты не там, в Пещере?

— Не всех туда берут...

— Назови, кто сейчас там может быть?

Иуда забормотал беспомощно:

— Саломея...

— Так-так, Саломея... Ещё?

— Иорам... Захарий-Ра... Старик Давид... Пекарь...

Не знаю, кто ещё...

— Значит, Саломея? Кто она такая? Почему она там?

— Она очень добрая девушка... Её благословил Иисус Христос...

— Ну и что?..

— Она учит детей... Она исцелила мою жену, спасла от смерти...

— Значит, совершает чудеса?

— Да...

— Она красивая?

— Она очень добрая...

— И красивая?

— Да...

Анания предвкушал своё счастье. Из комнаты жены хозяина послышался крик.

— Иди, посмотри, что с ней, и скажи, чтобы не шумела! Ясно? Иди! — приказал Анания Иуде.

Тот покорно встал и направился к жене.

— Анания, знаешь, что это было? — сказал один из гостей, который, было ясно, находился под сильным впечатлением фиолетовых огней. — Бог благословляет этот город...

Анания тоже понимал, что воочию увидел чудо, которое могло быть только от Господа. Но Господь Господом, а он должен вернуться к военачальнику и царю. Поможет ли ему там Господь этого города? Потому он, как собака, зарычал на своего товарища:

— Хакас, ты хочешь променять царя на их Бога?

— Нет-нет! — в спешке ответил Хакас. — Но об этом чуде надо рассказать царю!

— Расскажем... Но после того как вручим ему Саломею...

Вернулся хозяин.

— Успокоил жену? — спросил Анания.

— Да... Но ей плохо...

— Это хорошо, что ей плохо... А если станет хуже, будет ещё лучше! — сказал Анания. — А теперь послушай, что я тебе скажу. Сегодня, как только стемнеет, ты пойдёшь к Саломее и уговоришь её, чтобы она ещё раз пришла к тебе домой и исцелила твою жену...

Иуда с изумлением произнёс:

— Анания, зачем тебе это нужно?

— Хочу увидеть чудо! — ответил тот лукаво. — Больше этого знать тебе не дозволено. Если ты приведёшь её сюда сегодня вечером, то царь щедро тебя наградит... Он снял с пояса кошелек, в котором звенело серебро, и показал Иуде: «Здесь, знаешь, сколько? Столько же серебряников, за сколько продал твой тёзка своего Учителя... Если же не сделаешь, как говорю тебе, тогда царь велел нам покатить твою бедную голову по улицам Саломеи... Объяснить тебе всё сначала, или ты понял меня?

Иуда молчал.

— Думай... До вечера у тебя есть время решить, как тебе быть, но полагаю, что предпочтёшь серебро и голову на плечах... Верно? Скажи, правду я говорю?

Иуда покачал головой.

— Я верил в твою мудрость... — продолжал Анания. — А теперь дай нам передохнуть... А ты весь день не выходи из дома... Если кто придёт к тебе, скажи, что жена у тебя больна...

Гости расположились в уединённой комнате, откуда можно было наблюдать, что происходит на улице и как себя ведут хозяин с женой. Они спали поочерёдно. Когда же стемнело, они вышли из комнаты и позвали хозяина.

— Как жена? — поинтересовался Анания.

— Ей действительно стало хуже! — грустно ответил Иуда.

— Значит, ей нужна целительница Саломея! — сказал гость и дал Иуде последние наставления: — Тебя никто не должен видеть... Сделай так, чтобы люди не заметили, как Саломея идёт вместе с тобой в твой дом... А царскую щедрость забирай сейчас и спрячь куда хочешь... Потом у нас не будет времени этим заниматься...

Он протянул Иуде кошелёк.

Иуда взял его и пошёл в подвал прятать своё серебро. У него дрожали руки, отчего серебро звенело в кошельке. Он переживал странное чувство: не мог понять, рад был деньгам или скорее страдал оттого, что продаёт душу.

Но разве думает тот, кто продаёт душу, что же именно он продаёт?

Иуда, скажи, что сейчас тебе дороже: нежный покров фиолетового огня над твоим городом или кошелёк с тридцатью сребрениками, который ты держишь в руке и ищешь место, где его спрятать, чтобы никто и никогда не нашёл его?

И где будет находиться впредь твой клад, Иуда, на небе или в подвале твоего дома?

Ты сейчас закопаешь его в землю, а его там разъест ржавчина и съедят черви. А на небе также съедят черви душу твою. И ты умрёшь, Иуда, насовсем, ибо умрёт, разрушится, рассеется в звёздном пространстве душа твоя.

Не ходи к Саломее, Иуда, не зови её, ведь ты же догадываешься, зачем заставляют тебя звать её?

Они замышляют очень плохое, они похитят её и доставят царю.

Но кто есть царь, Иуда? Нет царей на Земле. Царь Один, Тот, который властвует над всеми на Земле, над всеми на Небе.

Это Бог.

Ты только что принял и поверил в Христа, Сына Бога, Мессию, и уже предаёшь Его!

Да, ты предаёшь именно Христа, ибо Саломея во Христе и Христос в ней.

Иуда, предательство есть самое тяжкое преступление во всей Вселенной, во всех Звёздных Мирах, и оно наказывается не казнью, не распятием. Не отсечением головы, а мерой, выше которой не существует — уничтожением души.

Не уничтожай себя, Иуда, стремись к совершенству, стань Богочеловеком, соработником Бога, строителем Вселенной!

В одно мгновение ты можешь потерять Вечность и Беспредельность, Иуда!

Хватит людям одного примера предательства, не умножай его!

Само имя — «Иуда» — тяжким бременем ложится на совесть человечества. Не делай его ещё тяжелее. Ты можешь спасти это имя, сотворив образ другого Иуды, Иуды преданного, чистого, боголюбивого и богобоязненного, светлого и мужественного, святого!

Пусть эти подонки убьют тебя, тем самым они убьют душу свою, а тебя сделают бессмертным!

Вот пришло к тебе, Иуда, испытание! Выдержи его!

Иуда вышел на улицу. Он знает переулки и потайные улочки, где люди не собираются по вечерам, чтобы поговорить о прожитом дне. Он идёт по этим улочкам и переулкам.

Вот дом Саломеи.

Она выходит из дома, как будто предчувствуя, что её сейчас позовут с улицы.

— Дядя Иуда, зачем ты здесь?

И он стал вторым Иудой, который тоже продал душу свою. Он отдал себя сатане. С ложными слезами на глазах он бормочет:

— Саломея, доченька, ещё раз спаси мою жену, она при смерти... Помоги, доченька...

Да, жена Иуды действительно при смерти. Она услышала разговор Анании с мужем. Она поняла, что муж продался. Набожная женщина возмутилась, разволновалась, и у неё отнялся язык, отнялись ноги, руки. И она всеми чувствами и мыслями обратилась к Иисусу Христу, Богу своему: «Забери, Господи, душу мою и избавь меня от греха и стыда!»

И Иисус вот-вот услышит её мольбу.

А Иуда плачет ложными слезами:

— Саломея, спаси жену мою... дочка моя...

И Саломея пошла за ним, поспешила спасти женщину, которую она исцелила уже однажды.

Почему Иуда ведёт её по таким безлюдным и порой труднопроходимым улочкам? И почему ещё он этими переулками удлиняет путь, когда каждое мгновение может изменить судьбу?

Сердце даёт знать Саломее о коварстве, но ум не хочет поверить: не может быть, чтобы этот старик замышлял зло, не все Иуды — «иуды». Но если даже поверит она Сердцу, всё равно, любовь к ближнему подскажет ей не обличать человека, пусть даже имеющего злое намерение. Саломея тоже проходит путь испытаний Вечной

Хранительницы Креста Христа. Опыт — ступенька к мудрости. Великий опыт — прыжок к великой Мудрости.

Вот они пришли к дому, не к первому, не ко второму, не к третьему, а к шестому в этом переулке. Они вошли в дом. Иуда повёл Саломею в комнату жены.

Мерцает тусклый свет от свечи. Саломея читает на лице женщины страдание всего мира: одним Иудой стало больше.

Из темных углов комнаты двое подкрались к Саломее. Один ловко засунул ей что-то в рот. Другой ловко накинул на неё мешок. Вдвоём они туго его завязали. Один помог другому перекинуть мешок за спину. И они исчезли в темноте улицы. Третий ждал их за углом с украденными лошадьми.

Иуда забыл о жене, о том, что она ушла от него навсегда. Схватил он тусклую свечу и бросился в подвал. Яма, в которую он положил кошелёк с тридцатью серебряниками, была пуста.

Он подумал, что ошибся. Начал копать рядом... потом ещё... и ещё... Так перекопал все вокруг...

Серебра нигде не было.

И свеча погасла.

И в полной тьме он закричал отчаянно и гневно, осуждая Бога, который так беспощадно обошёлся с ним.

Бог услышал его гнев и отозвался.

Дом рухнул с грохотом, и велико было его падение.

Он образовал вторую яму для второго Иуды.

ГЛАВА 32

— Что есть вера и кто есть верующий?

Этот вопрос задал Никодим.

Захарий-Ра, как обычно, обратился к своему Сердцу с просьбой дать ему высказаться. Так делал он с тех пор, как Богородица Мария сказала ему: «Живи по сердцу, и тебе откроется Истина». Сердце его и на этот раз затрепетало, раскрывая таинственный ларец, откуда потоком лились мысли. Захарий-Ра спокойно, уверенно, искренне и красиво озвучивал их. Люди зачарованно слушали:

«Вы хотите знать, что есть Вера в Бога? — сказал он. — Так вот, запомните! — и он перечислил по пальцам: — Вера в Бога есть путь к Богу, путь к познанию Истины. Она есть Свет ведущий в каждом из нас на этом пути. Она есть собирательница в нас наших Божественных сил. Вера в Бога есть Суть нашего совершенствования. Она есть Ключ к познанию себя и ближнего. Вера в Бога есть Любовь. Вера в Бога сделает каждого из нас Богочеловеком.

Вы хотите знать, кто есть верующий? Запомните! — и опять он перечислил им: — Верующий — тот, кто любит

Бога всей душою своею, всем сердцем своим, всем разумением своим. Верующий — тот, кто ищет Бога в себе и в ближнем и почитает Его. Верующий — тот, кто не допускает в вере своей ни малейшего сомнения. Верующий не испытывает Бога своего. Верующий — тот, кто живёт по Законам Бога. Верующий — тот, кто делает из себя сотрудника Бога. Верующий — тот, кто вынашивает веру свою в муках, страданиях, испытаниях, и восполнен самопожертвованием.

А не хотите ли знать, как вынашивать и растить в себе Веру в Бога? Вот слушайте.

В искушении пусть никто не говорит: „Бог меня искушает“, потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью. Похоть же, зачав, рождает грех, а совершенный грех рождает смерть.

Блажен человек, который переносит искушение, потому что, будучи испытан, он получает венец жизни, который обещал Господь любящим Его.

Что пользы, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?

Вера без дела мертва. Делами вера достигает совершенства. Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Кто понимает делать добро и не делает, тому грех.

Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться; много может усиленная молитва праведного.

Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём.

Никто из нас не живёт для себя и никто не умирает для себя.

А живём ли — для Господа живём, умираем ли — для Господа умираем. И потому, живём или умираем, — всегда Господни.

Если будете иметь веру и не усомнитесь, и скажете горе сей: „Поднимись и ввергнись в море“, — будет.

И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите...»

...Люди долго не расходились, обсуждали, осмысливали, повторяли и впитывали всё услышанное. Среди них особо усердствовали Никодим и Фома.

Захарий-Ра пошёл к Саломее.

Проходя мимо того места, где раньше стояла маленькая мастерская Захария, он с любовью и грустью вспомнил тот чудесный вечер, когда из Ниоткуда пришёл к нему со своей песней о Кресте. Сколько раз старый ювелир, ставший ему отцом, просил его ещё и ещё спеть ему эту песню. Она и сейчас зазвучала в душе Захария-Ра. «Спою тебе, отец, песню мою, которая стала и твоей. Ты, наверное, услышишь её и порадуешься», — подумал мальчик и тихо спел:

*Вмещу в себя боль Мира,
Расколю сердце, как чрево Земли,
Наполню его молниями.
Новое Сердце — Щит Мира.
Начертаю на нём знак Земли-Матери.
Крест Матери будет знаком Моего горения.*

«Ну как, отец, доволен?.. Чем ты сейчас занят, отец, там, в Царстве Небесном? Ты ювелир, и не можешь жить, предаваясь праздности... Душа твоя, наверное, трудится и создаёт на Небе божественную красоту... Увидеть бы тебя хоть на миг, отец мой... — думал Захарий-Ра, глядя на опустевшее место бывшей мастерской. — А что, если здесь, на этом месте, построить Храм Христа? — пришла в голову мысль. — Надо сказать об этом Иораму и Саломее!»

Неожиданно перед внутренним взором мальчика всплыл добрый и прекрасный образ Богоматери Марии. Её образ сопровождал Захария-Ра постоянно. Но сейчас было что-то особенное.

Она улыбнулась ему, как тогда, ласково, с любовью, и голос её зазвучал так, как будто она стояла рядом с ним: «Живи по сердцу, и тебе откроется Истина». И образ Богоматери погрузился в фиолетовый огонь.

Искра радости сверкнула в душе Захария-Ра. Он увидел эту искру и даже проследил, как она вошла внутрь его Сердца.

Сегодняшний день и так озадачил Захария-Ра; к нему пришли знания, которые он никогда не получал. Он говорил людям о Вере в Бога и о верующих в Бога. Говорил о них с полной верою и убеждением, чувствуя, что говорит только правду. Но откуда приходило к нему, что сказать? Он знает тогда, когда спрашивают и когда сам размышляет. Всегда знает обо всем, кроме как о себе самом.

А теперь и этот прекрасный образ Богоматери Марии, и эта необычная искра, от которой загорелась душа, а Сердце стало биться сильнее. И билось оно, как будто звенели небесные колокола, сообщая о том, что настало время.

Захарий-Ра погрузился в мысли-вопросы, которые постоянно сопровождали его, но на которые он не получал ответы и знания.

«Сердце моё, — обратился он к своему существу, — открой мне тайну, дай узнать, кто я... Я мальчик из Ниоткуда... Но где эта страна «Ниоткуда»?.. Я только помню, как с того конца улицы пришёл с песнею к доброму Захариию. Скажи мне, Сердце моё, почему старый ювелир, сыном которого я стал, назвал меня именем Ра? Кто есть Амон-Ра, о котором его друзья говорят с таким благоговением?.. И почему я полюбил Амон-Ра так же, как любят его друзья?

Друзья Амон-Ра стали моими друзьями. Они любят меня, а иногда говорят, что я как-то похож на Амон-Ра, и я смущаюсь... Сейчас встану с того места, где когда-то сидел отец Захарий, и пойду к Саломее... Она ждёт меня... Мы поднимемся в Пещеры Философа... Там мама Саломеи... Там Бунгло, его я полюбил тоже всем сердцем... В Пещере Господа мы будем молиться, чтобы на Земле было, как на Небе... К Саломее я чувствую любовь и родство душ... Сердце моё, скажи мне, кто она для меня?.. Она всё спрашивает меня: „Ты как Амон-Ра, но кто ты?..“ Дай мне, сердце моё, знать, кто я и зачем я здесь...»

Мысли вдруг приостановились.

В духовном мире Захария-Ра наступило Мгновение Великого Вселенского Безмолвия... Это была Вечность Вселенной, длившаяся Мгновение... А за Мгновением Безмолвия наступило другое Мгновение — Великое Мгновение Вселенского Просветления. И Мгновение это тоже равнялось Вечности Вселенной.

И Захарий-Ра узнал всё обо всём.

Он узнал всё обо всём — начиная с Земли до вот той прекрасной Звезды, которая мерцала над его головой и улыбалась ему.

Не содрогнулась душа Захария-Ра, она спокойно вместила в себя Бессмертие.

Не разорвалось сердце его, оно вместило в себя Вечность со всей Её Мудростью.

Не возмутился его разум, он только расширился до Беспредельности.

Он знал, что ему сейчас нужно было сделать.

Он встал, и так же мгновенно, как наступило в нём просветление, воля переместила его на большую дорогу, туда, где вот-вот должны были промчатся всадники с царской ношей.

Послышался топот коней.

Захарий-Ра стоял посреди дороги.

Летят на него лошади, миг... и растопчут его.

Увидев в тусклом свете ночи человека посередине дороги, всадники взмахнули хлыстами и закричали:

— Прочь, прочь с дороги...

«Стой!» — мысленно приказал Захарий-Ра коням.

И они остановились так быстро, что всадники не удержались, взлетели в воздух и друг за другом упали на землю перед Захарием-Ра. Потом быстро вскочили и взялись за свои кинжалы. Однако достать их из ножен не смогли. Вдруг ими овладел панический страх, отнявший у них и разум, и язык, и возможность убежать без оглядки. Они тряслись и глупо смотрели, как прекрасный юноша снял с коня мешок, разорвал его и вызволил оттуда девушку-красавицу. Саломея была без сознания.

Юноша приказал всадникам:

— Садитесь на коней и вернитесь к своему царю...

Те, счастливые, что юноша не трогает их, вскочили на лошадей и помчались, не думая пока о том, что они возвращаются ни с чем.

Захарий-Ра взял в руки Саломею и понёс её по дороге.

Душа девушки парила в воздухе. Захарий-Ра глядел на неё зачаровано.

Какая она прекрасная — Душа Саломеи!

Она чистая и прозрачная!

Светлая и лучистая!

Огненная!

Душа Саломеи — Любовь, Доброта, Вера!

Она — Преданность и Самопожертвование!

Она — Сострадание и Сорадость!

Она — Свобода и Мудрость!

Душа Саломеи — Душа Божьего ангела.

Захарий-Ра взглянул на девушку. Он нёс её нежно, осторожно, чтобы не спугнуть её сон.

Он посмотрел на неё и изумился.

Каждый день он видел её, слушал её, вместе с ней молился в Пещере Господа. А красоту её он увидел впервые.

Слова блекнут, нет их, и не с чем сравнить то, что само есть Мера Совершенства.

Всё прекрасное только отчасти можно сравнить с нею, но она ни с чем несравнима.

Жемчужины — как свет глаз Саломеи.

Ветерок — как дыхание Саломеи.

Облачко — как тело Саломеи.

Лучи Солнца — как волосы Саломеи.

Звёздное небо — как сама Саломея.

Прекрасная душа сотворила для себя прекрасное тело.

Только красота может сотворить красоту.

Захарий-Ра слышит в себе шёпот души Саломеи.

«Захарий-Ра, кто ты? — Саломея, я только что узнал, кто я. — Ты, как Амон-Ра. — Да, но не совсем. Я только часть сути Амон-Ра. — Почему? — Суть Амон-Ра обитает в Мире Высшем, в Царстве Небесном. Ей нелегко спуститься на Землю. — Он послал тебя? — Он сотворил меня, как часть своей сути, чтобы я мог быть рядом с тобой. — И он сейчас рядом со мной? — Да, это я. Я есть Амон-Ра. Я здесь, чтобы оберегать тебя и поддерживать в твоих трудных испытаниях. Я здесь, чтобы своим присутствием облегчить твою участь. — Почему ты жертвуешь собой? — Любовь не знает, что такое самопожертвование. Она такая. — Амон-Ра, я всегда жила твоей Любовью. — Мы, Саломея, родные души, мы едины... — Амон-Ра, я возвращаюсь в тело...»

Было за полночь, когда Захарий-Ра шагнул на площадку перед Пещерами Философа. Мама Саломеи и Бунгло, увидев их, встревожились.

— Дочь моя, Саломея, что с тобой? — вскрикнула мать.

Захарий-Ра уложил Саломею на землю.

Саломея открыла глаза. Она увидела Захария-Ра, улыбнулась ему и сказала слабым, но радостным голосом:

— Я видела чудесный сон... Теперь я знаю, кто ты... Ты часть сути Амон-Ра!

— Я здесь ради тебя, Саломея! — сказал Захарий-Ра. Он наклонился и нежно поцеловал её.

Мама Саломеи не поняла, о чём они.

Бунгло догадался.

ГЛАВА 33

Царь Агриппа вызвал своего военачальника.

Тот предчувствовал беду и выглядел смертельно бледным.

— Где Крест? — спросил царь. — Ты должен был доставить его мне три дня тому назад!

Бедный военачальник бросился ему в ноги.

— Мой повелитель, посланные за Крестом пропали без вести! — вымолвил он дрожащим голосом.

— Что-о-о?! — разгневался царь.

Военачальник затрясся: приближался гром.

— Они пропали, мой повелитель...

— Крест пропал вместе с ними? — опять загремел царь.

— Не знаю, мой повелитель... — пробормотал военачальник.

— А девушка где? — гнев и ярость царя возрастали. — И те пропали, которых ты отправил за ней?..

— Они должны вернуться сегодня... — ответил военачальник.

И в это время охранники сообщили, что трое вернулись.

У военачальника заискрилась надежда, но она тут же погасла, ибо он увидел своих «троих» без нужного груза. Они тоже бросились к ногам царя рядом со своим военачальником.

— Где девушка? — грозно спросил царь.

— Повелитель, — начал Анания, — мы везли её вам...

— Где девушка?! — кричал царь.

— Её у нас отняла по дороге нечистая сила...

— И вы вернулись живыми?! Стража! Взять их!

Стража тут же выполнила приказ царя.

— Повелитель, послушай меня... — взмолился Анания. — У меня есть важное сообщение для тебя... Очень важное...

— Говори! — приказал царь.

— Повелитель, чудотворный Крест, который ты ищешь, находится не в Храме Христа, а в Пещере Господа!

— В какой ещё Пещере Господа! — возмутился царь. — Заберите их!

— Повелитель... Повелитель... — отчаянно повторял Анания. — Я говорю правду... Там, в горах есть Пещера Господа, где находится чудотворный Крест и ещё чудотворная Икона... Там каждый вечер собираются христиане и молятся... Их собирает Саломея...

— А ночью над городом расстилается огненное покрывало... — начал было Хакас, но Анания ударил его локтём в бок и процедил: — Заткнись... не время...

Ярость царя стихла. «Значит, — подумал он, — прокуратор обманул меня, сказав, что Крест находится в Храме Христа... Обманул, чтобы заручиться моей поддержкой против Юстиниана».

— Скажи, насколько правда то, что ты говоришь? — строго спросил царь.

— Повелитель, это чистая правда... Если окружить гору, где Пещера Господа, можно будет завладеть и девушкой, и Крестом...

— Кто ещё об этом знает?

— Только мы, повелитель, никто другой!

«Тогда их надо до поры до времени держать в темнице, чтобы они не выдали этот секрет, и прокуратор не узнал о нём, — подумал Агриппа и приказал ещё строже: — В темницу их!..»

«Ясно, что прокуратор обманул меня... Обман за обман... Он не дожждётся моей поддержки против Юстиниана», — мысль эта закрутилась в голове царя, и она только начала закрепляться в нём, как сатана, парящий над ним, встревожился и возмутился.

«Нельзя менять уже принятое соглашение! — беззвучно закричал он, но в голове царя произошёл переполох. — Не забыл ли ты о строгом приказе римского императора Тиберия: преследовать, гнать и убивать христиан, не дать им множиться?.. Слуги, напомните царю об этом!»

Военачальник, которого стража тащила к выходу, вдруг отчаянно закричал:

— Мой повелитель, я должен был доложить тебе о военных приготовлениях против города Солнца!

И вдруг появился глава священников Каиафа. Он был взволнован: только что кто-то шепнул ему, что Агриппа собирается отменить поход против христиан города Солнца.

— Царь, — сказал он взволнованно, — пришёл к тебе, чтобы напомнить о приказе императора Тиберия... Если

не будешь гнать и убивать христиан, скоро они Иерусалим сделают своим городом!

Царь отрезвел. «Нет, идти против императора очень опасно! — подумал он. — Он самый злой из всех живших до него императоров... Он сметёт Иудею с её царем... А если Крест и девушка находятся в какой-то Пещере, тем лучше... После разгрома города Солнца я сам поведу своё войско к этой Пещере и заодно разгромлю город Саломею».

Сатана следил за мыслями Агриппы и, со своей стороны, усиливал их: «Тебе достанется и награбленное, и Крест чудотворный, и ещё какая-то Икона чудотворная... И девушка, из-за которой ты потерял покой... А император Тиберий наградит тебя за верность в исполнении приказа».

Мысли эти лезли в голову царя, и он в знак согласия с ними кивал головой.

— Каиафа, — обратился он к главе священников, — сейчас же пойдя к прокуратору и передай от меня, что...

И Каиафа, конечно, поспешил к прокуратору.

Над ним парил сатана.

Каиафа пришёл к прокуратору, когда тот тоже гневался на военачальника, доложившего ему, что отправленные за Крестом «торговцы» как в воду канули. Услышав об этом, прокуратор чуть не убил военачальника. Что же он скажет теперь жене? Он обещал доставить ей Крест в скором времени, и она ждёт этого дня с нетерпением. Иначе она пригрозила, что бросит его и вернётся в Рим.

Военачальника спасло то, что прокуратору сообщили о приходе главы священников Каиафы с важным сообщением от царя Агриппы.

Выслушав Каиафу, Понтий Пилат очень удивился. Царь предлагал: повести войска против города Солнца немедленно, удвоить численность воинов, то есть, брать с каждой стороны не по десять, а по двадцать тысяч, и, наконец, возглавить войска самому и не доверять своим военачальникам.

— Прокуратор, что мне сказать царю Агриппе? — спросил Каиафа.

Сатана проник в мысли Понтия Пилата: «Скажи: да, да, да!.. У тебя есть приказ императора уничтожить христиан, чтобы они не проникли в Рим... Спасай Рим от нашествия христиан!»

А Понтий Пилат качал головой и говорил: «Скажи царю: да, да, да!.. У меня есть приказ императора об уничтожении всех христиан, чтобы они не проникли в Рим... Я спасу Рим от нашествия христиан, а царь спасёт от них Иерусалим!..»

И Каиафа, и сатана были довольны...

...В ночь на третий день после этого дня на большую дорогу вышло двадцатитысячное войско иудейского царя, а за ним двинулось двадцатитысячное войско римских легионеров. Их возглавляли царь Агриппа и прокуратор Понтий. А над ними парил сатана.

Шли они весь день, и пыль с дороги покрывала всю окрестность, возможно, всю Иудею.

Вечером войска остановились неподалёку от города Солнца.

Царским воинам и римским легионерам десятники и сотники напоминали о том, что им необходимо быть беспощадными и жестокими, никого не оставлять в городе живым. После того, как все будут перебиты, город нужно ограбить, а потом сжечь дотла.

Царь и прокуратор договорились, что войско Иудей прорвётся в город через восточные ворота, а войско Римской империи — через западные.

В полночь царь и прокуратор расставили свои войска у восточных и западных ворот и ждали назначенного времени для начала боев...

...Весь день Илья со своей наблюдательной вышки внутренним взором старался увидеть, что происходило за стенами города. И увидел. Он увидел, как две огромные свинцовые тучи надвигаются на город Солнца: одна — с восточной стороны, другая — с западной. Они перекрыли небо, и наступила мгла. Тучи напустили на город град, ливень, потоп. Потом из-за туч вылетели тысячи тысяч саранчи и набросились на город, на людей. Илья даже видел лица тех, на кого нападала саранча. Вот рой саранчи гонится за Юстинианом, другой рой — за Августой, третий — за Иаковом, четвёртый — за ним самим. Погибают дети, женщины, старики, мастера, рабочие... все, все... Вскоре город Солнца охватило пламя чёрного огня. Оно испепелило Дворец, построенный по проекту великого неизвестного архитектора. Испепелило всё-всё-всё в городе. И на том месте, где стояли три скалистые глыбы с законами жизни в городе Солнца, возникли две огромные саранчи — главные военачальники. Они ликуют. А над ними парит сатана и злорадует: это его победа. Но остался ещё Храм Христа. Его сатана приберёт, чтобы напоследок ещё раз насладиться своим могуществом. «Сжечь!» — призывает он беззвучно главарей саранчи, и те направляют чёрный огонь на Храм Христа. Чёрный дым, шипя злобой, охватил Храм Христа. И Храм воспламенился, но не чёрным, а свет-

лым, ярким, фиолетовым огнём... Илья узрел великое сражение тьмы и Света...

— Иаков! — кричит Илья.

Иаков тоже здесь, в Храме, и живёт тут, как жили в Храме Христа Феофил и Филипп. Иаков молится у алтаря, где покоятся Крест и Икона.

— Иаков! — кричит Илья. — Надо будить весь город... Надо будить Юстиниана, Августу... Всех... У восточных и западных ворот стоят огромные войска... Они готовы убить всех и сжечь город... Мы бессильны противостоять им... Остаётся только молиться всем Богу о спасении...

Иаков не стал расспрашивать Илью, откуда он всё это знает. Он побежал будить Юстиниана и всех горожан. Надо их успокоить, надо, чтобы они с верою встретили свою судьбу...

Илья бросился к алтарю и, стоя на коленях, начал горячо молиться.

В молитве он обращался к Отцу Небесному, к Сыну Его Иисусу Христу, звал на помощь Богородицу Марию, апостолов Андрея и Симона Кананита, обращался к Амон-Ра. И звучала в его молитве мольба: «Небо, спаси город Солнца...»

...В Пещере Господа тоже молились.

У алтаря, где покоились чудотворный Крест Христа и лучистая чудотворная Икона Христа, стояли на коленях и возносили молитву Саломея, Захарий-Ра, Иорам, Старик Давид, пекарь, Агни, Соломон, мама Саломеи, Никодим, Фома, плотник, Пётр.

В их молитве звучали благодарение, благоговение, сострадание, радость. Сердца их излучали Любовь, Веру, Надежду.

И именно тогда, когда молитва вот-вот должна была зажечься фиолетовым огнём, Захарий-Ра услышал в себе голос своей Сути: «Помолитесь Иисусу Христу, чтобы через чудотворную Икону и чудотворный Крест сотворил Он чудо спасения города Солнца!»

Он упал ниц и взмолился так, что содрогнулось сердце каждого.

*Господь наш Иисус Христос, молю Тебя,
Пусть снизойдут милость Твоя и благодать Твоя
Через чудотворную Икону Твою и
Через чудотворный Крест Твой
Для спасения города Солнца и Храма Твоего...
О, Крест Священный и Икона Священная,
Молимся направить Твою чудотворную власть
На спасение города Солнца и Храма Христа,
На спасение детей Христа...
О, Священная Икона и Священный Крест...*

Содрогнувшиеся сердца молящихся восприняли от Захария-Ра тревогу и присоединились к его молитве.

Крест, лежащий на алтаре, приподнялся, приподнялась лучистая Икона, они объяли молящихся, направляя всю свою благодатную мощь в сторону города Солнца. В ту ночь фиолетовый огонь над горой следом погнался за лучом от Иконы...

...С теми, кто находился в злобном ожидании вторжения в город Солнца, произошло нечто непонятное, даже сатана и тот не понял, что это было. В глазах каждого на какую-то долю мгновения засветился солнечный луч, и тут же опять опустилась мгла. Разве стоило спра-

шивать друг друга «в глазах твоих тоже засветилось?», когда в следующее мгновение все, — и те, которые стояли у восточных ворот, и те, которые находились у западных, — воочию увидели, как перед ними сами распахиваются врата. Была тьма, но им казалось, что они видят всё, видят прекрасно.

Так казалось и сатане.

«Вперед!..» — закричал он беззвучно.

— Вперед! — отдали приказы главные военачальники с обеих сторон города.

— Вперед! — заорали сотники и десятники.

И озлобленные воины с адским гневом бросились к воротам.

«Убейте всех!..»

— Убейте всех...

— Убейте всех... — звучал гневный приказ.

И воины убивали. Они гнались за детьми, женщинами, стариками... За всеми, кто только убегал от них. Они вонзали свои кинжалы, сабли, копья в грудь каждому... Гудели злорадство и жажда крови... Росли горы трупов.

Главные военачальники встретились в центре событий.

Они победители великого сражения!

Воины притащили и бросили у ног военачальников Юстиниана и Августу.

«Грабь!»

— Грабь...

— Грабь... — зазвучали приказы военачальников.

И воины грабили дома, мастерские, грабили Дворец... Тащили награбленное золото и серебро и бросали в груду перед своими главными военачальниками.

Ограбили Храм и принесли Крест и Икону.

Увидев их, они набросились и вырывали друг у друга драгоценные вещи. Они дрались и были готовы убить друг друга, пока Икона и Крест не выпали из их рук и не разбились. Но разбились они на огромное количество мелких частиц, каждая из которых превратилась в малюсенький Крестик и в миниатюрную Икону. И все они, как светлячки, разлетелись по миру...

«Сжечь»!

— Сжечь...

— Сжечь... — раздались приказы.

И в мгновение ока всё было охвачено чёрным огнём. В чёрном пламени горели дома, мастерские, горели в чёрном огне Дворец, Храм...

Перед глазами главных военачальников город Солнца сгорел дотла, испепелился.

Все! Сражение закончено!

И оказалось, что Солнце стоит над головою воюющих, грабящих и сжигающих.

Первым увидел поле битвы под лучами Солнца царь Иудеи Герод Антиппа.

— Стой! — в ужасе заревел он.

— Стой! — вслед за ним в ужасе заревел прокуратор Римской империи в Иудее Понтий Пилат.

— Стой!

— Стой! — раздались приказы сотников и десятников.

Только сейчас увидели одержимые злостью, что вокруг светит Солнце.

И только сейчас взглянули они на поле их сражений.

И ужаснулись.

С кем же они воевали?

Друг с другом?!

Перед ними лежали горы трупов воинов царя и горы трупов римских легионеров!

Где же перебитые христиане?

Где развалины домов, Дворца, Храма?

Где пепелище от сожжённого города?

Где награбленные золото и серебро, и что это за груды камней, возведённые перед главными военачальниками?

И, вообще, где они находятся? Что это за пустыня вокруг?

Отчаяние охватило сатану.

Он бы сейчас же повесился, отсек бы себе голову, сам распял бы себя на кресте, бросил бы себя в испепеляющий чёрный огонь ада... Но, к несчастью своему, душа его была бессмертна. А как хотелось ему умереть!

Царь и прокуратор схватились за кинжалы, чтобы вонзить их себе в грудь, но сотники спасли их от покушения на самих себя: они отняли у них оружие и всыпали каждому по пощёчине, чтобы пришли в себя...

Придя в себя, они осознали, что остаются главными военачальниками.

Им понадобился месяц, чтобы с уцелевшими воинами выбраться из пустыни и найти дорогу в Иерусалим.

ГЛАВА 34

После той ночной молитвы ради спасения города Солнца Саломея решила навсегда остаться в Пещерах Философа. Свою школу она доверила Никодиму, бывшему фарисею. Он имел познания в науках и Священных Писаниях, всем сердцем, душою и разумом принял Иисуса Христа и любил детей.

Захарий-Ра, следуя предназначению своей Сущности, тоже насовсем остался в Пещерах Философа — он не мог оставить Саломею одну.

Саломея чувствовала, что ей нужно было осознать всю глубину своей Миссии. Захарий-Ра был готов помочь ей в этом.

Богородица Мария выбрала Саломею Вечной Хранительницей Чудотворного Креста Христа, а Саломея сделала себя ещё и Хранительницей Чудотворной Иконы Христа.

Она, таким образом, стала Вечной Хранительницей Христианских Святынь.

А её Священное Служение только начинается.

Сколько столетий и тысячелетий оно будет длиться?

Как нести Служение, как охранять и от кого защищать Святыни?

Саломея всё вспоминала слова Богородицы Марии и пыталась понять их суть.

Захарий-Ра облегчал ей духовный поиск.

Они общались мысленно...

«...Захарий-Ра, помнишь, Богородица говорила, что я уже на Земле могу готовить себя Небесной Покровительницей Креста Христа? Как это сделать? — Ты уже делаешь это, Саломея. — Как? — Богородица сказала тебе: „Да будет Воля Господа нашего Иисуса Христа в Сердце твоём...“ Твои молитвы восполняют тебя Волею Господа. — Но достаточно ли этого? — Богородица сказала тебе ещё, что у тебя есть дар видения будущего. — И что я могу с ним делать? — Попроси Господа в молитве, чтобы Он приоткрыл тебе возможную судьбу Креста в ближайшем и отдалённом будущем. И если сочтёшь, что судьба Креста должна складываться по-другому, подумай, какие нужно делать усилия, чтобы исправить её. — Но как я пойму, правильна или нет судьба Креста? — Лишь твоё сердце подскажет тебе. Надо довериться Ему. — Захарий-Ра, Богородица сказала, что Чудотворному Кресту суждено готовить человечество для последующего явления Мессии. Как это понять? — Саломея, ты есть Хранительница не только самого Креста, что перед тобой, но и того предназначения, ради которого Он сотворён. Ты должна определить, когда нужно запереть, спрятать Крест, чтобы Его не уничтожила тьма, и когда дать Ему возможность жить среди людей, на виду у всех, чтобы люди обретали веру и находили спасение. — Как Крест будет проявлять свою чудотворную силу? — Главная чудотворная сила Креста

будет проявляться в том, что каждый, соприкоснувшись с Ним или думая о Нём в своих молитвах, восполнится верою и благодатью. Крест будет вдохновлять искателей Истины и красоты... Он направит народы на созидание добрых дел, на победу над злом... Он избавит народы от чумы, от бедствий... — И всё это Он сделает сам? — Сам Крест не покажет никому чудотворную силу, если через Него люди в искренней молитве и в полной вере не попросят Господа проявить благодать... — Если кто захватит наши Святыни, что Он с ними сделает? — Захватить Крест и Икону жаждут силы тьмы. Но они знают, что ни Крест, ни Икона для них не станут чудотворными. Святыни наши не будут исцелять их недуги и воскрешать их мёртвых... Силы тьмы хотят только уничтожить их... — Зачем? — Чтобы ослабить силы верующих в Христа. — Как ты думаешь, Захарий-Ра, находятся ли сейчас Крест и Икона в надёжном укрытии? — Саломея, безопасность им обеспечивают не столько недоступные пещеры и крепости, и не столько секретность, где они будут находиться, сколько твоё присутствие рядом с ними. Они будут защищены мужеством и преданностью твоего духа. — Как я могу защищать Святыни от тьмы на Земле, если буду только на Небе? — Саломея, то, что ты построишь на Небе, будет строиться на Земле... — Но достаточна ли будет моя такая небесная забота, чтобы всегда надёжно уберечь и направить их судьбу? — Если сочтёшь нужным, можешь прийти на Землю — родиться заново, чтобы проявить заботу... Но ты можешь направить на Землю часть своей сущности... Тогда ты тоже будешь, как я, из Ниоткуда... — Богородица предупреждала, что Крест может оказаться в руках извергов и брошен в костёр. — Сейчас

только начало христианской жизни на Земле, и она сталкивается с ожесточённой силой тьмы. Разве не эта сила побила камнями Амон-Ра? Разве не эта тьма направляет царей и императоров преследовать, гнать и убивать апостолов Христа и их последователей?.. В будущем грянут жестокие войны... — А Крест? А Икона? — Силы тьмы уже стараются завладеть ими. Из-за Креста они погубили Захария... Из-за Креста были убиты Феофил и Филипп... Из-за Креста царь Иудеи и римский прокуратор повели свои войска против города Солнца... Силы тьмы похитили нас и держали в пещере разбойников... Потом они похитили тебя... И всё это ради того, чтобы уничтожить в людях стремление к Иисусу Христу... Чудотворный Крест есть символ того, что каждый должен взять свой крест и следовать по пути Истины... Это возмущает тьму».

Так они обсуждали Миссию Вечной Хранительницы Святынь.

По ночам, как обычно, в Пещеры Философа поднимались Иорам, Старик Давид, который возглавил строительство Храма на том месте, где стояла маленькая мастерская ювелира Захария, Никодим, который продолжал духовные беседы с людьми у пекарни, Соломон, он часто оставался в Пещерах и с разрешения Саломеи читал философские книги из сундуков Андрея, Агни — он стал помощником Никодима в школе, пекарь, который каждый день раздавал детям вкусные булочки, и другие. Все они вместе молились в Пещере Господа, а фиолетовый огонь над горой расстилал фиолетовое покрывало над городом Саломеей. Тогда многие горожане выходили на улицы и тоже присоединялись к их молитве.

В такой духовной жизни прошло полгода...

...Тем временем сатана, после трагических для него и для тех, кого он вдохновлял, событий в пустыне, пришёл в себя и набрался сил. Хотя он так и не понял, что же такое произошло с городом Солнца, но его прежние намерение уничтожить город Саломею через царя Агриппу не давало ему покоя. Он парил над Агриппой и постоянно загонял в его и так шипевшую от злости душу мысль о прекрасной девушке, о Чудотворном Кресте и о городе христиан Саломее. Каждый день засыпал Сатана к царю главу священников Каиафу с требованием разгромить и уничтожить всех христиан. Он напоминал царю о приказе императора Римской империи. Сатана прибегал и к другим мерам: по ночам он будоражил порочные чувства царя сновидениями, после чего Агриппа просыпался как сумасшедший — и днём, и ночью он бредил о прекрасной девушке по имени Саломея.

Наконец, сатана добился своего: царь собрал тридцатитысячное войско, призвал из темницы Анания, Хакаса и третьего с ними и приказал им показать дорогу к городу Саломее.

Примерно через три дня войско царя уже стояло неподалёку от города.

Царь решил учесть горький, странный и страшный опыт похода против города Солнца. На этот раз он поступил совершенно по-другому. Переоделся в одежду странника, взял с собой переодетых в слуг Ананию и нового военачальника, и они втроём направились в город. Царю нужно было удостовериться, что перед ним и его войском действительно стоит город и называется он Саломея. И в этом городе есть настоящие дома, чтобы разрушить и сжечь, и люди-христиане, чтобы убивать их

беспощадно. Кроме того, надо было предварительно разведать, насколько город богат, чтобы грабить его.

Было раннее утро.

«Странник» с первых же шагов по городу удивился двум обстоятельствам: город был похож на райский сад, а прохожие встречали их приветливо и доброжелательно. «В Иерусалиме так не бывает», — подумал он с завистью.

Он остановил мальчиков, которые куда-то торопились, и задал им важные для себя вопросы.

— Дети, куда вы спешите?

— В школу! — ответили они весело.

— У вас в городе школа?! — удивился «странник».

— Да, её создала Саломея, а теперь учит нас Никодим.

— А Саломея? Где она? — спросил «странник», у которого дрогнуло сердце от этого имени.

— Во-о-от там... — пальцем показали мальчики на гору, — в Пещерах Философа!

— А как ваш город называется? — спросил «странник».

— Са-ло-ме-я! — сказали они хором и убежали.

«Странник» со своими «слугами» прошёл по кварталу ремесленников.

Мастера любезно показали ему свои изделия. Царь удивился тончайшему искусству мастеров и с завистью подумал: «А у меня нет таких изделий во дворце», — и тут же успокоил себя: «Скоро всё это будет моё». Своему военачальнику он шепнул: «Этих мастеров не убивать. Мы возьмём их в Иерусалим. Пусть будут главными мастерами во дворце».

«Странники» прошли по площади города. Там они увидели большую группу людей, среди которых были слепые, калеки, тяжелобольные, которых родные принесли на носилках.

— Что тут происходит? — спросил «странник» собравшихся.

Ему объяснили, что слепые, калеки, больные пришли сюда издалека.

— Здесь есть добрый человек Иорам, он скоро придёт и исцелит их!

Иорам не заставил себя ждать.

«Странник» подошёл к нему близко, чтобы собственными глазами хорошо увидеть, как он будет исцелять этих обречённых.

Иорам обратился к слепому.

— Ты веришь, что я смогу исцелить тебя? — спросил он его.

— Да, верю, все в тебя верят! — уверенно ответил слепой.

— Но я исцелю тебя именем Господа моего Иисуса Христа! — сказал Иорам.

— Я принимаю Христа... Исцели меня ради Христа! — взмолился тот.

Тогда Иорам произнёс:

— От имени Господа Иисуса Христа, стань зрячим!

Слепой тотчас открыл глаза, увидел мир и заревел от радости:

— Вижу! Вижу! Спасибо Тебе, Господи Иисус Христос...

«Странник» то удивлялся, то возмущался.

Удивлялся он тому, что исцелялись обречённые. Но возмущался из-за того, что исцелялись они от имени Иисуса Христа.

Царь шепнул военачальнику: «Запомни его... Его надо брать живём, он будет главным целителем при дворе».

«Странник» пошёл дальше и увидел, что люди с воодушевлением строили какое-то большое здание.

— Что вы строите? — спросил он старика, который, по-видимому, руководил работой.

— Храм Креста! — ответил тот. — Через три дня закончим!

— А почему Креста? — удивился «странник».

— Потому что Крест есть символ Христа, и символ был сотворён на этом месте, где когда-то стояла маленькая мастерская великого ювелира Захария! — ответил старик.

— А где этот символ находится? — поинтересовался «странник».

Но старик взглянул на него недоверчиво и резко ответил:

— Не твоего ума дело!

«Странник» возмутился грубым к нему обращением. Хотел сказать ему, что он — царь, и как тот смеет с ним так говорить! Но не выдал себя и успокоился тем, что вскоре этот Храм будет разрушен. А военачальнику шепнул: «Этого старика возьмём с собой. Он будет главным строителем Иерусалима».

«Странник» со своими «слугами» подошёл к пекарне. Пекарь раздавал детям сдобные булочки. Вокруг пахло свежеиспечённым хлебом. Такой аромат хлеба царь познал впервые.

— Угощайтесь! — сказал пекарь и протянул булочки «страннику» и его сопровождающим.

Царь откусил булочку: «Как вкусно!» — и шепнул военачальнику: «И его возьмём живьём, будет главным пекарем во дворце!»

Военачальник осмелился напомнить царю, что и мастера, и целитель, и строитель, и пекарь — христиане, и их надо убивать, а не брать с собой.

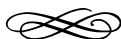
— Убить их успеем и в Иерусалиме! — мрачно отозвался царь.

Под вечер они увидели, как у пекарни собралось много народу.

Пришёл Никодим, и он рассказал им о заповеди Иисуса Христа, которая гласила: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас. Благодотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Странно, — подумал царь, — я их буду убивать, а взамен они будут молиться за меня!»

Они вернулись к месту, где стояло войско царя.

ГЛАВА 35

Царь Иудеи Агриппа на самом деле убедился, что город Саломея, где живут христиане и ради разрушения которого привёл он тридцатитысячное войско, действительно существует. Города Солнца он своими глазами не видел, даже крепостную стену не заметил, потому что была ночь. И царь до сих пор сомневается: существует ли на самом деле этот город? Другие говорят, что да. Но он уже никому не верит. А вот город Саломея он увидел воочию. Город без крепостной стены, значит, беззащитный. Город с прекрасными домами, мастерами, богатством. Город с живыми людьми — христианами. Хорошо, что он походил по городу вместе со свидетелями.

Но существуют ли так же реально девушка Саломея и Чудотворный Крест? Их он не видел и потому не знал, можно ли поверить в их существование.

В это время прибежал к нему Хакас.

— Царь, посмотри на чудо! — взволнованно сказал он и указал на вершину горы.

Царь не сразу заметил, о каком чуде говорили ему.

— Видишь огонь... огонь какой!

Да, увидел царь: над горой расстился фиолетовый огонь, пламя его касалось неба. Потом постепенно огонь распростёрся, как покрывало, окутавшее город Саломею.

Зрелище было удивительное и прекрасное. Разинув рты и вытаращив глаза, смотрели на огонь тридцать тысяч воинов и их мелкие и крупные начальники.

— Что это? — прошептал царь.

Хакас поспешил пояснить:

— Говорят, Царь, что там, в Пещерах, сейчас молятся христиане перед Крестом, эта молитва превращается в такой огонь и покрывает город... Сейчас в городе, прямо на улицах, тоже все молятся... — он приблизился к царю и шепнул ему: — Девушка-красавица, которую зовут Саломея, сейчас там, в Пещере... В Пещере Господа!

Царю захотелось сразу подняться в Пещеры и увидеть эту девушку, увидеть этот Крест, сразу забрать и её, и Его. Но Анания и Хакас убедили его, что это очень опасно.

— Их защищает огромный медведь! — пояснили они.

Тогда царь решил захватить город Саломею не ночью, а днём, с раннего утра. Это будет нетрудно, ибо город совсем незащищён. А потом, выбрав неожиданное время, направить войско на захват этой Пещеры Господа.

Он дождался утра и, как только рассвело, и показался город Саломея, — вот он, этот город, которого скоро не будет! — приказал военачальнику вести на него войско.

Вскоре началось сражение.

Но какое это было сражение?

Никто не сопротивлялся царским воинам.

А воины, как им было приказано, убивали всех... всех...

В городе не осталось ни одного живого существа.

Кроме целителя Иорама, будущего главного целителя дворца.

Кроме девяти мастеров, будущих главных мастеров изящных искусств дворца.

Кроме Старика Давида, будущего главного строителя Иерусалима.

Кроме пекаря, будущего главного пекаря дворца.

Военачальник привёл их с завязанными руками и бросил у ног царя...

Воины ограбили город.

Вот всё награбленное, оно горой возвышается перед царём.

Пора разрушить и сжечь город.

И перед глазами царя чёрный огонь пожирает его.

Был утром город Саломея на этом месте.

А теперь на этом же месте чёрный пепел...

Настала ночь.

Царь направил своё победоносное войско против пресловутых Пещер.

Воины его мужественные, не боятся ни тёмного леса, ни зверей в лесу, ни этого медведя...

Опять над горой вспыхнул фиолетовый огонь, опять над городом, теперь уже сожжённым, расстилается фиолетовое покрывало...

Но пусть!

Зато, вот, возвращаются его воины, которые ничего не боятся и ради царя готовы умереть.

Они запросто захватили Пещеры и за уши притащили огромного медведя, который держал всех в страхе и которым пугали царя. Но воины его бесстрашные, не то, что римские легионеры. Они бросили у ног своего царя огромного медведя, и жалкий зверь облизывает ему ноги...

Военачальник, стоя на коленях, протянул царю Чудотворный Крест.

Какое прекрасное изделие, какая дорогая вещь!

Анания и Хакас тащат девушку Саломею.

Неописуемая девичья красота!

Царь не может оторвать от неё глаз.

«Саломея, моя Саломея!» — шепчет он и горит нетерпением.

У кого ещё будет такая наложница!

Девушка сопротивляется, хочет высвободиться и убежать.

Ничего, он укротит её. Она ещё не знает, что её хочет сам царь.

Всё! Здесь уже нечего делать, пора победоносно вернуться в Иерусалим!

Пусть завидует прокуратор Понтий Пилат, пусть лопнет от злости!

У царя — и девушка, и Крест, и медведь, и награбленное.

За ним ещё и слава уничтожителя города христиан.

А не то, что было там, где-то в пустыне.

Сражение закончено.

Ну да, была какая-то странность в этом сражении — почему-то прошло оно без шума оружия, без победоносных криков воинов, без криков ужаса...

Но это не важно. Зато нет больше города Саломеи с его христианами.

Пусть военачальник выстроит войско, чтобы скорее добраться до Иерусалима.

Поторопитесь, пора двинуться!

Вот и чудесное Солнце всходит, чтобы поздравить царя с...

— Военачальник... — заревел вдруг царь, — что ты сделал с городом Саломеей?

Военачальник растерялся.

— Мой повелитель, я выполнил твой приказ — перерезал всех жителей, а город сжёг дотла!

Может быть, не надо было этого делать? Может быть, был отдан другой приказ? Военачальник испугался до смерти.

— Тогда что же это?! — и царь показал в сторону города.

Город Саломея начинал новый день.

Военачальники, сотники, десятники, сами воины, — их было тридцать тысяч, — с изумлением смотрели на город, который как и был вчера, так и стоял сегодня на своём месте.

Где награбленное?

Нет его.

Где пленники?

Нет их.

Где медведь?

Нет медведя.

Нет девушки Саломеи!

Нет Чудотворного Креста!

Сатана парит над царём и тоже не может ничего понять.

А царь кричит, орёт:

— Город этот сатанинский... — и отдаёт строжайший приказ: — Захватить его немедленно... Убить всех, всех... Грабить... Сжигать...

Насмерть испуганный военачальник тут же возглавляет страшный поход тридцатитысячного войска на город Саломею.

И царь сам видит, как убивают, как разрушают, как грабят и сжигают...

А потом воины захватывают Пещеры...

Но горит опять над горой фиолетовый огонь, да разве это важно!

Зато здесь девушка Саломея, у неё связаны руки.

Вот и Крест.

Разве это не победа?

— Военачальник, быстрее выстраивай войско, чтобы обратиться отсюда до восхода Солнца!..

Но нет, Солнце всё-таки опередило!..

И видит царь: город Саломея так и стоит.

А самой Саломеи и Креста нет нигде!

Царь, военачальники, сотники, десятники, тридцать тысяч воинов приходят в отчаяние: этого не может быть!.. Но это так!..

И царь заревел:

— Захватить город...

Теперь уже он сам вскакивает на лошадь и с саблей в руке возглавляет нашествие.

Сам убивает, сам грабит, разрушает, сжигает...

Потом сам ведёт войско захватить пресловутые Пещеры.

Трудно царю карабкаться по узкой тропинке, но он всё же поднялся к маленькой площадке.

У входа в Пещеры лежит огромный медведь, но он напуган появлением царя и бросается ему в ноги.

Царь врывается в Пещеру Господа.

Молящиеся тоже бросаются ему в ноги, просят пощады.

Но пощады не будет.

Своим отравленным кинжалом он сам косит всех без разбора, кроме прекрасной Саломеи.

Но Саломея сопротивляется, пытается ускользнуть.

Её связывают по рукам и ногам.

Откуда-то появляется некий мальчик и хочет освободить Саломею.

Его убивает сам царь.

На алтаре он видит знакомый Крест.

Царь хватает Его и держит в правой руке.

На алтаре покоится лучистая Икона.

Царь хватает Её тоже и держит в левой руке.

Сражение закончено.

Войско спускается с горы.

Но чтобы победа была закреплена окончательно, надо сжечь саму гору со своими Пещерами и фиолетовыми огнями.

И он приказывает поджечь гору.

И горит гора, горят деревья, кусты, горят звери в лесу.

Ой, какой огромный костёр!

Разве это не действительность?

Вот пепел от сожжённого города Саломеи.

Царь пробует пепел на вкус — он горький.

И это тоже действительность.

А самая правдивая действительность — вот она, прекрасная девушка, теперь уже собственность царя. И эти трофеи: Крест и Икона. Царь крепко держит их в руках. А ещё награбленное: оно горой возвышается перед царём.

Но главная добыча всё же эта девушка-красавица Саломея! Вот она, вот! У неё связаны руки и ноги, и царь не может оторвать от неё глаз.

Это ли не победа?

Что из того, что сражение проходило без бряцания оружия, без криков и воплей, без грохота от разрушений? Всё это, наверное, было, но в разгаре страстей их никто не услышал.

Пусть теперь взойдёт Солнце и поздравит царя с победой.

Как-никак, он победил самого сатану!

Пусть взойдёт Солнце!..

Но царь боится восхода Солнца.

Сатана, который парит над ним, тоже боится восхода Солнца.

Он готов покончить с жизнью хотя бы на одну вечность, но не может.

А Солнце никого и ничего не боится.

Восходит Солнце и озаряет истину — город Саломея начинает новый день.

И царь Иудеи Агриппа падает ниц и плачет.

